

ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

*Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле
1549 года*

Нижний Новгород
2022

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П 42

Рецензенты:

д. и. н. А. Е. Негин,
к. и. н. А. А. Сорокин

Редколлегия:

к. и. н., младший научный сотрудник ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П 42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород, 2022. – 143 с., ил.
ISBN 978-5-91326-814-3

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI вв. и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, посвященном годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн.

*Памяти первооткрывателя
истории дальнеконстантиновской земли
Николая Федоровича Грязнова*

**Грязнов Николай Федорович
(1956–2022)**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Втюрина К. Н., Четвертаков Е. В. Погребение с монетой князя Дмитрия Юрьевича Шемяки с Кужадонского терюханского могильника (Дальнеконстантиновский район Нижегородской области).....	6
Козлов Д. А. Накладка поясной сумки из погребения 159 Мордовско-Паркинского могильника в контексте аналогий и исторических событий Восточной Европы на рубеже XIV–XV веков.....	21
Свечников С. К. Марийское население Окско-Сурского междуречья в XVI веке.....	33
Несин М. А. Русский поход на Казань 1478 года	40
Селезнев Ф. А. Абрамов городок как нижегородская крепость, которую штурмовал в 1505 году казанский хан Мухаммед Эмин.....	47
Илюшин Б. А. Служилые инородцы Нижегородского края в XVI веке.....	59
Малышев А. В. Отражение похода на Казань 1552 года в «народной» этимологии топонимов Нижегородского Поволжья.....	79
Инжутов А. А. К вопросу о формировании сети поселений Арзамасского уезда во второй половине XVI века (на примере поселений бассейна рек Тёши и Пьяна).....	85
Парадеев Е. И. Восстановление маршрутов старинных дорог XVI–XVII веков на основе сведений о межах.....	106

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для территории Среднего Поволжья XV и XVI века выделяются в особый исторический период: с одной стороны, это было время существования Казанского ханства, с другой стороны, на политической карте Восточной Европы появляется обширное Московское царство, что означало начало формирования российской континентальной империи. Именно в этот период Московское царство начинает приобретать большинство признаков современного государства, отличающегося от средневекового деперсонализированной властью, передачей ряда властных функций от монарха чиновничеству, оформлением чётких границ, появлением национальной церкви (начиная с самостоятельного выбора митрополита в середине XV века и заканчивая появлением русского патриарха в конце XVI века) и другими чертами. Радикально изменилось и русское военное дело: мы наблюдаем его ориентализацию, «пороховую революцию», наконец появление поместного войска и стрельцов.

Все эти процессы и явления до сих пор привлекают внимание профессиональных историков и просто интересующихся историей людей. Какие-то вопросы хорошо исследованы, какие-то ещё требуют доработки. Поэтому важно продолжать изучение этого периода, углубляться в «местную историю», краеведение, но не забывать и про обобщение материалов.

Периоду русско-казанских войн, которые являются основным историческим фоном для периода XV–XVI веков в Среднем Поволжье, был посвящён научно-практический онлайн-семинар, состоявшийся 27 марта 2022 году и приуроченный к годовщине мартовской битвы на Константиновом поле в 1549 году. В ходе семинара прозвучали интересные доклады по марийской, мордовской, русской, татарской истории, археологии и этнографии, вошедшие в настоящий сборник.

Редколлегия

К. Н. Втюрина
ГИАХМЗ РТ «Остров-град Свияжск»
kvtyurina@inbox.ru

Е. В. Четвертаков
ГИАХМЗ РТ «Остров-град Свияжск»
tank_kuz@mail.ru

**ПОГРЕБЕНИЕ С МОНЕТОЙ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ЮРЬЕВИЧА ШЕМЯКИ
С КУЖАДОНСКОГО ТЕРЮХАНСКОГО МОГИЛЬНИКА
(ДАЛЬНЕКОНСТАНТИНОВСКИЙ РАЙОН НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В 2021 году отрядом экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством магистранта КФУ Втюриной К. Н. была проведена археологическая разведка на территории Дальнеконстантиновского муниципального района Нижегородской области на участке между деревнями Сарадон и Кужадон с целью обнаружения места нахождения известного с 1920-х гг. Кужадонского терюханского могильника. В ходе обследования данного памятника было обнаружено и изучено погребение, относящиеся к хронологическому периоду середины - второй половины XV века, что является веским аргументом в пользу существования селения Кужадон (первонач. Кужадом) уже в этот период.

Ключевые слова: мордва-терюхане, Кужадонский могильник, погребальный обряд.

В 2021 году отрядом экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством магистранта КФУ Втюриной К. Н. была проведена археологическая разведка на территории Дальнеконстантиновского муниципального района Нижегородской области на участке между деревнями Сарадон и Кужадон с целью обнаружения места нахождения известного с 1920-х гг. Кужадонского терюханского могильника. Могильник впервые был обнаружен и обследован в 1927 году под руководством исследователей С. П. Толстого и Б. С. Жукова. Однако отсутствовала точная локализация данного могильника, не были известны границы и размер памятника.

Разведочные работы стали продолжением исследований в бассейне реки Озерка, проведенных отрядом экспедиции Дальнеконстантиновского районного музея под руководством Е. В. Четвертакова в 2015 г. (Четвертаков, 2015. Л. 14-26) и 2016 г. (Четвертаков, 2016. Л. 6-26) (в ходе разведок в 2015 г. были обнаружены и обследованы поселение XI-XIV вв. - Большое Терюшево 1 и могильник XI-XIV вв. - Помра 3, в 2016 г. были обнаружены и обследованы мордовский грунтовый могильник XI-XVII вв. - Староселье 3 и мордовское селище XI-XVII вв. - Помра 4), разведок Н. В. ИONOва в 2017 г. (Ионов, 2017. Л. 1-36) и 2018 г. (Ионов, 2018. Л. 1-88) в ходе которых было обнаружено и зафиксировано поселение эпохи раннего железного века - Лубянцы 1 и средневековое селище - Лубянцы 2, а также разведки К. Н. Втюриной в 2021 г. (Втюрина, 2021. Л. 1-62) в результате которой были обнаружены селище Кужадон 2 и курганный могильник Сарадон 1.

Кужадонский грунтовый могильник, следуя архивным данным, располагался на южной окраине деревни Кужадон, на склоне левого берега реки Шемлей (Керметь), притока р. Озерка, в 1 км от русла. Впервые данный памятник был обследован в 1927 году двумя исследователями - С. П. Толстовым и Б. С. Жуковым (Жуков, 1927. Л. 66). Данные раскопки проводились по заданию Центрального музея народов СССР. Археолог Е. И. Горюнова работала на Сарлейском могильнике, Б. С. Жуков и С. П. Толстов – на Кужадонском могильнике (Сорокина, 2022. С. 123-124).

Размеры могильника не были определены. Памятник был разрушен постройками, выгоном для скота. Исследователи зафиксировали продолговатые всхолмления и впадины, вытянутые с северо-запада на юго-восток, а также записали предание о большом кургане на северном окончании могильника. Было исследовано 62 кв. м. и обнаружено 29 погребений: 7 мужских, 7 женских и 15 детских (ил. 1). Материал из погребений близок к позднему комплексу Сарлейского могильника и связан с культурой мордвы-терюхан, известной по этнографическим данным с XIX века. Могильник датировался исследователями по комплексу вещей периодом XIV-XVII вв. (Жуков, 1928. С. 283).

По результатам работ комплексной экспедиции было подготовлено и издано большое количество научных публикаций. К сожалению, материалы могильника Кужадон в их числе опубликованы не были. В отчете так же содержится информация, что коллекции из раскопок Сарлейского и Кужадонского могильников поступили на хранение в Центральный музей народоведения (г. Москва). Могильник Кужадон содержится в перечне памятников, «находящихся под угрозой разрушения местным населением, по которым экспедицией в целях охраны установлено индивидуальное наблюдение местных советских органов, краеведческих организаций и отдельных лиц – корреспондентов АКЭ». В Архиве Института истории материальной культуры (Санкт Петербург) находится отчет Б. С. Жукова и О. Н. Бадера о разведках и раскопках в 1927 г., содержащий информацию о могильнике Кужадон. Краткий отчет о раскопках могильника Кужадон насчитывает одну страницу, распечатанную с двух сторон на машинке. Ввиду краткости и информативности отчета мы приводим ниже его текст полностью, без каких-либо сокращений (Жуков, 1927. Л. 66).

Антропологическая комплексная экспедиция по ЦПО. Палеоэтнологический отряд Центрального музея народоведения.

Краткий отчет.

По раскопкам терюханского могильника у д. Кужадон Дальне Константиновской волости Нижегородского уезда и губернии, произведенным 16-22 июля 1927 г.

Руководитель работ Б. С. Жуков. Сотрудник С. П. Толстов.

Кужадонский терюханский могильник, расположенный в северной части района обитания мордвы-терюхан стал известен экспедиции на основании сведений, полученных Нижегородским областным музеем с места о самочинных раскопках, произведенных местными комсомольцами на расположенном в конце деревни Кужадон и хорошо известном населению древнем мордовском кладбище в 1924 году (материалы, добытые этими раскопками, не сохранились). По поручению начальника экспедиции Б. С. Жукова могильник был 15 июля обследован работавшим в районе обитания мордвы-терюхан этнографическим отрядом экспедиции под руководством С. П. Толстова, после чего, согласно имевшимся инструкциям, 16 июля С. П. Толстов приступил к раскопкам могильника, а 18 июля сюда прибыл Б. С. Жуков, лично руководивший в дальнейшем всеми раскопками до их окончания. Могильник расположен на восточном конце деревни Кужадон, на склоне возвышенности, на которой расположена деревня, полого спускающемся на восток к расположенной в одном километре от деревни речке Керметь и более круто в овраг с южной стороны деревни. Могильник в значительной своей части застроен по-видимому, до небольшого оврага, расположенного примерно в 300 метрах от восточной околицы деревни. Во всяком случае, при застройке крайних 10 усадеб восточного конца селения крестьянами был сделан ряд находок костей, черепов, украшений и орудий труда.

Открытая площадь могильника расположена между восточной околицей деревни и картофельным полем, так же, возможно захватывающим могильник и тянущимся до речки Кермети, со склоном на восток и представляет из себя выгон для мелкого скота в виде вытянутого с севера на юг прямоугольника 60х200 метров, сперва полого, а затем круто спускающегося к расположенному на юг от деревни оврагу.

Площадь могильника покрыта хорошо заметными продолговатыми возвышенностями и ямками, вытянутыми большей частью с северо-запада на юго-восток. У населения существует целый ряд преданий о могильнике и молениях в роще, располагавшийся будто бы неподалеку от могильника близ речки Керметь. Следует отметить предание об имевшемся будто бы на северном краю могильника большом кургане, в котором похоронен «мордовский барин с тройкой лошадей и всей семьей», которое может быть говорит об имевшихся в составе могильника курганах, сравненных в настоящее время с землей.

При раскопках было заложено три траншеи в северной части могильника, на пологой части склона, общей площадью в 62 метра. Всего было вскрыто 29 погребений. Из них – мужских – 7, женских – 7 и детских 15. Регистрация материала велась по карточной системе. Материал складывается из описания могильника (морфологического и исторического), дневника, карточек траншей, 28 регистрационных карточек погребений, крока

расположения могильника, плана могильника и раскопок, трех планов траншей, 32 рисунков погребений и их деталей и 22 фотографий.

Добытые материалы поступили в палеоэтнологическую лабораторию Центрального музея народоведения.

Культура Кужадонского могильника оказалась весьма близкой к одному из поздних комплексов Сарлейского могильника и непосредственно увязывающейся с культурой современных терюхан

Коллекционная опись по добытым предметам еще не закончена.

Руководитель работ Бор. Жуков.

28/IV-28.

Косвенными свидетельствами о месте нахождения данного могильника являются краеведческие работы об истории мордвы-терюхан. В частности, нижегородский краевед Д. В. Карабельников локализует Кужадонский могильник в районе восточной окраины современной д. Кужадон (Карабельников, 2009. С. 12), артефакты, собранные краеведом, хранятся в фондах музея ННГУ им. Н. И. Лобачевского (Ануфриева, 2018) (ил. 2).

В 2016 году археологом А. А. Доманиным было проведено археологическое обследование на месте строительства автомобильной дороги – подъезда к д. Кужадон от а/д. Кстово – Дальнее Константиново. В рамках своих историко-архивных исследований он пришел к выводу о том, что Кужадонский могильник располагается на восточной окраине деревни Кужадон, «на склоне возвышенности» (Доманин, 2016. Л. 19). На восточной окраине д. Кужадон археологом, в месте, где металлодетектором было выявлено скопление предметов из цветных металлов, был поставлен разведочный шурф. Находок, обладающих историко-культурной ценностью при постановке шурфа не обнаружено (Доманин, 2016. Л. 21-22).

В 2021 году в результате проведенных мероприятий экспедицией Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством К. Н. Втюриной был обнаружен памятник археологии – грунтовый могильник Кужадон 1 (Втюрина, 2021. Л. 1-89). Памятник расположен на участке левобережья реки Шемлей (бывшая Керметь), которая является левым притоком реки Озерки. Могильник находится в районе восточной окраины д. Кужадон. Северная граница памятника расположена в 90 м к юго-востоку дома №159А, а его восточная граница в 520 м к западу от а/д Кстово – Дальнее Константиново.

Территория могильника размещается на регулярно распахиваемых сельхозугодиях. Участок, который занимает памятник, представляет собой возвышенную площадку с выраженными пологими склонами к юго-западу и юго-востоку от центра могильника. Абсолютные отметки высоты варьируются от 103 м (в южной части памятника) до 113 м (в северной части памятника) по Балтийской системе высот. Южная граница памятника вдоль

берегового склона ручья Кужадонга, который впадает в р. Шемлей (Керметь). Западная граница проходит вдоль небольшого оврага, который отделяет могильник от жилой застройки и огородов. Северная и восточная граница памятника проходят по регулярно распахиваемым сельхозугодьям и маркируются выходами на поверхность пашни фрагментов человеческих костей. Границы памятника имеют форму овала, вытянутого по линии северо-запад юго-восток. Его максимальные размеры длины и ширины составили 182x140 м. Площадь памятника около 2 га (ил. 3, 4).

При осмотре подверженной регулярной распашке (вследствие сельскохозяйственной обработки) почвы, на дневной поверхности памятника была собрана коллекция подъемного материала, состоящая из фрагментов керамических сосудов, створок раковин каури, индивидуальных находок из черного и цветного металлов, а также фрагменты человеческих костей и кость конечности копытного (коровы). Незначительный керамический комплекс (14 фрагментов), полученный в ходе археологической разведки на участке обнаруженного памятника могильник Кужадон 1, представлен единичными фрагментами различных керамических типов.

Кроме керамического материала, были найдены индивидуальные находки из черного и цветного металла. Данные находки можно разделить на две группы по своему происхождению – это находки, оставленные в поле вследствие регулярных сельскохозяйственных работ (фрагмент конской подковы, подковный гвоздь, конское ремennое кольцо) (ил. 5, 1-5), и находки, которые по всей видимости могут происходить из разрушенных погребальных комплексов (фрагменты бронзовых браслетов и застежек-фибул, а также монеты периода XVII-XVIII вв.) (ил. 5, 6-14).

Для более детального определения характера памятника были заложены археологические шурфы. Интересующий нас шурф №1, с максимальными размерами 2x2 м, был разбит западной половине памятника, в 142 м к юго-юго-востоку от дома №159А и в 107 м к северу от ручья Кужадонга. Шурф №1 был разбит на месте грабительской ямы (ее максимальные размеры 65x47 см), при переборке грунта из которой были обнаружены фрагменты человеческих костей и индивидуальные находки – железный кованый нож, согнутый в районе лезвия, и фрагмент железной ремennой пряжки.

Грунт в шурфе в качестве балласта снимался единым пластом (пласт 1), а затем просеивался в ситах. Культурного слоя какого-либо поселения обнаружено не было. Шурф разбирался в два этапа: на первом этапе был произведен разбор квадрата 1 с выходом на костяк погребенного, на втором этапе была произведена прирезка на участке квадратов 2, 2А, 2Б для полного разбора погребения.

На глубине 18-20 см от дневной поверхности на материковом грунте был обнаружен человеческий костяк (погребение №1). Кости погребенного были расположены частично в анатомическом порядке, однако часть бедренной кости была разрушена грабительской ямой. Были зафиксированы распавшиеся кости черепа, фрагмент нижней челюсти, фрагменты верхних конечностей, фрагменты тазобедренного сустава, а также фрагменты берцовых и бедренных костей. Контуры могильной ямы погребения не читались. Ориентировка погребения - северо-западная. Поза погребенного плохо читается: тело погребенного было вытянуто и лежало на спине, левая рука согнута, лежит на правом плече (ил. 6, 8).

Погребение №1, судя по инвентарю, мужское. Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты:

- кресало железное кованное в виде плоской прямоугольной пластины (ил. 8, 1). Самые ранние образцы подобных изделий известны по погребениям удмуртских могильников, где они присутствуют в комплексах с монетами Ивана III и Василия III (1440–1533 гг.) (Крыласова 2006. С. 285). В археологических комплексах мордвы-терюхан данный тип пластинчатых кресал обычно встречается в погребениях XVI-XVII вв. Изделие лежало между берцовыми костями погребенного.

- кольца железного кованного фрагмент (ил. 8, 2). Изделие лежало в районе правой берцовой кости.

- кольца железного кованного фрагмент (ил. 8, 3). Изделие лежало в районе пояса.

- застежка бронзовая с кольцом круглого сечения и с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами (ил. 8, 4). Застежка располагалась в районе правой части груди. Диаметр застежек от 3,0 до 3,3 мм.

- язычок бронзовый от застежки (ил. 8, 5). Изделие находилось в районе правой берцовой кости.

- камень кресальный (ил. 8, 7). Изделие находилось рядом с кресалом, в районе берцовых костей.

В районе западного борта шурфа были обнаружены кости курицы.

В районе левой части груди погребенного была обнаружена серебряная монета – серебряная денга (ил. 8, 6). На аверсе монеты изображен всадник с копьем, слева от всадника - буква «д», справа - буква «о» и круговая легенда «+КНЗЬ ВЕЛІКІ ДМІТРІ ЮРЬЕВИЧЬ», на реверсе – князь в короне, сидящий на троне, 3/4 вправо, с приложенным к плечу мечом в правой руке; перед ним человеческая фигура в виде извилистой линии с круговой легендой «ОСПО... ВСЕА РУСН». Монета принадлежит чекану князя Дмитрия Юрьевича Шемяки периода 1446-1453 годов (Гоглов, Титов, 2016. С. 231, тип 45; Гулецкий, Петрунин, 2017. С. 182-183,

тип 2065D), когда тот был выгнан из Москвы, однако не отказался от великокняжеских амбиций и продолжал использовать штемпеля, взятые при отступлении.

Обнаруженное погребение можно охарактеризовать как рядовое мужское погребение мордвы-терюхан, относящееся к хронологическому периоду середины - второй половины XV века, что является веским аргументом в пользу существования селения Кужадон (первонач. Кужадом) уже в этот период.

Список источников и литературы.

Ануфриева И. В. Находки с могильника Кужадон в коллекции музея ННГУ / Видео доклада. Региональная научно-практическая конференция «Народы Среднего Поволжья на перекрёстке эпох». Центр традиционной культуры «Константиново поле». Село Татарское, 12 апреля 2018 года / YouTube-канал «Школа первобытного гончара».

Втюрина К. Н. Отчет об археологической разведке на участке между деревнями Сарадон и Кужадон на территории Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в 2020 году // Архив ИА РАН. Р.1. 62 л.

Втюрина К. Н. Отчет об археологической разведке на участке между деревнями Сарадон и Кужадон на территории Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в 2021 году. // Архив ИА РАН. Р.1. 89 л.

Доманин А. А. Отчет об археологическом обследовании проектируемого объекта: «Строительство автомобильной дороги Подъезд к д. Кужадон от а/д Кстово – Дальнее Константиново – а/д Нижний Новгород – Саратов в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области» в 2016 г. Л. 19.

Жуков Б. С. Очерк трехлетних работ антропологической комплексной экспедиции по ЦАО Антропологического научного института (1925-1927 гг.). Отдельный оттиск из журнала «Известия Ассоциации». Т. 1. Вып. 1-2. М., 1928. С. 265- 283.

Жуков Б. С. Бадер О. Н. Отчет о разведках и раскопках в ЦПО и в Крыму сотрудников Палеолитической лаборатории Антропологической института МГУ под руководством Б. С. Жукова и О. Н. Бадера. Ф.2. Оп.1. 1927. № 113. Л. 66.

Ионов Н. В. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Озерка в районе с. Лубянцы на территории Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р.1. Л. 36.

Ионов Н. В. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Озерка в районе с. Лубянцы на территории Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р.1. Л. 88.

Карабельников Д. В. «Откуда есть пошла земля» терюшевская... // Журнал «Нижегородский музей». Нижний Новгород, 2009. №18. С. 12-17.

Крыласова И. Б. Типология и хронология стальных кресал Пермского Предуралья // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 2006. С. 279–291.

Гоглов С. А., Титов Г. А. О монетном чекане князя Дмитрия Юрьевича Шемяки // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 2. М., 2016. С. 198-232.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские средневековые монеты. Издание 2-е. М., 2017. 660 с.

Сорокина А. В. Документы и фотоматериалы о мордве-терюханах комплексной антропологической экспедиции 1-го МГУ 1925–1929 гг. по Нижегородской губернии (по

материалам фондов НГИАМЗ и ЦАНО) // Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы. Нижний Новгород, Богородск: Вариант, 2022. С. 121-128.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологической разведке на территории Воскресенского, Краснобаковского и Дальнеконстантиновского районов Нижегородской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Л. 14-26.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Л. 6-26.

1

2

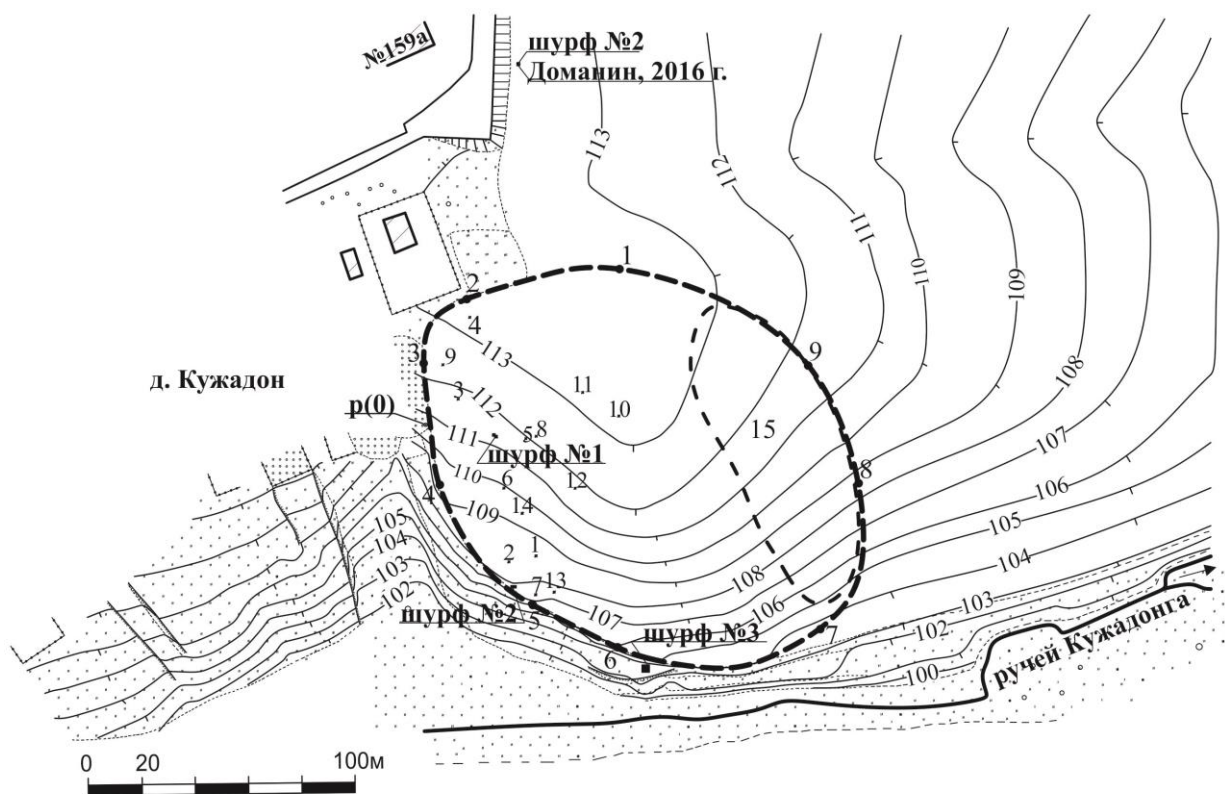
3

Ил. 1. Фотографии из альбома «Нижегородская антропологическая экспедиция».
Фонд Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.
 1 – раскопки Кужадонского мордовского (терюханского) могильника XVII–XVIII вв.;
 2 – раскопки погребений на Кужадонском могильнике; 3 – одно из погребений
 Кужадонского могильника.

Ил. 2. Дальнеконстантиновский район. Кужадонский могильник. Индивидуальные находки. Сборы Д. В. Карабельникова. Фонд музея ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

1-6 – браслеты бронзовые; 7-11 – застёжки-фибулы бронзовые;
12-13 – пряслица керамические; 14 – топор железный; 15 – привеска бронзовая.

Ил. 3. Дальнеконстантиновский район. Могильник Кужадон 1. План.

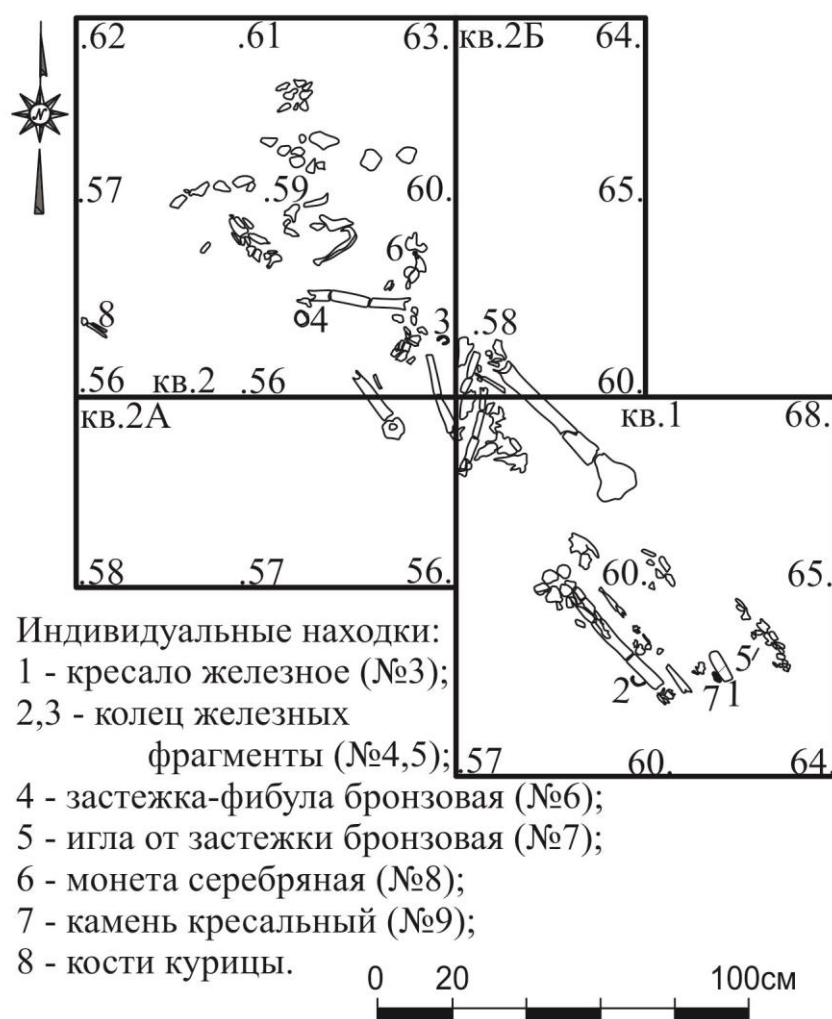

**Илл. 4. Дальнеконстантиновский район. Могильник Кужадон 1.
Общий вид с северо-востока-востока.**

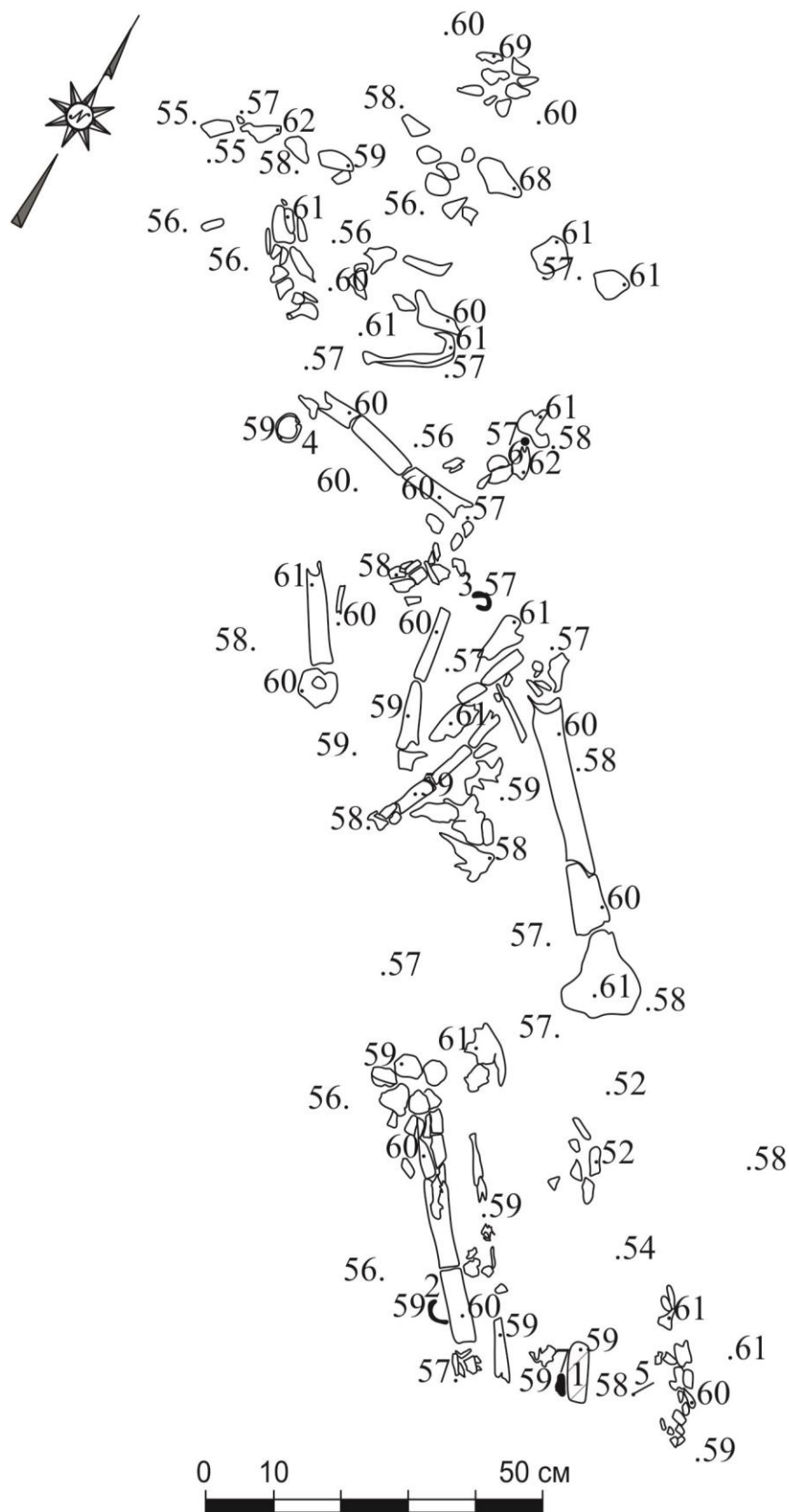

**Ил. 5. Дальнеконстантиновский район. Могильник Кужадон 1.
Подъемный материал. Индивидуальные находки.**

1 – нож железный; 2 – изделия железного фрагмент; 3 – подкова железная; 4 – кольцо железное; 5 – гвоздь железный; 6,7 – застёжки-фибулы бронзовые; 8 – застёжки-фибулы железной фрагмент; 9-11 – браслетов бронзовых фрагменты; 12,13 – монеты серебряные; 14 – створка раковины-каури.

**Ил. 6. Дальнеконстантиновский район. Могильник Кужадон 1.
Шурф №1. Погребение №1. План.**

Илл. 7. Дальнеконстантиновский район. Могильник Кузадон 1.
Погребение №1. План. Индивидуальные находки.
 1 – кресало железное; 2,3 – колец железных фрагменты; 4 – застёжка фибула бронзовая;
 5 – игла от застёжки бронзовая; 6 – монета серебряная; 7 – камень кресальный.

Ил. 8. Дальнеконстантиновский район. Могильник Кужадон 1.

Шурф №1. Погребение №1. Индивидуальные находки:

1 – кресало железное; 2,3 – колец железных фрагменты; 4 – застёжка фибула бронзовая; 5 – игла от застёжки бронзовая; 6 – монета серебряная; 7 – камень кресальный; 8 - фрагмент венчика красноглиняного гладкого керамического сосуда; 9-11 - кости курицы.

**НАКЛАДКА ПОЯСНОЙ СУМКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 159
МОРДОВСКО-ПАРКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА
В КОНТЕКСТЕ АНАЛОГИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ XIV-XV ВВ.**

В статье рассматривается находка в погребении 159 Мордовско-Паркинского могильника медной накладки. По аналогиям из археологических памятников Восточной Европы она атрибутируется как накладка на поясную сумку. Устанавливается территориальное распределение подобных предметов, позволяющее выявить определенные районы их концентрации. По имеющимся материалам Восточной Европы XIII–XV вв., делается предположение о появлении моды на поясные сумки в Литве под влиянием Золотой Орды. Подобные мордовско-паркинской накладки, напротив, наибольшее распространение имеют в Литве и единично попадают в Восточную Европу, что связывается с обратным импульсом в период усиления Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: мордва-мокша, поясная сумка, накладка, Золотая Орда, Великое княжество Литовское, Пулад, Джелал-ад-Дин, Витовт.

В настоящее время изучение материальной культуры мордвы конца XIV – начала XV в. в пределах Окско-Сурского междуречья является одной из актуальных проблем. Практически не изученными являются древности, относящиеся к XV в., как и материалы последующего периода, вплоть до середины XVI в. (Хронология..., 2008, С. 150). Причины этого кроются как в возможных событиях данной эпохи (войны, эпидемия чумы и т.д.), так и крайней малочисленности исследованных памятников этого периода. Погребальные комплексы с датированными материалами конца XIV – начала XV в. в регионе единичны. Каждый из них представляет безусловный интерес для науки, особенно датированные монетами. Два таких комплекса были исследованы экспедицией МГУ им. Н.П. Огарёва и МРОКМ им. И.Д. Воронина под руководством А.А. Беговаткина в 1997 г. на Мордовско-Паркинском могильнике (Беговаткин, 2000. С. 105–110).

Данный могильник находится в Краснослободском районе Республики Мордовия у с. Мордовские Парки, содержит погребения обширного временного интервала (XI–XVIII вв.) и соотносится с мордвой-мокшей. В мужском погребении 159, ориентированном головой на юг, были обнаружены: пряжки, кольцо, топор, кресало, сюльгамо с гранёными лопастями и две подвески с рамчатыми петлями на шарнире. Вместе с этими предметами была обнаружена золотоордынская серебряная монета, данг чеканенный при хане Пуладе (1407–1410 гг.), который по каким-то причинам датирован 1390–1396 гг. (Хронология..., 2008. С. 58), хотя в это время правил хан Тохтамыш (1381–1395) (Почекаев, 2012. С.398). По сильной потертости монеты, автор публикации датировал этот комплекс в пределах конца XIV – 1-й четверти XV

в. (Беговаткин, 2000. С. 110). Таким образом в целом, *время жизни мужчины*, похороненного в этой могиле можно датировать в пределах *4-й четверти XIV – 1-й четверти XV в. (1370–1420-е гг.)*.

Многие предметы этого погребения представляют интерес как хронологические маркеры – это рамчатые пряжки сплюснутой прямоугольной формы (Рис. 1.2-3), калачевидное кресало с широким «язычком» центре (Рис. 1.5), топор без щековиц (Рис. 1.8), сьюльгама (Рис. 1.9). Особый интерес представляют подвески, обнаруженные в данном комплексе (Рис. 1.6-7), так как подобные предметы в мордовском погребении встречены пока впервые.

Целью данной статьи является поиск аналогий подвескам из этого погребения, установление их места на костюме, выявление распространения подобных находок в Восточной Европе, определение их происхождения и предположения о причинах появления у мужчины жившем на рубеже XIV–XV вв.

Обе накладки имеют различную форму (Рис. 2.1-2). Аналогии обнаружены нами пока только для одной из них (Рис. 2.2). Это двусоставная подвеска, представляющая собой прямоугольную петлю, подвешенную на приемнике, сделанном в виде трилистника с тремя отверстиями для заклёпок. Находки подобных изделий известны в материалах Восточной и Северной Европы как из культурных слоёв поселений, так и из могильников. Используемые в данной работе материалы нанесены на Карту Восточной Европы 1-й половины XV в. (Карта..., 2022) (Рис. 4, Карта).

В пределах территории Золотой Орды и на землях её вассалов, подобные предметы обнаружены единично в культурных слоях, что не позволяет установить их назначение. Приведем некоторые из них, представленные на Рис. 2: городище Болгар (Полякова, 1996. Рис. 68, 12, С. 205) (Рис. 2.3), городище Важнангерское (Никитина, Михеева, 2006. Рис. 52, 26, С. 127) (Рис. 2.4). Авторы публикации по Важнангерскому городищу (Аламнэр), указывают на подобные предметы ещё с двух археологических памятников Прикамья – Батынгузского (Торецкого) III селища и с Камаевского городища (Никитина, Михеева, 2006. С. 128). Достаточно много их найдено на поселениях земель Московского княжества: селище Рождественно (Богомоллов, Гоняный..., 2009. Рис. 42.7. С. 319; Богомоллов, Гоняный..., 2012. Рис. 1, 9, 12, С. 375) (Рис. 2.5-7), селище Боброво 2 (Богомоллов, Брусенцов..., 2016. рис. 4.9, С. 184) (Рис. 2.8), селище Скрипино-1 (Баранов, Модин..., 2019. Рис. 5.205, С. 102) (Рис. 2.9), селище Гостино (Шполянский, 2021. Рис. 6.4, С. 155) (Рис. 2.10). Обнаружены такие накладки и на Украине, на землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского после 1360-х гг. – в Дубно (Прищепа..., 2008. Рис. 6.5, С. 284) (Рис. 2.11) и в Киеве (Івакін..., 2006. Рис. 1.4, С. 176) (Рис. 2.12). Отсутствуют пока данные по подобным накладкам в Великом Новгороде и в Старой Руссе, изученным по многочисленным раскопам и на землях Новгородской земли.

Имеются находки подобных предметов и из польского Гданьска (Данциг), принадлежавшего тогда Тевтонскому ордену (Рис. 2.13) (Сеунова, 2020. S. 553–556, Tabl. XIII. S. 591).

Функциональное назначение данной накладки помогает понять уникальный артефакт начала XV в., хранящийся в музее Кирилло-Белозерского монастыря, это поясная сумка принадлежавшая основателю монастыря на берегу Белого озера – преподобному Кириллу (Козьме), жившему в 1337–1427 гг. (Рис. 3.1) (Калита..., 2022). Это позволяет достоверно установить, что данная подвеска является петлёй для подвешивания от поясной сумки, и подтверждает датировку мордовско-паркинского комплекса на русском материале.

Наибольшее количество близких и прямых аналогий обнаруживается в пределах Великого княжества Литовского того периода. Особенно много их найдено в языческих литовских погребениях (Рис. 4). Там подобные сумки и их детали обнаружены десятками, а идентичные – в синхронных мордовско-паркинскому погребению 159 комплексах. Так, в могильнике Кармелаве подобные сумки обнаружены в погребениях 160 (Рис. 4.2) и 170 (Рис. 4.3) (Rickevičiute, 2003. P. 170, 27 pav., 71, 74 pav., P. 187; 77, 80 pav., P. 189), в погребении 120 могильника Тулпякемис (Рис. 2.14) (Varnas, 1995. pav. 15.1-3, P. 256), в погребении 139 литовского могильника Августинишки (Латвия) (Берга, 2001. pav. 7 (Рис. 7), P. 427 (Рис. 4.4), в погребении 14 могильника Диктарай (Urbanaviciene, 1995. pav. 35.1, P. 184) (Рис. 2.15). При этом в погребении 160 могильника Кармелаве в сумке была найдена монета князя Александра (Витовта), правившего княжеством в 1392–1430 гг., что ещё раз подтверждает синхронность этих сумок из Великого княжества Литовского, Московского княжества, Золотой Орды и их вассалов. Во многих из данных комплексов обнаружены железные пряжки, аналогичные мордовско-паркинским (Рис. 1.2, 3 и Рис. 2.14). Некоторые литовские исследователи, в частности Евгений Светикас считает их не элементами пояса, а деталью гарнитуры сумки (Svetikas, 2001. T. 15, P. 389–430).

По классификации накладок на поясные сумки того же исследователя, накладка из погребения 159 Мордовско-Паркинского могильника относится к типу II, в этой же работе представлены многочисленные аналогии и наборы деталей поясных сумок из Литвы (Svetikas, 2003. T. 24, P. 241–266). Г.Ф. Полякова по материалам городища Болгара выделяет эти накладки в тип В-VIII (Полякова, 1996. С. 206), а Т.Б. Никитина и А.И. Михеева по материалам Важнангерского городища в Тип 1 (железная, крестовидной формы) (Никитина, Михеева, 2006. С. 128).

Вопрос о происхождении поясных сумок Восточной Европы XIII–XV вв. пока ещё далёк от решения и фактически только ставится в научной литературе. Однако на датированном материале из Золотой Орды уже сейчас можно отметить, что в пределах этого

государства, безусловно существовало своё производство подобных изделий. Наиболее ранней известной нам серией сумок являются изделия рубежа XIII–XIV вв., представленные в погребениях кочевников из п. 1 к.2 могильника Тасмола-IV (Кадырбаев, Бурнашева, 1970. С. 42–53), п. 1 к. 1 могильника Северное-II (Ларенок, 2022. Рис. 4.1, 2, 4), п. 1 к. 4 могильника Скатовка (фонды СОМК, раск. И.В. Синицына) (Проект «Укек», 2022), п. 1 к. 1 могильника Белореченский (раск. Веселовского, 1896 г.) (Горелик, Дружинина, 2011. рис. 7.1, С. 49), датирующиеся на сравнительном материале (кресала, поясные наборы, гарнитура колчаных наборов) и по монетам 4-й четвертью XIII – 1-й четвертью XIV в. (Козлов, 2022. С. 256–258). Более поздняя группа сумок, датирующаяся 2–3-й четвертью XIV в., хорошо описана Е. П. Мыськовым по материалам Волго-Донского междуречья (Мыськов, 2015. С. 212–217). Имеются подобные сумки и в Среднем Поволжье (Аткарск, к. 1 п. 1) (Гарустович..., 1998. С. 191; Табл. XXII, С. 325) и в Нижнем Поднепровье (Дмухайловка, к. 6, п. 1) (Шалобудов, 1983. С. 21, рис. 3.6, С. 27), где также датированы монетами 1340–1370-х гг.

Рассматривая литовские материалы, можно отметить, что в них отсутствуют детали сумок, характерные для золотоордынских комплексов рубежа XIII–XIV вв., в тоже время имеются прямые аналогии и дериваты золотоордынским изделиям XIV в. В частности, как примеры можно сравнить сумки из погребения 142 могильника Обяляй, которое по ритуалу (труположение) и по пряжке, можно датировать не ранее 2-й половины XIV в. (Urbanavicius, Urbanaviciene, 1988. 89 pav. P. 51), с сумкой из могильника Бахтияровка (Яворская, 2001. Рис. 5.6, С. 92), где накладки-петли явно начала XIV в. На данных образцах, сближающихся по форме накладок-застёжек, вполне очевидно, что золотоордынский материал в данном случае первичен. С чем это связано пока не ясно. Но уже можно предположить, что литовская традиция ношения и изготовления поясных сумок явно имела, в том числе и золотоордынское происхождение, тем более, что в эпоху «Великой замятни» часть золотоордынских территорий напрямую вошли в состав Великого княжества Литовского (Поднепровье). В этой связи стоит отметить и моду в княжестве на серьги золотоордынского типа в виде знака вопроса, которые получили самостоятельное развитие уже в XV в. Европейский импульс также нельзя исключать, так как Литва находилась в пограничье Золотой Орды и стран Центральной Европы, но пока он не просматривается.

В тоже время, детали сумок аналогичные мордовско-паркинской, в Золотой Орде и на русских землях обнаруживаются единично, тогда как в литовских труположениях конца XIV – начала XV в. они многочисленны. Данный факт позволяет предположить, что эти изделия в данный период имели уже обратный вектор распространения – из Великого княжества Литовского на сопредельные территории (земли Тевтонского ордена, русские

княжества, Золотая Орда). Особенно это наглядно на карте находок накладок и сумок с такими накладками (Рис. 4).

Появление литовских сумок на территории Золотой Орды и в погребении 159 Мордовско-Паркинского могильника в частности, в конце XIV – начале XV в., вероятно, объясняется тем, что этот период взаимодействия Золотой Орды и её представителей с Великим княжеством Литовским было довольно оживленным, так как усилившееся после «Великой замятни» в Орде княжество, само стало оказывать влияние на военно-политическую ситуацию в ослабленном государстве (неоднократно вступая в союзы и воюя в том числе и с Московским княжеством).

Попадание литовской сумки в мордовско-паркинское погребение могло быть связано со следующими событиями. В 1381 г. хан Тохтамыш становится единоличным правителем Золотой Орды. За период своего правления он пытается восстановить бывшее могущество государства, заключает военные союзы, торговые соглашения, гасит сепаратизм отдельных областей и своим усилением приходит в противоречие с соседними государствами. Прежде всего, со своим недавним союзником эмиром Чагатайского улуса Тимуром (Тамерланом). Это приводит к нескольким войнам, которые закончились для Тохтамыша поражением, уничтожением многих городов государства, гибелью населения и окончательно положили конец стабильности в Золотой Орде. С 1395 по 1406 г. Тохтамыш пытается вернуть себе престол в противоборстве с союзником Тимура темником Едигеем (Идигу), фактически управлявшим разоренным государством (Почекаев, 2012. С. 189–211).

В ходе междоусобной борьбы сторонников семьи хана Тохтамыша (погибшего в 1406 г.), со сторонниками темника Едигея, в 1407 г. ханом становится Пулад, ставленник Едигея. В 1408 г. он воюет против союзников семьи бывшего хана Тохтамыша – Великого княжества Литовского в Поднепровье (Греков, 1975. С. 261).

В тоже время, сначала при дворе у московского князя Василия Дмитриевича, а затем и при дворе великого князя литовского Витовта находится сын погибшего хана Тохтамыша Джелал-ад-Дин с отрядом золотоордынской конницы (Якубовский, Греков, 1950. С. 400). Он вместе со своим отрядом принял участие в Грюнвальдском (Жальгирис) сражении на стороне польско-литовской армии против армии Тевтонского ордена в 1410 г., закончившейся для коалиции победой.

Исходя из этого, можно предположить три версии попадания этой сумки к мордовскому мужчине, похороненному в погребении 159 Мордовско-Паркинского могильника. Возможно, мокшанин, получил эту поясную сумку как трофей во время войны хана Пулада против Литвы в 1408 г. Напротив, мордовско-паркинский мокшанин мог состоять в отряде противника хана Пулада – Джелал-ад-Дина и принимать участие в событиях в

Великом княжестве Литовском в 1408–1410 гг. и там приобрести модное тогда изделие. Версия о торговом происхождении этой сумки также вполне может иметь право на существование, но она пока не имеет кроме этой накладки оснований – литовских изделий этого периода в археологических памятниках мордвы. В тоже время, наличие подобных сумок у жителей Московского княжества вполне очевидно ввиду того, что само княжество непосредственно граничило с Великим княжеством Литовским и оба княжества вели товарообмен. При этом отметим, что отсутствие подобных накладок в Новгороде и его землях, вряд ли связано с отсутствием торговли с Литвой.

На основе находки в погребении 159 Мордовско-Паркинского могильника накладок-петель на сумку и аналогичных им предметов из археологических памятников Восточной и Северной Европы и из музейных коллекций, мы установили их место в костюме Московского княжества и Золотой Орды рубежа XIV–XV вв., сделали попытку определить их происхождение на сравнительном материале XIV–XV вв. В процессе этого, наиболее аргументированным, на наш взгляд, является факт того, что поясные сумки в Золотой Орде появились ранее литовских и видимо послужили прототипом для последних. В свою очередь, после ослабления Золотой Орды во 2-й половине XIV в., в конце столетия и на рубеже XV в. уже сумки из Великого княжества Литовского появляются как в Московском княжестве, так и единично в Золотой Орде. В напряженный период междоусобной борьбы в Золотой Орде, могли быть разные пути появления литовской сумки у мокшанского мужчины из мордовско-паркинского комплекса. Опираясь на датированные монетами погребения из литовских языческих могильников, сумку преподобного Кирилла Белозерского и находки в погребении 159 Мордовско-Паркинского могильника, удалось выявить некоторые характерные предметы 4-й четверти XIV в. – 1-й четверти XV в. – пряжки, кресала, топоры в материальной культуре эпохи. Это является важным условием дальнейшей разработки хронологии археологического материала XV в., позволяющее наметить черты развития материальной культуры в более позднее время.

Список источников и литературы.

Баранов Н. А., Модин Р. Н., Попов А. А., Прошкин О. Л., Терещенко Е. И. Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013–2014 годов // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Выпуск 15. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 96–131.

Беговаткин А. А. Погребения с монетами из Мордовско-Паркинского могильника // Древности Окско-Сурского междуречья: Сб. научных статей. Вып. 2. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск. 2000. С. 105–110.

Берга Татьяна. Литовские элементы в кладбищах Августинишки и Слутиски XIV – начала XVII века // Lietuvos archeologija. T. 21. Vilnius. 2001. P. 421–430.

Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Раскопки средневекового селища Боброво 2 // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Выпуск 12. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 173–205.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождественно Одинцовского района Московской области // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Выпуск 5. М.: Институт археологии РАН, 2009. С. 281–326.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Выпуск 8. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 366–388.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 2008. 352 с.

Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа. Изд-во «Гилем». 1998. 336 с.

Горелик М. В., Дружинина И. А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. №1. 2011 (2). С. 39–63.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М.: Изд-во «Наука». 1975. 520 с.

Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1970. С. 42–53.

Калита Кирилл Белозерского <https://veretel7.livejournal.com/29156.html> (дата обращения 11.05.2022 г.).

Карта Восточная Европа в I-й половине XV в. <https://windoffields.livejournal.com/34924.html> (дата обращения 12.05.2022 г.).

Козлов Д. А. Накладки аскизского типа из мордовского погребения №6 Аткарского могильника // Археология евразийских степей №3. 2022. С. 249–263.

Ларенок В. А., Ларенок П. А. Погребение кочевника-тюрка из могильника Северный-II // <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st004.shtml> (дата обращения 11.05.2022 г.).

Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды: монография. Волгоград. Изд-во ФГБОУ ВО ГАНХиГС. 2015. 484 с.

Никитина Т. Б., Михеева А. И. Аламнэр: Миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.

Полякова Г. Ф. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. 300 с.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

Прищепя Б. А., Чекурков В. В., Ткач В. В. Продовження досліжень середньовічного м. Дубна // Археологічні дослідження в Україні. 2006–2007. Київ. ИА НАН. 2008. С. 282–284.

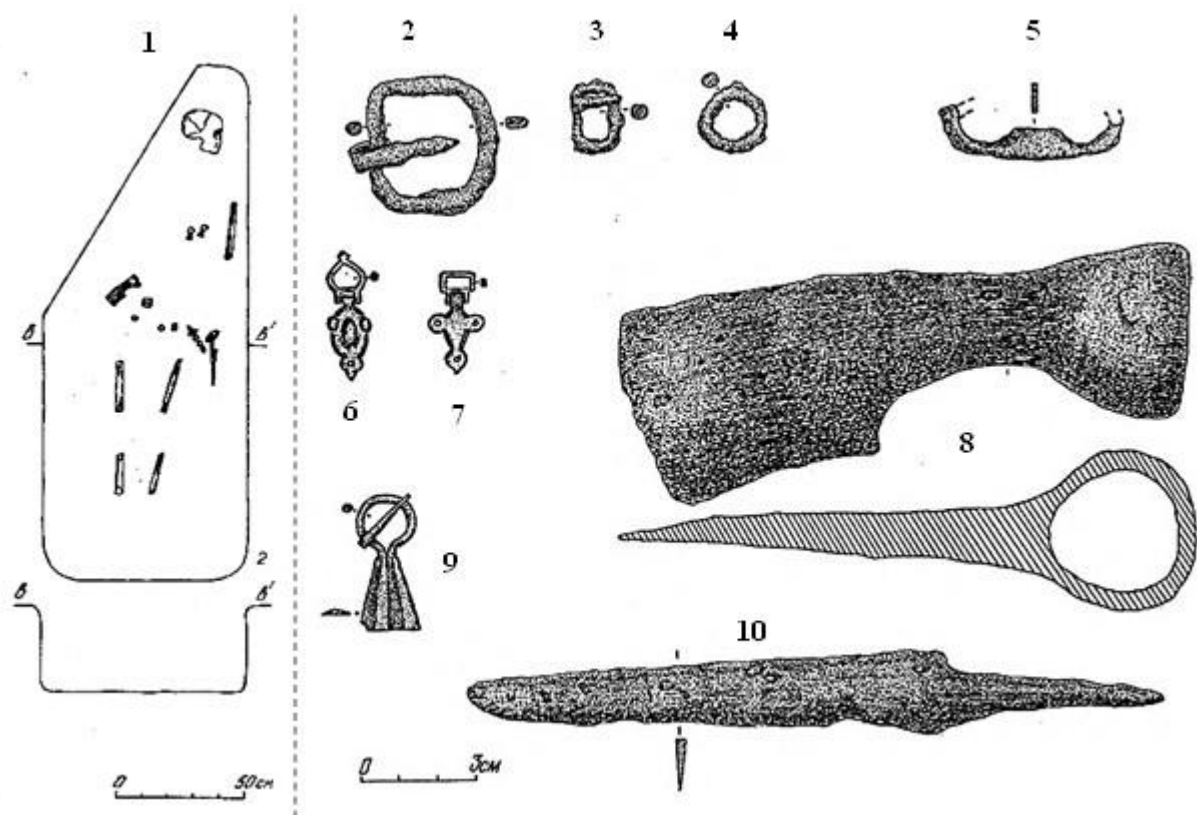
Проект «Укек» // https://vk.com/album-13179689_123375106 (дата обращения 12.05.2022 г.).

Шалобудов В. Н., Андросов В. А., Мухонад С. Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э.: Сб. науч. тр. Днепропетровск. 1983. С. 19–27.

Шполянский С. В. Села Суздальского Ополья и изменения в системе расселения во второй половине XIV–XV вв. // Поволжская археология №2 (36). Казань. 2021. С. 148–163.

Яворская Л. В. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища). Материалы по археологии Волго-Донских степей: сб. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. ун-т, НИИ археологии Ниж. Поволжья. - Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. С. 76–92.

- Якубовский А. Ю., Греков Б. Д.* Золотая Орда и её падение. М., Л. Изд-во АН СССР. 1950. 479 с.
- Igirdas Varnas.* Tulpiakiemio senkapiai // *Lietuvos archeologija*. T. 11. Vilnius. 1995. P. 244–289.
- Beata Ceynowa.* Torebki/Kaletki // *Lanstadia. Najstarsza stocznia Gdanska (w swietle badan archeologicznych. Pod redakcja Bogdana Koscinskiego.* Gdansk. 2020. S. 553–556.
- Eugenijus Svetikas.* Sagtys XIV–XVII a.: Tipai ir Paskirtis (pagal velyvuju viduramziu kapinynu medziaga) // *Lietuvos archeologija*. T.15. Vilnius. 1998. P. 389–431.
- Eugenijus Svetikas.* Tretininku odiniai kapseliai: ju apkalau tipologija, chronologija ir simbolika // *Lietuvos archeologija*. T. 24. Vilnius. 2003. P. 241–266.
- Івакін Г. Ю. Козюба В. К., Лукомський Ю. В., Елишин Д. Д., Манігда О. В., Чекановський А. А.* Дослідження Десятинної церкви в Києві 2005 р. // *Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 р.* Київ. ИА НАН. 2006. С. 171–177.
- Kristina Rickeviciute.* Karmelavos senkapis (1998–2000 m. tyrinejimai) // *Lietuvos archeologija*. T. 24. Vilnius. 2003. P. 161–228.
- Saule Urbanaviciene.* Diktaru kapinynas // *Lietuvos archeologija*. T. 11. Vilnius. 1995. P. 169–206.
- Vytautas Urbanavicius, Saule Urbanaviciene.* Archeologiniai Tyrimai. Kapinyno vieta, tyrimu apzvalga // *Lietuvos archeologija*. T. 6. Vilnius. 1988. P. 9–63.

**Рис. 1. Комплекс погребения №159 Мордовско-Паркинского могильника
(по А. А. Беговаткину, 2000).**

1 – схема погребения; 2, 3 – пряжки; 4 – кольцо; 5 – кресало; 6, 7 – накладки; 8 – топор;
9 – сьюльгамо; 10 – нож.

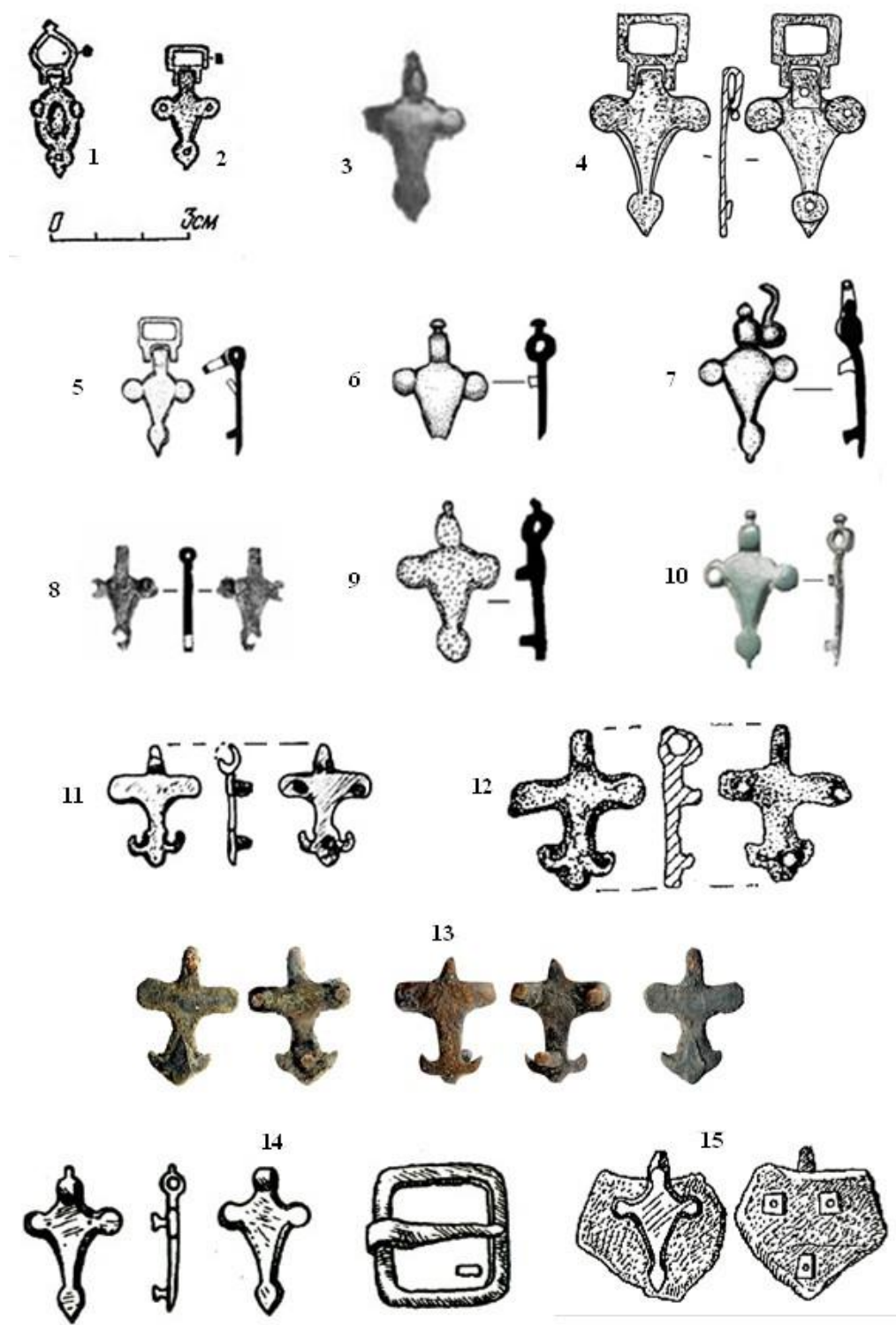

Рис. 2. Накладки.

1, 2 – п. 159 Мордовско-Паркинского могильника (по Беговаткину, 2000); 3 – городище Болгар (по Поляковой, 1996); 4 – Важнангерское городище (по Никитиной, Михеевой, 2006); 5, 6, 7 – селище Рождественно (по Богомолу, Гоняному и др. 2009, 2012); 8 – селище Боброво 2 (по Богомолу, Брусенцову, 2016); 9 – селище Скрипино-1 (по Баранову, Модину и др., 2019); 10 – селище Гостицево (по Шполянскому, 2021); 11 – г. Дубно (по Прищепа и др., 2008); 12 – г. Киев (по Ивакину, 2006); 13 – г. Гданьск (по Сеупова, 2020); 14 – п. 170 могильника Тулпякемис (по Varnas, 1995); 15 – п. 14 могильника Диктарай (по Urbanaviciene, 1995).

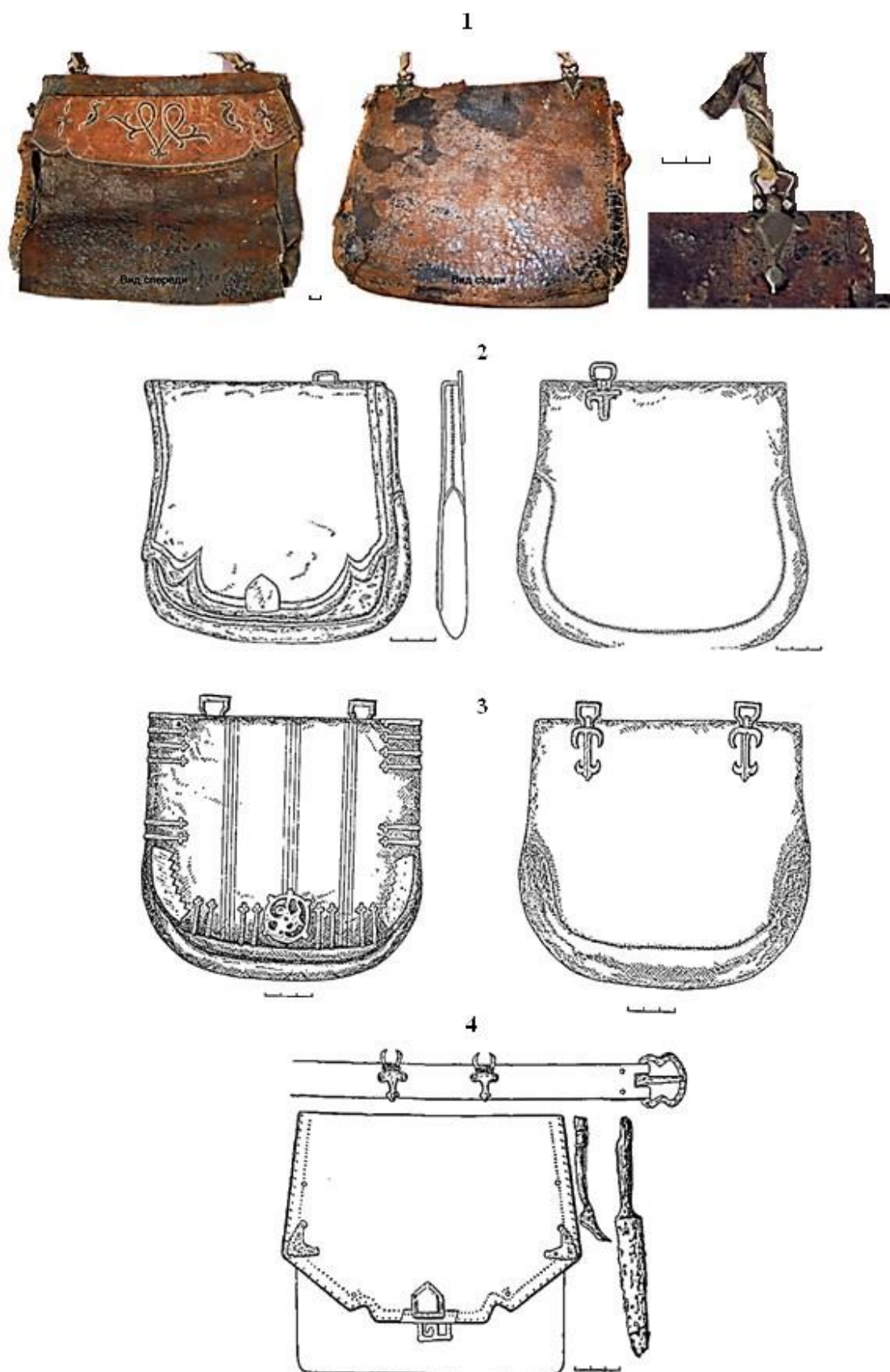

Рис. 3 Поясные сумки.

1- преподобного Кирилла Белозерского (по Калита..., 2022); 2 - п.160 могильника Кармелаве (по Riskeviciute, 2003); 3 – п.170 могильника Кармелаве (по Riskeviciute, 2003); 4 – п. 139 могильника Августинышки (по Берга, 2001).

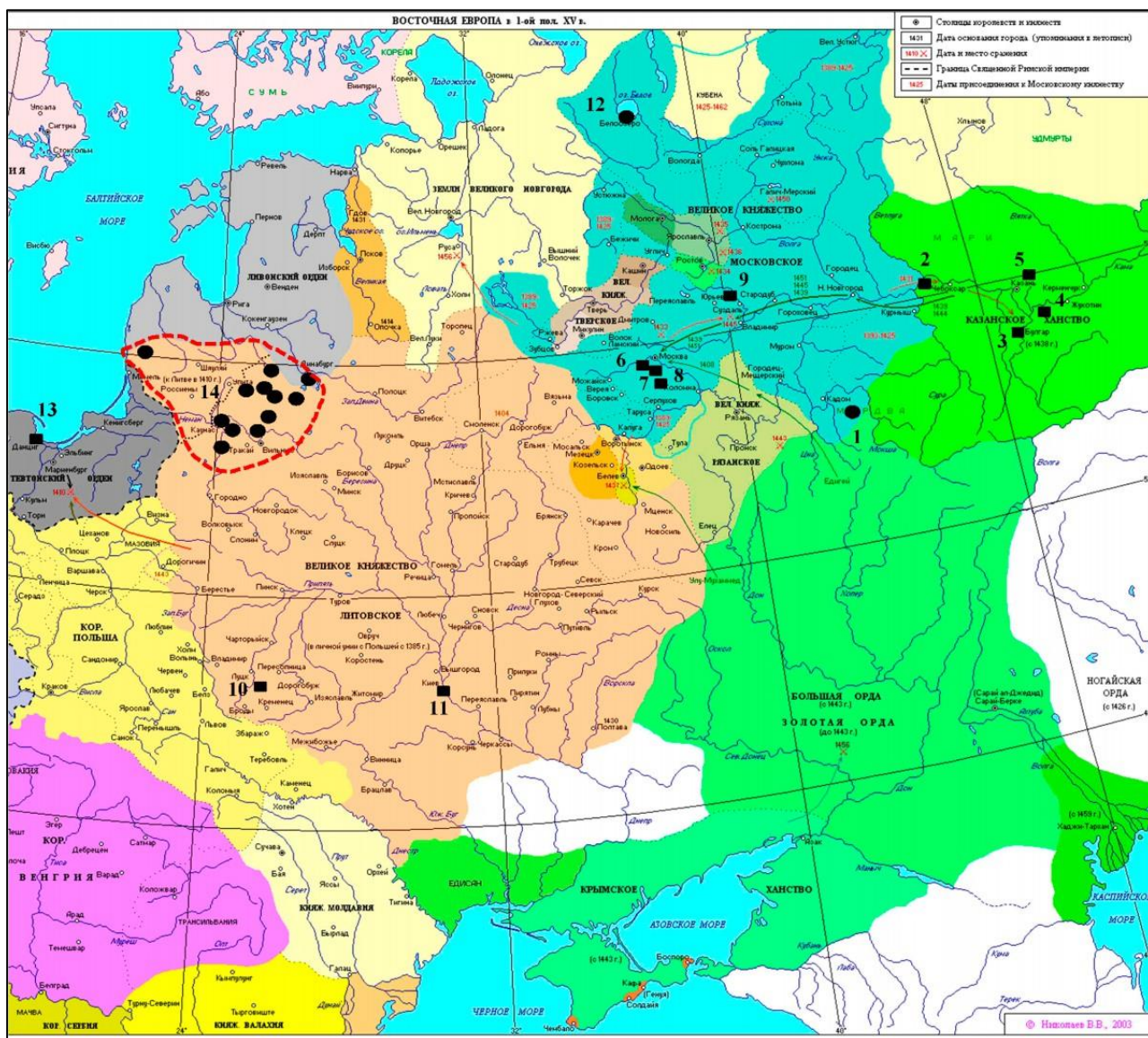

Рис. 4. Археологические памятники с находками накладок на сумки и сумками рубежа XIV-XV вв.

● - закрытые погребальные комплексы (личные вещи)

■ - находки из культурного слоя поселений

1 – п. 159 Мордовско-Паркинского могильника; 2 – Важнангерское городище (Аламнэр); 3 – Болгар; 4 – Балынгузское (Торецкое) III селище; 5 – Камаевское городище (Иске Казан); 6 – селище Рождественно; 7 – селище Боброво-2; 8 – селище Скрипино-1; 9 – селище Гостино; 10 – Дубно; 11 – Киев; 12 – Кирилло-Белозерский монастырь; 13 – Гданьск (Данциг); 14 – область литовских могильников (Обяляй, Кармелаве, Августинишки, Тулпякемис, Диктарай, Алитус, Румшишке, Капшели, Крижинай и др. – по Eugenijus Svetikas, 2003).

МАРИЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОКСКО-СУРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В XVI в.

Статья посвящена сложной и малоисследованной теме расселения марийцев в междуречье Оки и Суры в XVI веке. На основе письменных источников, топонимических и фольклорных данных показано, что до конца XVI века небольшое количество марийского населения проживало в окрестностях Нижнего Новгорода, Муром, Арзамаса, Курмыша, Алатыря. К XVII века марийцы Окско-Сурского междуречья частью мигрировали, частью ассимилировались.

Ключевые слова: марийцы, черемисы, мордва, Окско-Сурское междуречье, Нижегородский край, патриарх Никон.

Одна из интереснейших исследовательских тем – вопрос о расселении марийцев в междуречье Оки и Суры в XVI в. Она остается малоизученной в силу немногочисленности и фрагментарности сведений, имеющих в источниках. Вместе с тем комплексное использование дополнительных материалов из смежных наук (археологии, лингвистики, фольклористики) дает возможность раскрыть некоторые факты и процессы, не получившие отражения в письменных источниках.

Окско-Сурское междуречье в XVI вв. в основном было заселено мордвой и русскими. Вместе с тем имеется достаточно много свидетельств о проживании здесь в прошлом и марийского населения. Согласно археологическим исследованиям, проведенным Т. Б. Никитиной, эта территория, равно как и Поветлужье, была прародиной марийского народа. Безводнинский могильник, Сомовское I и II городища середины I тысячелетия н. э., расположенные в правобережной части Нижегородского Поволжья, являются древнемарийскими (Никитина, 2002. С. 161–165, 174, 181–182). Правда, более поздних археологических памятников, идентифицируемых с марийской культурой, на данной территории пока не обнаружено.

В Окско-Сурском междуречье найдено много топонимов марийского происхождения (Климкова, 2016; Морохин, 1997. С. 53, 58–59, 61, 66, 69, 71, 75, 79, 81, 87, 96, 100–101, 104–105, 119, 135–137, 140, 145, 147, 153, 161, 182, 188, 192, 196–199, 201, 203–204; Трубе, 1967). По данным марийского лингвиста И. С. Галкина, марийские топонимы на *-нер*, *-нар*, *-энгер*, *-ингер*, *-ангер* (от *энгер*, *а́нгёр* (река)) распространены на обширной территории, в том числе севернее линии Нижний Новгород – Дальнее Константиново – Ибреси, перемешиваясь здесь с мордовскими топонимами на *-лей* и *-ляй*. Марийский язык является единственным, в котором используется для обозначения реки слово *энгер*, *а́нгёр* (река, речка). Территорию с

подобными географическими названиями можно считать ранее заселенной мари́йцами (Воронцова, Галкин, 2002. С. 21–22; Галкин, 1988. С. 53–55).

Также зафиксировано множество преданий о проживании в прошлом мари́йского населения в Нижегородском Правобережье, а также о переселении мари на территорию современного Горномари́йского района Республики Мари́й Эл из-за Суры, из окрестностей Нижнего Новгорода, Арзамаса, Лыскова, Муромы и т. д. (Акцорин, 2000. С. 48–59; Мари́й калык..., 1991. С. 165, 167–168, 246–247, 251–252; Нижегородские мари́йцы..., 1994. С. 23–26; Янтемир, 1926. С. 17–18).

Однако топонимические и фольклорные данные не поддаются точной хронологической локализации, чего нельзя сказать о подавляющем большинстве письменных источников. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн (I половина XVI в.) указывал, что мари́йцы живут около Нижнего Новгорода и занимают «значительную часть по сю сторону Волги до Суры». При этом, выделяя черемисов, живущих севернее Волги, он дает пояснение, что «для различения от них живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными» (Герберштейн, 1988. С. 134). Очевидно, здесь речь идет прежде всего об окско-сурских горных («верхних») мари́йцах, а не о горных мари́йцах правобережья Суры. Далее С. Герберштейн отмечает, что мари́йцы, живущие «в лесах под Нижним Новгородом» попали в немилость великого князя Василия III. В 1520-х гг. была проведена их депортация: «Многих из них государь вывел оттуда в Московию по подозрению в преступной измене; вы видели их там. Но когда они были посланы на литовскую границу, то в конец концов рассеялись в разные стороны» (Герберштейн, 1988. С. 164). Согласно исследованиям А. Г. Бахтина, Я. Р. Дашкевича и Н. В. Ильиной, большинство депортированных из-под Нижнего Новгорода мари́йцев сбегали впоследствии в Подолию и трансформировались затем в украинскую этническую группу «чемерисов» (Бахтин, 2012. С. 223–226; Дашкевич, 2016. С. 435–444; Ильина, 2012).

Важное значение имеют приводимые С. Герберштейном сведения о том, что мари́йцы не пользуются «какими бы то ни было жилищами», и что мордва «во всем похожи на черемисов за исключением того, что дома встречаются у них чаще» (Герберштейн, 1988. С. 164). Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие в Волго-Окском междуречье (и не только) мари́йских археологических памятников XVI в.

Черемисы наряду с мордвой упоминаются в качестве жителей Окско-Сурского междуречья (окрестностей Нижнего Новгорода, Муромы, Васильгорода, Курмыша, Алатыря и Арзамаса) в ряде актовых источников XVI в. В частности, в духовной грамоте от 1504 г. великий князь Иван III Васильевич завещал своему сыну Василию: «Новгород Нижней с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к

Новугороду потягло... Да ему ж даю город Муром с волостями и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло» (Духовные и договорные... 1950. С. 356). Также царь Иван IV Васильевич в своей духовной грамоте от 1572 г. указал: «Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижний с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами..., да город Василь на Суре, и с мордвами, и с черемисами, и со всеми пошлинами... Да ему ж даю город Муром с волостми, и с путми, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами, и что к Мурому потягло... Да ему ж даю город Курмыш, да город Алатор на Алаторе, с волостми и со всеми пошлинами, и князи мордовския с их вотчинами, и с черемисами, и со всеми уезды, и угожьи, и что к тем городам потягло... Да город Арзамас с мордвами и с черемисою, со всем, по тому, как было при мне» (Духовные и договорные..., 1950. С. 437).

Определенный интерес представляют также документы конца XVI – XVII в., связанные со сбором оброка с бортных владений («ухожаев») на территории Нижегородского уезда. Согласно этим документам, черемисы Козьмодемьянского, Чебоксарского, Ядринского и Курмышского уездов владели бортными ухояями в Нижегородском уезде в десятках и более ста километров от мест постоянного жительства, платили за них в Нижнем Новгороде «медвяной оброк»; при этом на бортных деревьях были нанесены их «знамена» – семейно-родовые знаки собственности. Основная же часть бортных ухояев в Нижегородском уезде принадлежала местным русским бортникам и мордве (Документы и материалы..., 1940. С. 222–225, 233, 258–260, 268–279; Книга деньгам..., 2012. С. 5–11, 117, 126–129; Нижегородские платежницы..., 1910. С. 38, 43, 45–51, 54, 67, 189–190, 194–195, 197–203, 207, 221; Юридические акты..., 1871. С. 65–73). Вероятно, предки черемис указанных четырех уездов ранее жили в лесах между Окой и Сурой, но впоследствии переселились на правобережье Суры, сохранив за собой бортные угодья на правах вотчинного владения.

В XVI в. имело место и переселение марийцев в Окско-Сурское междуречье из основной этнической территории. В актах Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря под 1565 г. упоминается починок Поярков на речке Мостовке «за новокрещены, что была луговая черемиса», находившийся в Березополье (на правом берегу Оки между Нижним Новгородом и Муромом, в 3–4 км от города Горбатов). Починок состоял из трех дворов – Савки Ядикова, Левки Хозикова и Кирилки Хозикова. Окрестные поселения были русскими (Акты Суздальского..., 1998. С. 257–258, 261–264). По всей видимости, с жителями починка Пояркова и их потомками связаны урочища под названием «Черемис», «Черемиска», «Большой Черемис», «Малый Черемис» около города Горбатов (Материалы..., 1981. Л. 11, 14). Очевидно, луговые марийцы были переселены из Луговой стороны бывшего Казанского

ханства на новое место жительства на правый берег Оки принудительно после обращения их в православное христианство в целях выведения их из-под влияния некрещеных сородичей.

Оставшееся после депортации 1520-х гг. немногочисленное марийское население Окско-Сурского междуречья в XVI в. и в течение следующего столетия либо переселилось за Суру на основную этническую территорию, либо было ассимилировано местным русским и мордовским населением. Не случайно среди некрещеной мордвы в прошлом было распространено личное имя Черемись (Инжеватов, 1979. С. 241). Встречаются в документах Нижегородского уезда конца XVI в. и упоминания об обрусевших потомках мари, например, «деревни Березников Кирсанов крестьянин Злобина сына Черемисинова Степан Григорьев», «деревни Томожникова ... Митя Иванов сын Черемисинова» (Анпилов, 1977. С. 241, 242).

Примечательно, что оба указанных поселения – деревня Березники и село Таможниково Дальнеконстантиновского района – находятся недалеко от села Вельдеманово (Таможниково – в 25 км). Это село считается родиной патриарха Никона (Шушерин, 1871. С. 1), которого многие исследователи с легкой руки П. И. Мельникова-Печерского (Мельников, 1898. С. 37) считают мордвином. Однако на самом деле по отцовской линии у него было марийское происхождение, а по материнской – русское. В частности, знаменитый оппонент и земляк патриарха Никона протопоп Аввакум в «Послании «отцу» Ионе» писал: «Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мати русалка, Минка да Манька» (Русская историческая..., 1927. С. 894). Дополнительные сведения Аввакум дает в «Сочинении об антихристе», где черемисское происхождением Никона служит ему обоснованием идеи о том, что тот был предтечей антихриста: «...в моей родине, за Нижним, около Курмыша, мордва и черемиса. Мы с Никоном патриархом ис тех мест, знаем там. Я от попа родился, а Никона черемисин Минька добыл в деревнишке, то есть разум слову сему. Воньмите, тем образом и антихрист родится беззаконным, яко Никон, последний предотека его, от черемисина. Яко антихрист зачнется духом дьявольским от жены жидовки, тако и Никон зачатся от христианки черемисином» (Демкова, 1965. С. 230). Выходит, что Никон произошел от смешанного марийско-русского брака, и родился он не в селе Вельдеманово, а чуть северо-восточнее – в маленькой деревне, расположенной между крупными селами Нижегородского уезда Мурашкино и Лысково, что, впрочем, тоже недалеко от Березников и Таможниково. В свете фактов, изложенных выше, нет никаких оснований не доверять сведениям, приводимым протопопом Аввакумом. О марийском происхождении Никона ранее писали русский историк и литературовед А. К. Бороздин, советский медиевист А. Н. Робинсон и марийский историк А. Г. Акшиков (Бороздин, 1900. С. 45; Робинсон, 1974. С. 29; Акшиков, 2012. С. 73–74). Вместе с тем А. А. Давыдова, А. В. Морохин, В. А. Юрченков почему-то выразили свое недоверие

свидетельствам протопопа Аввакума (см.: Давыдова, Морохин, 2007. С. 467–468; Юрченков, 2012. С. 152).

И все же основная часть окско-сурских мари́йцев не ассимилировалась, а переселилась – либо принудительно по велению Василия III к литовской границе, либо вынужденно за Суру вследствие обострения отношений между Казанским ханством и Московским государством с начала 1520-х гг., когда в Казанском ханстве начала править (с небольшими перерывами) крымскотатарская династия Гиреев. Граница между враждующими государствами еще с XV в. проходила по реке Суре. Она же стала линией размежевания между мари́йцами и мордвой. Мари́йцы в составе многонационального казанского войска разоряли русские земли, в том числе территорию Окско-Сурского междуречья, а мордовские воины, призванные в ряды московской рати, участвовали в опустошительных вторжениях на земли Казанского ханства.

В период малолетства Ивана IV в 1534–1544 гг. казанские войска без серьезного сопротивления со стороны московских великокняжеских войск вторгались в пределы Русского государства вплоть до Подмоскovie. Тем не менее, русские дипломаты пытались скрывать от других европейских государств истинное положение дел на востоке. В течение 1535–1542 гг. в инструкциях послам, направляемым в Польско-Литовское государство, предписывалось говорить, что «государя нашего земля сошлася с Казанскою землею, мордва и черемиса; и черемиса с мордвою с рубежа промеж себя бранят и грабят; великого князя мордва у них возмут, а черемиса у мордвы емлют, а больших войн не бывало, государь наш на казанские места воевод не посылавал, а казанцы на великого князя землю не прихаживали» (Сборник Императорского..., 1877. С. 26, 40, 54, 117, 136–137, 179–180). Можно согласиться, что между мари и мордвой шла фронтальная «малая война». Такая обстановка в XVI в. наблюдалась на всей приграничной территории между Казанским ханством и Русским государством, где проживали воинственные черемисы. Однако на самом деле «большие войны» были, причем в Польско-Литовском государстве знали о реальных масштабах русско-казанского конфликта (Бахтин, 2012. С. 246–265; Свечников, 2014. С. 151–163).

Нижегородские земли подвергались нападениям мари́йцев также в период Первой (1552–1557 гг.) и Второй (1571–1574 гг.) черемисских войн (Бахтин, 2012. С. 336–337, 530; Свечников, 2014. С. 237, 251). Тяжелые последствия походов мари́йских вооруженных отрядов на Нижегородчину во время Третьей черемисской войны (1581–1585 гг.) отражены в дозорных книгах конца XVI в. Примечательно, что черемисы, прокатившиеся огнем и мечом по русским селам и деревням, расположенным на территории современных Богородского, Большемурашкинского, Вачского, Дальнеконстантиновского, Княгининского, Кстовского, Лысковского, Павловского, Перевозского, Сосновского, Спасского районов Нижегородской

области, не трогали находившиеся в данной местности мордовские селения (Анпилогов, 1977. С. 7–394). Не исключено, что мордва в этой войне даже помогала черемисским повстанцам.

Список источников и литературы

- Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 640 с.
- Акцорин В. А. Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров: Альфа, 2000. 88 с.
- Акишиков А. Г. Никон (1605–1681) // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 71–74.
- Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 462 с.
- Бахтин А. Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.
- Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1900. XIX, 319, 175 с.
- Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с. С. 21–22
- Галкин И. С. К вопросу о расселении древних мари // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14: Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1988. С. 44–55.
- Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Давыдова А. А., Морохин А. В. О спорных моментах ранней биографии патриарха Никона // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Ниж. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 466–471.
- Дашкевич Я. Україна і Схід = Украина и Восток. Львів, 2016. 960 с.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 1. / под ред. Инст. истории АН СССР. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. 432 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Ильина Н. В. «Барские чемерисы» (черемисы) в селах и местечках Барского староства в XVI–XVII вв. Йошкар-Ола, 2012. 24 с.
- Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 264 с.
- Климкова Л. А. Марийский пласт в Нижегородской топонимии // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3. С. 89–95.
- Книга деньгам оброчным Нижегородского уезда 1666 года / Репр. воспроизв. изд. 1915 г. Ниж. Новгород: Мининское братство, 2012. 140 с.
- Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 288 с.
- Материалы экспедиции 1981 года В. А. Акцорина в Павловский, Кстовский районы Горьковской области // Научно-рукописный фонд МарНИИ. Д. 123. МФЭ-81.
- Мельников П. И. Полное собрание сочинений. Т. 12. СПб.; М.: Изд-е тов-ва М. О. Вольф, 1898. 430 с.
- Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Ниж. Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.
- Нижегородские марийцы: Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев / сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. 250 с.

- Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. / пригот. к печати и ред. С. Б. Веселовский. Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910. V, 284 с.
- Никитина Т. Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
- Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 407 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая постоянной историко-археографической комиссией. Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л.: Изд-е АН СССР, 1927. 965 стб.
- Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. LIX. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II. 1533–1560 гг. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1877. 700 с.
- Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.
- Трубе Л. Л.* О былом расселении марийцев на территории Горьковской области по данным топонимии // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 210–214.
- Шушерин И. К.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России. М.: В ун-тской тип., 1871. VIII, 119 с.
- Юридические акты, относящиеся до поземельных владений всероссийских митрополитов и патриархов Иова и Филарета // О земельных владениях всероссийских митрополитов и патриархов и св. синода (988–1738 гг.). СПб.: В тип. А. Траншея, 1871. Приложение I, 252 с.
- Юрченков В. А.* Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 612 с.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон. Краснококшайск: Издание У. М. С. Маробоно, 1926. 113 с.

РУССКИЙ ПОХОД НА КАЗАНЬ 1478 ГОДА

В данной работе комплексно проанализированы сведения источников о русском походе на Казань 1478 года. Как показывает автор, известие великокняжеского летописания, согласно которому города дались казанскому хану, не противоречат сообщениям других источников, по которым тот не взял ни одного города; в источниках нет надежных данных о ходе и итогах русского весенне-летнего судового похода на Казань 1478 года, а сведения об участии в нем устюжан и вятчан являются недостоверными. Впоследствии Иван III не считал конфликт с Казанью исчерпанным и держал «на Вятке» своих воевод на случай нового вторжения казанцев. Таким образом, русский судовой поход на Казань 1478 г. не снял напряженности в русско-казанских отношениях.

Ключевые слова: Иван III, казанский хан Обреим, Казанское ханство, Василий Федорович Образец.

В конце мая 1478 г. великий московский князь Иван III отправил войска в судах на Казань. Этот поход определенно носил ответный характер на зимнее вторжение казанского хана Обреима в Вятскую землю и неудачный поход на Устюг, прерванный в связи с таяньем льда на р. Моломе. Правда, не ясно, за что Иван III стремился рассчитаться в первую очередь – за разорение вятских сел, или за неудачный поход на Устюг, находившийся под властью великокняжеских наместников.

Русский весенне-летний поход на Казань неоднократно упоминался в историографии. Наиболее подробно он рассмотрен в работах покойного Ю. Г. Алексеева и А. В. Аксанова (Алексеев, 2009. С. 213–314; Аксанов, 2012; Аксанов, 2016. С. 82–85). Исследователи пришли к различным выводам. Если Ю. Г. Алексеев с доверием относился к сведениям разных источников об этом походе, то А. В. Аксанов доверяет только отрывочному известию официального великокняжеского летописания, а сведения других источников считает более поздними. По мнению А. В. Аксанова, сведения Типографской летописи (далее — Тип) о зимнем походе Казани на Вятку и том, что казанский хан не взял ни единого города, противоречат словам великокняжеского летописания, что вятские города «ему дашася», но, почему-то, напротив, считает известие Тип. сравнительно поздним, созданным после казанского «взятия» 1487 г.), и почему-то отнес эту запись к своду 1497 г. (Аксанов, 2012. С. 26–27; Аксанов, 2016. С. 82–84).

Между тем. Я. С. Лурье и Б. М. Клосс обоснованно выделили в составе Тип. ростовский владычный свод 1489 г., поскольку оригинальная часть ряда редакций данной летописи завершается записью о смерти в этом г. митрополита Геронтия, а перечень ростовских святителей за 6904 г. окончен Тихоном, занявшим кафедру в 1489 г. (Клосс, Лурье, 1976. С.

121; Тип, 2000. С. X–XI. (Предисловие Б. М. Клосса). Наличие в данном летописном известии о походе Обреима в Вятскую землю достаточно точных датировок, с точностью до недели (Тип, 2000. С. 196), даёт основания полагать, что этот летописный рассказ был впервые записан по свежим следам. Ю. Г. Алексеев, напротив, отдавал предпочтение данному летописному известию, что казанский хан не взял ни единого города, исходя из бездоказательного предположения о том, что в основе этого летописного известия лежал источник местного, вятского происхождения. Эту гипотезу невозможно подтвердить ввиду отсутствия сохранившихся памятников вятского летописания, надёжно датированных до конца XVII в. В историографии разве что высказывались гипотезы о ведении в Вятке записей с середины XVI в. (Мусихин, 2013). А в сохранившейся «Повести о стране Вятской» аналогичный рассказ приведен в сокращенном виде, без датировок прихода и ухода хана из Вятской земли (ТВУАК, 1906. С. 50–51). Поздний переписчик явно опускал подробности дел давно минувших дней. В действительности осведомленность ростовского владычного летописца о событиях, происходивших в разных концах Руси объяснима близостью к Ивану III ростовского святителя Вассиана (Несин, 2020. С. 57. Примеч. 1). Между тем, слово «даться» не всегда означало капитуляцию горожан при взятии города. В 1096 г. суздальцы и ростовцы сами дались князю Олегу Святославичу, а летописец не указал, что тот брал эти города силой, встречая сопротивление горожан (ПВЛ, 1996. С. 108); в 1404 г. смоленский князь Юрий Святославич по собственной инициативе дался со своим княжением великому московскому князю Василию Дмитриевичу, чтобы получить помощь против осаждавших Смоленск литовских войск. Но тот не принял смоленского князя, не желая ссориться с Витовтом (НІВЛ, 2000. С. 396). Поэтому слова великокняжеского хрониста, что в 1478 г. вятские города «дашася» за казанского хана не противоречат данным других летописей, что тот не взял ни одного города, и не могут служить маркировкой относительно позднего происхождения всей погодной записи, включая рассказ об ответном весенне-летнем русском судовом походе на Казань.

Кроме того, А. В. Аксанов полагает, что употребленный в Софийской II летописи оборот «великий князь пожалова» применительно к результатам русского судового похода на Казань 1478 г. стал уместным уже после установления в 1487 г. над Казанским ханством московского протектората (Аксанов, 2012. С. 26; Аксанов, 2016. С. 83). Однако, этого явно недостаточно для общей характеристики летописного рассказа об этом походе.

Таким образом, комплексное изучение сведений источников о русском судовом походе на Казань 1478 г. по-прежнему остается актуальной задачей.

По данным официального великокняжеского летописания второй половины XV в. (в составе которого, по гипотезе некоторых ученых, наиболее развернуто изложенной и

аргументированной Я. С. Лурье (Лурье, 1976; Лурье, 1976а. С. 122–126, 135–139; Приселков, 1996. С. 279. Прим. 164 (прим. Я.С. Лурье))¹, имеется летописный свод 1479 г), весной великий московский князь отправил на Казань судовую рать, а «воевода большей» (главный) — Василий Федорович Образец [Симский]. Рать выступила из [Нижнего]² Новгорода 26 мая во вторник (ПСРЛ, 2004. С. 323). На этом летописный рассказ обрывается и о ходе и итогах похода на Казань не сообщает.

Согласно ростовскому владычному летописанию XV в., отразившемуся в составе Тип., «того же лета» (в том году / в тот летний сезон) великий князь послал к Казани своих воевод, князя Семена Ивановича [Ряполовского] и Василия Федоровича Образца и с ними «множество воинства в судѣхъ». Они «плениша» казанскую «землю» по Волге, «множество изсѣкоша, а иныхъ плѣниша», «приидоша» к Казани и стали стрелять, но сильная буря и дождь не дали им «приступити» к городу, они «въспятишяся» и стали на Волге. А вятчане (?) и устюжане «плениша по Камѣ» и «множество бесчисленное изсѣкоша, а иныхъ в полон поимаша». Хан «же» с «челобитьемъ посла к великому князю и умиристася, якоже угодно бысть великому князю» (Тип, 2000, С. 196–197).

Не ясно, какой из князей Семенов Ивановичей Ряполовских указан в числе великокняжеских воевод — Хрипун (Алексеев, 1989. С. 82; Волков, 2004. С. 18; Алексеев, 2009. С. 272³; Волков, 2018. С. 25), или его племянник Молодой. «В источниках, повествующих о событиях 1460–70-х гг. обычно не говорится, о каком из Семенов Ивановичей Ряполовских (Хрипуне, или Молодом), идет речь в том или ином конкретном случае» (Зимин, 1988. С. 40)⁴.

¹ Доказывая существование этого свода, Я. С. Лурье отметил, что в Ростовской летописи изложение заканчивается сведениями о литургии после осеннего московского пожара 1479 г. (в действительности то не совсем так, ведь, как отметил сам ученый, далее повествование продолжается уже по новгородскому своду 1539 г.) и «на этих же словах начинается новый почерк и иные приемы расстановки киноварных букв в Уваровском списке» (Приселков, 1996. С. 279. Примеч. 164). Однако, сам исследователь на основании существования нескольких других почерков Уваровского списка, тоже относящихся к XVI в., не утверждал об отражении в источнике других летописных сводов. И не выделял свод 1477 г. из-за того, что «текст Московского свода в Эрмитажном списке обрывается на изложении переговоров с капитулировавшими новгородцами в декабре 1477 г». Видимо, ученый сам не считал свои доводы в пользу существования свода 1479 г. вполне исчерпывающими, пытаясь их «подтвердить» наличием в Уваровском списке «родословия князей», доведенного «до сына Ивана III Юрия, родившегося» уже «в 1480» (!) «году», признавая при этом отсутствие этого родословия в Эрмитажном списке (там же). Таким образом, свод 1479 г. пока что следует считать гипотетическим памятником русского летописания.

² В историографии не высказывалось сомнений, что речь идет о Н. Новгороде. Ведь именно этот город, в отличие от далекого В. Новгорода, неоднократно служил сборным пунктом русских походов на Казань.

³ Вместе с тем, Ю. Г. Алексеев считал, что имя воеводы Семена Ивановича вызывает вопросы: если бы речь шла о князе С. И. Ряполовском, он был бы титулован в летописном известии как князь. Однако, при цитировании летописного известия ученый по ошибке пропустил слово «князя» (Алексеев, 2009. С. 212–213).

⁴ Иногда это приводит к путанице. Так, Ю. Г. Алексеев на разных страницах одной и той же работы то однозначно отождествлял участвовавшего в походе на В. Новгород 1477/1478 гг. князя С. И. Ряполовского с Хрипуном, то предположительно отождествлял с Молодым (Алексеев, 2009. С. 272, 287).

Ю. Г. Алексеев справедливо отметил, что этот летописный рассказ о русском походе на Казань 1478 г. является самым подробным. По мнению ученого, он мог быть создан на основе свидетельств участников кампании (Алексеев, 2009. С. 213). Но, по-видимому ростовский хронист плохо представлял себе реалии похода. По его словам, казанский хан стал вести переговоры о мире именно с Иваном III, не участвовавшим в данном походе, послав к нему с «челобитьем». Хотя, конечно, Обреим должен был иметь дело с участвовавшим в походе главным великокняжеским воеводой В. Ф. Образцом. В источниках, сообщающих о заключении в 1469 г. мира между казанской и русской сторонами по великокняжеской воле, все же не утверждается, что Обреим просил мира у самого Ивана III. Сведения Тип. об участии в кампании устюжан скорее всего являются недостоверными и записанными исходя из участия устюжан в русско-казанской войне 1467–1469 гг. О походе устюжан на Каму в 1478 г. не сообщает устюжское летописание, которое не замалчивало их участия в казанских походах XV в.⁵ А безоговорочно принимаемое на веру учеными упоминание вятчан, возможно, имеет вставной характер: оно читается не во всех списках Тип., отсутствует в древнейшем Синодальном списке XVI в. и вставлено публикаторами по более позднему Толстовскому XVII ст. (Тип, 2000. С. 196). Не исключено, что ход кампании ростовский хронист знал плохо и описал по образцу хорошо известной русским книжникам летописной повести о судовом походе руси на Царьград 860 г., во время которого русь убила множество врагов и не смогла взять неприятельскую столицу из-за сильной бури. Вероятно, ростовский архиепископ Вассиан Рыло был настолько занят «бранью о Кириллове монастыре» (рассказ о которой ростовский владычный хронист поместил в той же погодной записи сразу после сообщения о походе на Казань (там же: С. 197)), что упустил информацию о русском походе на Казань.

В. Н. Татищев, компилируя рассказ ростовского хрониста с известием великокняжеского книжника о выступлении русских войск из Н. Новгорода во вторник 26 мая, добавил, что русские воеводы увезли из Казани дары и полон (Татищев, 1996. С. 65). Иногда эту подробность принимают на веру (Бахтин, 2001. С. 177; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 298). Однако, скорее всего Татищев это домыслил, как новейшие ученые — что штурм Казани в действительности сорвала не буря, а недостаточная организованность русских войск (Алишев, 1995. С. 37), а заключенный Обреимом мир повторял условия мира 1469 г. (Алишев, 1995. С. 37; Волков, 2004. С. 11; Котляров, 2005. С. 139; Волков, 2018. С. 25). Татищев то и дело

⁵ Это отметил и Ю. Г. Алексеев, но добавил, что «в пользу версии об участии устюжан в походе 1478 г. на Казань говорит упоминание в Соф. II имени Бориса Слепца (Тютчева) известного своими связями с Устюгом» (Алексеев, 2009. С. 213). Между тем, о связях данного лица с Устюгом в источниках не упомянуто. В 1462 г. он вместе с устюжанами, вологжанами и галичанами участвовал в походе на черемисов, но не указан в качестве устюжского воеводы (ПСРЛ, 1982. С. 46, 90). Зато, в походе на Двинскую землю 1471 г. был воеводой не устюжан, а вятчан (ПСРЛ, 1959. С. 234; ПСРЛ, 1962. С. 131). Так что он не был постоянным устюжским воеводой, упоминание имени которого означало участие устюжан.

вкраплял в рассказ ростовского летописца собственные пояснения, что буря не дала стоять и стрелять, а устюжане и вятчане пришли на Каму из-под Казани, и на Каме гнали по берегу неприятельских коней (участь последних в летописных рассказах о судовых ратях умалчивалась).

Известие ростовского летописания повторено в ряде более поздних летописей, включая Воскресенскую (далее – Вскр). В ней вместо «того же лета» указано «той же весны», князь Семен Иванович не упомянут, зато после «Василиа Федоровича Образца» добавлено «и иныхъ воеводъ своихъ» / «своихъ воеводъ» (Вскр, 1859. С. 199)⁶. С известием Вскр. перекликается запись разрядной книги (далее – РК) 1475–1605 гг. (РК 1605. С. 20). Ниже в сравнительной таблице прямым подчеркиванием обозначены текстуальные, а волнистым – смысловые соответствия. Видимо, составитель РК опирался на этот летописный текст. При том, поздний писец ошибочно назвал Образца Образцовым, Обреима Унмиром, а запись поместил под 6985, а не 6986 г.

Вскр.	РК 1475–1605 гг.
<u>Послалъ князь велики воеводъ своихъ, Василиа Федоровича Образца и иныхъ воеводъ своихъ / своихъ воеводъ ... к Козани, они же плениша землю ихъ по Влъзе, множество изсекоша, а иныхъ плениша</u>	<u>послал князь великий воевод своих под Козань Василья Федоровича Образцова и иных воевод. Они же, пришед, Унмира козанского многие места воевали и опустошили / пустошили</u>

Софийская II и Львовская летописи XVI в., в составе которых отразился свод 1518 г., сообщают об отправке великим князем на Казань на судах своих воевод Василиа Образца и Бориса Слепца. О ходе кампании не упоминается, а о результате написано в духе Тип.: казанский хан послал с «челобитьемъ» к великому князю, «князь же великий пожалова его» (ПСРЛ, 1868. С. 286; ПСРЛ, 1910. С. 335). Не исключено, что это сходство неслучайно: в этом летописном своде давно отмечено наличие ряда записей ростовского происхождения и близких к аналогичным известиям Тип. Вероятно, оборот «великий князь пожалова» стал уместным уже после установления в 1487 г. над Казанским ханством московского протектората (Аксанов, 2012. С. 26; Аксанов, 2016. С. 83). Другое дело, что по смыслу он соответствует выражению ростовского хрониста «умирилася, яко угодно бысть великому князю», не уличенному исследователем в анахронизме.

Можно заключить, что весной 1478 г. Иван III послал на Казань судовую рать во главе с В. Ф. Обазцом Симским (и возможно при участии воевод Б. М. Тютчева Слепца и князя С. И. Ряполовского: то ли Хрипуна, то ли Молодого). Она выступила из Н. Новгорода во вторник 26 мая. Возможно, что в источниках нет надежных данных о ходе и итогах этого похода: по-

⁶ Похожее чтение: «Василья Федоровича Образцова / Образца и иных воеводъ» встречается в сокращенном рассказе Степенной книги (ПСРЛ, 1913. С. 551), составитель которой явно опирался на запись Воскресенской летописи.

видимому, ростовский хронист плохо представлял себе его реалии, а его рассказ вероятно имел сугубо литературный характер.

Другое дело, что есть некоторые основания согласиться с мнением А. Г. Бахтина, что война не сняла напряженности в московско-казанских отношениях (Бахтин, 1998. С. 62) (правда, отмеченные Бахтиным некие последующие казанские набеги на Вятскую и Пермскую земли в источниках не фигурируют; ученый сослался на сведения В. Н. Шишонко, опиравшегося на неverified утверждение Е. А. Будрина). Интересно отсутствие упоминание этого похода в устюжском летописании. Наверное, устюжане не сочли его достойным, как, впрочем, и очень неудачным для русских, ответом на зимний поход казанского хана на Вятку с несостоявшимся походом на Устюг. Зато, устюжский хронист сразу после сообщения о том, что устюжане в ожидании прихода казанского хана просидели всю зиму в осаде, сообщает, что в том же г. великий князь Иван Васильевич прислал гонца в Устюг к наместнику Петру Федоровичу Челяднину с повелением поставить новый город, а старый развалить (ПСРЛ, 1982. С. 48, 94)⁷. Вероятно, Иван III решил перестроить городские укрепления на случай нового казанского похода под Устюг. В РК 1475–1598 гг. под 6990 (1482) г. приведена запись казанских посольских книг за сентябрь 1478 г., содержащая распоряжение Ивана III, переданное им «на Вятку» своим воеводам: «Лета 6987-го (1478) сентября в (число пропущено) день. От великого князя Ивана Васильевича на Вятку (город? Вятскую землю?) воеводам моим Василью Федоровичю Сабурову да Василью Федоровичю Обрасцу, да князю Семену Ивановичю [Ряполовскому]: что от меня учнет вам говорити Петр Михайлович [Плещеев], и вы б ему верили» (РК 1598, 1966. С. 20)⁸. Очевидно, Иван III не считал конфликт с Казанью исчерпанным и на случай нового вторжения казанцев держал «на Вятке» своих воевод. Второй из них, В. Ф. Образец — участник весенне-летнего похода на Казань. А третий, князь С. И. Ряполовский, либо тот самый, что по словам ростовского хрониста, участвовал в том походе, либо его тезка.

Список источников и литературы

Аксанов А.В. Московско-казанские отношения в 1478 году // Вестник Нижневартковского университета. 2012. № 4. С. 25–27.

Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 217 с.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: СПбГУ, 2009. 464 с.

⁷ В позднем Летописце Л. Вологодина XVIII в. Устюг заменен Великим Устюгом, а гонец — курьером (ПСРЛ, 1982. С. 136).

⁸ Эта запись, но без ссылки на казанские посольские книги и привязки к сентябрю, с уточнением фамилий Симского, Ряполовского и Плещеева, приводится в РК 1475–1605 гг. за 6987 г. (РК 1605, 1977. С. 23).

- Алишев С. Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
- Бахтин А. Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.
- Бахтин А. Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГПУ, 2001. 568 с.
- Бахтин А., Хамидуллин Б.* Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.
- Волков В. А.* Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М.: Эксмо, 2004. 572 с.
- Волков В. А.* Иван III – непобедимый государь. М.: Ломоносовъ, 2018. 216 с.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине в XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.
- Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. 1. М., 1976. С. 113–122.
- Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: УдГУ, 2005. 314 с.
- Лурье Я. С.* Московский свод 1479 г. и его протограф // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 95–113.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Ленинград, 1976. 283 с.
- Мусихин А. Л.* Летописание на Вятке до «Летописца старых лет» // Одиннадцатые Петряевские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции (Киров, 28 февраля 2013 г.). Киров, 2013. С. 148–153.
- Несин М. А.* Набеги большеордынских татар на Русь в 1467–1468 гг. в контексте русско-казанской войны // Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: к 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: сб. ст. по материалам секции Междунар. науч.-практ. форума «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития» (Ижевск, 7 окт. 2020 г.) / сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников; отв. ред. Г. В. Мерзлякова. Ижевск: УдГУ, 2020. С. 5–63.
- Повесть временных лет. СПб: Наука, 1996. 668 с.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. 6. СПб.: Типография Э. Праца, 1868. 358 с.
- ПСРЛ. Т. 8. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. 302 с.
- ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.
- ПСРЛ. Т. 21. Половина 2. СПб: М. А. Александрова, 1913. 370 с.
- ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с. 29.
- ПСРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
- ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: АН СССР, 1962. 418 с.
- ПСРЛ. Т. 27. М.; Л.: АН СССР, 1962. 418 с.
- ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 1. 188 с.
- Татищев В. Н.* Собрание сочинений. М.: Ладомир, 1996. Т. 6. 784 с.
- Труды вятской учебной архивной комиссии 1905 года. Вып. 3. Вятка, губернская типография, 1906. 183 с.

АБРАМОВ ГОРОДОК КАК НИЖЕГОРОДСКАЯ КРЕПОСТЬ, КОТОРУЮ В 1505 г. ШТУРМОВАЛ КАЗАНСКИЙ ХАН МУХАММЕД-ЭМИН

Статья открывается обзором историографии вопроса о характере нижегородских укреплений, возведенных в 1500 году. Автор доказывает, что это была деревянная крепость. По предположению автора, она в народе неофициально именовалась «Абрамов городок». Её, как считает автор, строили выходцы из Великого княжеского Литовского, взятые в плен в 1500 г. в битве на реке Ведрошь. Именно Абрамов городок осаждал в 1505 г. казанский хан Мухаммед-Эмин. Автор приводит аргументы в пользу того, что воспоминания об этой осаде легли в основу легенды об Абрамовом городке, записанной П. И. Мельниковым-Печерским.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Нижегородский кремль, Абрамов городок, Мухаммед-Эмин, деревоземляные крепости, П. И. Мельников

4 сентября 1505 г., в день свадьбы сына Ивана III, Василия, на Соломонии Сабуровой, в Москву было доставлено известие о том, что 30 августа через реку Суру переправилось казанское войско (Илюшин, 2018. С. 32). Вскоре казанцы во главе с ханом Мухаммедом-Эмином появились у стен Нижнего Новгорода, но взять его не смогли.

Это событие на века осталось в памяти нижегородцев. Какое же именно укрепление заставило отступить хана Мухаммеда-Эмина?

П. И. Мельников считал, что нижегородцы защищали «деревянную крепость» – каменного «кремля ещё тогда не было» (Мельников, 1845. С. 30–32). Более сложной была концепция Н. И. Храмцовского. Тот полагал, что в 1372 г. нижегородский князь Дмитрий Константинович построил каменную Дмитриевскую башню с небольшим участком стены. В 1500 г. Иван III «приказал продолжать работы», начатые Дмитрием Константиновичем. Но дело опять не завершили, всё кончилось возведением, «так же, как и в 1372 году одной башни, названной Тверской (нынешние Ивановские ворота), и небольшой при ней цитадели». Таким образом, согласно Храмцовскому, в начале XVI в. нижегородские укрепления включали две каменные цитадели с Дмитриевской и Тверской (Ивановской) башнями, соединенные дубовым «старым городом» (Храмцовский, 1998. С. 70, 216).

Известие о Тверской башне, построенной в Нижнем Новгороде в 1500 г., имеется в Соликамском летописце в изложении В. Берха. С. Л. Агафонов, сославшись на него, сделал вывод о том, что в 1500 г. начались работы по возведению каменного Нижегородского кремля. По Агафонову они были через какое-то время прерваны, затем производились «с 1508–1512 годов». Тверскую башню Соликамского летописца С. Л. Агафонов, как и Храмцовский, отождествил с Ивановской башней каменного кремля «поскольку эта башня находится в

наиболее ответственном месте обороны, защищая торговый посад и пристани, безопасность которых должна была быть обеспечена в первую очередь» (Агафонов, 2008. С. 29, 31, 33).

С. Л. Агафонов предположил, что «именно законченная в начале XVI столетия Ивановская башня с прилегающим к ней участком стены заставила отступить многотысячное татарское войско, обложившее город в 1505 году» (Агафонов, 2008. С. 31). Однако если в 1505 г. была готова только Ивановская башня «с прилегающим к ней участком стены», что мешало Мухаммеду Эмину ударить с неукрепленной напольной стороны?

Разумеется, недоделанная крепость не смогла бы выдержать осаду. Поэтому следует признать правоту Н. Ф. Филатова, считавшего, что каменный кремль начали возводить в 1509 г., а Мухаммед-Эмин штурмовал деревянную крепость. Для Н. Ф. Филатова это были «старые рубленные кремлевские стены». Достоверность известия о закладке в 1500 г. в Нижнем Новгороде Тверской башни ученый отрицал, считая, что в Соликамском летописце речь шла о Новгороде Великом, а не Нижнем (Филатов, 1994. С. 9; Нижегородский край..., 1997. С. 49–50; Филатов, 2003. С. 89–90). Однако введение В. И. Бугановым в научный оборот Краткого Московского летописца конца XVII в., где говорится о том, что «Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню» (Буганов, 1976. С. 290), заставляет признать строительство Тверской башни фактом нижегородской истории.

Интересную интерпретацию этого летописного известия сделал А. А. Пудеев, предположивший, что около «1500 года была предпринята попытка ремонта деревянных стен Нижегородского кремля» (Пудеев, 2013. С. 178). Автор полностью согласен с А. А. Пудеевым в том, что материалом для постройки Тверской башни (и всей «крепости 1500 г.»), являлось дерево. Сооружения из камня тогда представляли собой столь редкое явление, что будь названная башня каменной, летописец, непременно, упомянул бы об этом. Но идея А. А. Пудеева о предпринятом в 1500 г. «ремонте» старых крепостных стен вызывает возражения.

Мнение А. А. Пудеева основывается на представлениях историков XIX–XX вв., уверенных в непрерывности истории развития Нижнего Новгорода и, следовательно, о преемственности его оборонительных сооружений, с XIII по XVI в. Однако данные археологических раскопок конца XX – начала XXI вв. показывают, что большую часть XV в. территория современного кремля не была заселена (Гусева, 1996. С. 23; Николаенко, 2005. С. 114). Это вполне объяснимо, учитывая разрушительные последствия набега Едигея (1408 г.) и других трагических для Нижнего Новгорода событий XV в. В этой связи Н. Н. Грибов выдвинул гипотезу о том, что «Нижний Новгород Старый», упоминаемый в письменных источниках, повествующих о событиях XV в., – это лежавшая в запустении территория кремля, а «Нижний Новгород меньшей» – археологический объект «Городок» на ул.

Шевченко (небольшая крепость, возведённая московскими властями) (Грибов, 2005; Грибов, 2018).

Нам аргументы Н. Н. Грибова представляются убедительными. Исходя из них, мы полагаем, что в 1500 г. «старых» деревянных кремлевских стен не существовало и ремонтировать, поэтому было нечего. Тем более что и лексика Краткого московского летописца («заложили делать Нижний Новгород, вначале Тверскую башню») однозначно свидетельствует не о ремонте, а закладке новой крепости.

Где же она располагалась? Ориентиром для нас должна быть Тверская башня. Выше уже приводилась догадка Н. И. Храмцовского о том, что под Тверской имеется в виду каменная Ивановская башня. Однако данное суждение не имеет опоры в источниках, в отличие от альтернативного мнения И. А. Кирьянова, для которого Тверской башней была Кладовая (Трофимов, Кирьянов, 1952. С. 327; Кирьянов, 1956. С. 21).

Кирьянов основывался на изложение росписи казенного имущества, составленной в 1663 г., при переходе города от воеводы Дмитрия Плещеева к Александру Салтыкову, и переписанной П. И. Мельниковым в Москве в архиве МИД. Подробный пересказ этого документа, со своими комментариями, П. И. Мельников в 1877 г. послал А.С. Гацискому. Тот напечатал его в примечаниях к публикации «Нижегородского летописца». Вот отрывок указанного текста, касающийся Тверской башни: «Алексеевская башня (иначе: Тверская, между Дмитровской и Никольской) имела в верхнем бою пищали: полуторную медную, из Казани, на станке, при ней 15 ядер по 7 гривенок, медную волконю, на станке, с 150 ядрами...» (Гацицкий, 2001. С. 691).

Возможно, уточнение, данное в скобках (о том, что Алексеевская башня иначе называлась Тверской), принадлежит самому П. И. Мельникову и отсутствовало в описи 1663 года. Но тогда он взял его из какого-то другого источника, и мы не можем эту информацию игнорировать. Тем более, что источники, прямо именующие современную Кладовую башню Тверской, действительно существуют. Они были введены в научный оборот И. В. Нестеровым. Один из них относится к XVIII в. (план кремля 1770 г.) и два – к XIX веку (Нестеров, 2013. С. 145, 148–149).

Отметим, что авторы планов XVIII–XIX вв., видимо, обладали не дошедшими до нас письменными источниками (источником?) по ранней истории Нижегородского кремля. Только этим можно объяснить использование названия «Тверская» по отношению к Кладовой башне, в то время как в документах XVII в. она по близлежащим церквам значится «Вознесенской» или «Алексеевской».

В этом убеждает ещё один факт: на плане 1830-х гг. архитектора И. Е. Ефимова Коромыслова башня называется «Карамышевской» (Гацицкий, 2001. С. 693). Указанное

название может напоминать о человеке по имени Карамыш. Видимо когда-то он был хорошо известен нижегородцам. Потом память о нём исчезла, и народная молва переименовала ставшее непонятным наименование Карамышевской (Карамышевой) башни. Она стала Коромысловой.

Примеры, когда башня получала название от имени какого-то человека известны. Вспомним, например, Беклемишевскую башню Московского кремля. Рядом с ней стоял двор боярина Беклемишева.

Мог ли рядом с Карамышевской башней в Нижнем Новгороде находиться двор некоего Карамыша? Да, мог.

Михаил Федорович Карамыш Курбский в 1497 г. являлся наместником соседнего Муром. В XV в. этот город соединяла дорога с Казанью, шедшая через юг современной Нижегородской области. По ней через полвека пройдет Иван Грозный. Установление с 1487 г. в Казани власти союзных Московскому государству ханов потребовало налаживания более удобной и быстрой связи с этим городом – водной и сухопутной. В связи с этим выросло значение возродившегося после запустения Нижнего Новгорода. В 1495 г. через Нижний был отправлен отряд войск, чтобы помочь казанскому хану Мухамеду-Эмину отразить нападение сибирского царевича Мамука. На следующий год Мухамед-Эмин, всё-таки лишившийся трона, нашёл убежище в Нижнем Новгороде. Не исключено, что в 1500 г. Михаил Карамыш ходил в Казань для помощи хану Абдул-Летифу против напавших на него ногайцев тоже через Нижний Новгород. Исходя из приведённых фактов существование в Нижнем Новгороде двора муромского наместника – Михаила Карамыша Курбского – вполне вероятно.

Понятна и логика московских властей, решивших в 1500 г. возвести в Нижнем Новгороде крепость.

Почему же Кладовая башня сменившего её каменного кремля в начале своего существования именовалась Тверской? Рискнем предположить, что в память о своей предшественнице – Тверской башне деревянной крепости 1500 года.

Происхождение названия Тверской башни очевидно связано с присутствием в Нижнем Новгороде тверской рати, частично прибывшей в Нижний Новгород после победы над литовцами при реке Ведроши. В этом сражении, состоявшемся в июле 1500 г., решающую роль сыграл выдающийся полководец Даниил Щеня, командовавший «тверской силой» (Алексеев, 2009. С. 382, 385). Он пленил большое количество вражеских воинов, которые были сопровождены им в Нижний Новгород. «Огненные стрельцы литовския, рекомые желныри», – сообщает «Казанский летописец», – «Яты быша на бою, когда побили Литовскую силу на Ведроши храбрыи воевода Московский князь Данило, Щеня прозвищем, 12 воевод великих изыма; с ним же приведены те стрельцы и ту заточены в Нижнем, в темницах сидяху». Тот же источник дает сведения о количестве пленников, содержащихся в Нижнем Новгороде на

момент прихода Мухаммеда-Эмина: «И мало бе их числом, – только 300 человек осташихся живых, ини ибо в темницах изомроша» (История о Казанском царстве..., 2000. Стб. 24–25).

Соответственно, когда пленники были приведены в Нижний Новгород их было значительно больше. Для их размещения требовалось охраняемое пространство, крепость, которую, конечно, начали строить сразу после того как тверские ратники доставили литовцев в Нижний Новгород. Именно об этом и повествует приведенное выше известие Краткого Московского летописца («Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню»). Скорее всего, тверские ратники разместились рядом с воротами возводимой крепости. Поэтом защищавшая их башня в памяти нижегородцев осталась как «Тверская». Вся же крепость, по предположению автора, в народе неофициально именовалась «Абрамов городок».

Изложим кратко суть нашей гипотезы. Легенда об Абрамовом городке известна нижегородским краоведам со слов П. И. Мельникова-Печерского. В своём произведении «Очерки мордвы» он привел это предание. Вот оно: «из-за Кудьмы-реки мордвин Абрамка пришел на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом». «Было у него четырнадцать сыновей и три дочери, и построил Абрамка семнадцать домов». Это и был «Абрамов городок». (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286–287). К Абрамову городку подошли русские во главе с «мурзой». Они завладели городком и сожгли его.

Теперь попробуем объяснить происхождение легенды об Абрамовом городке. Во-первых, укажем, что она не является мордовской. П. И. Мельников характеризует её как «русское предание» (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286). Но если мордва могла назвать русского правителя «мурзой» (такие примеры в фольклоре есть), то русские, конечно, никогда бы так не сделали. Под «мурзой» они должны были понимать только татарина или ногайца. Следовательно, в изначальном, варианте легенды речь шла о татарском/ногайском мурзе. Причем, сложился этот рассказ, несомненно, в Нижнем Новгороде – там очень много деталей, указывающих на конкретные места в городе, в частности на «архиерейский дом» (современное здание консерватории). Именно там Абрамка построил семнадцать домов. Это исторический центр Нижнего Новгорода (улица Пискунова, дом 40).

А теперь важная информация об Абрамке. Оказывается, он был «панком», т.е. «правителем» мордвы, – поясняет Мельников-Печерский (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286).

Итак, ядром легенды является информация о том, что «панок» Абрамка построил деревоземляную крепость, топография которой точно соответствует нижегородским реалиям, а её осаждал «мурза». Могло ли что-то подобное иметь место в действительности? Да, могло, причем только один раз, а именно в 1505 г., когда Нижний Новгород выдержал осаду

казанского хана Мухаммеда-Эмина и его шурина – ногойского *мурзы*. Гибель мурзы, которого поразил из огнестрельного оружия один из литовских пленников, вызвала сумятицу среди казанцев и ногойцев и сыграла решающую роль в спасении города. Поэтому вполне естественно, что образ мурзы запечатлелся в народной памяти.

Литовцы в награду за свой подвиг получили свободу (История о Казанском царстве..., 2000. Стб. 25). Но мало кто из них ушёл в свою землю. Многие остались в Нижнем Новгороде. В городе возникла Панская слобода – так её называли нижегородцы. «Паны», – объясняет Владимир Даль в своём словаре, – «в разных русских губерниях ляхи и литва, переселенные в давние войны в виде ссылки». В этой же словарной статье великий лексикограф объясняет, кто такие «панки»: если пан – это барин, боярин, то панок – «полупан, небольшой». Правда здесь Даль приводит и другое значение указанного понятия: панки – «забытые потомки мордовских князей, как мурзы у татар» (Даль, 2007. С. 15).

Без сомнения, такое толкование слова «панки» Далю сообщил его друг по Нижнему Новгороду, П. И. Мельников, не раз поставлявший Владимиру Ивановичу сведения для его словаря. Но то предание, которое записал Мельников, уже успело за триста лет утратить изначальный смысл. По нашему мнению, в его первом варианте панок Абрамка был литовским пленником, а не мордвином. Ведь специалисты знают, что у мордвы бытовали такие социально-политические термины как «инязор» («великий хозяин») и «оцязор» («большой хозяин»), а слово «панок» – чисто славянское, характерное для Великого княжества Литовского. Характерно, что Н. И. Храмцовский и А. С. Гациский, оба имевшие польское происхождение и прекрасно знавшие, кто такие «панки», подробно воспроизводя легенду, никогда так Абрамку не называли (Храмцовский, 1998. С. 21–23; Гациский, 2001. С. 43–44). Определение «панок» указывает на то, что Абрамка не принадлежал к литовской знати, а был «полупаном». Об этом же говорит и уменьшительный характер имени – «Абрамка», вместо «Абрам».

Теперь обратимся к анализу самого этого имени. Для мордвы оно нехарактерно, даже после принятия православия, а в XII в. существование мордвина Абрамки невероятно. Зато среди русского населения библейское имя Авраамий в разных вариантах (Аврам, Абрам, Авраамка, Абрамка) было не такой уж редкостью. Поэтому Абрамка – белорус или смолянин – вполне мог оказаться среди литовских пленников Даниила Щени и быть их выборным представителем или начальником – панком.

Разумно предположить, что в этом качестве Абрамка руководил строительством крепости, возведенной литовскими пленниками. От его имени она и получила среди нижегородцев название «Абрамов городок». Важно подчеркнуть, что территориально она не совпадала с каменным кремлем. Иначе бы об Абрамовом городке быстро забыли. Легенду

подпитывали какие-то зримые остатки Абрамова городка, происхождение которых каждое новое поколение нижегородцев должно было себе объяснить. Где же они находились? И как располагалась сама крепость?

У нас уже есть два ориентира: Кладовая башня и «архиерейский дом» (улица Пискунова, дом 40). Вот ещё несколько важных подробностей из легенды: «В городке своем Абрамка устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми растворами, и завалил их землей; другие – Тайницкие, у Коровьего взвоза, на север, из которых ходили за водой на Волгу» (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286–287).

Ворота «с южной стороны вала» – это, несомненно, ворота известной нам по сообщениям Соликамского и Краткого Московского летописцев Тверской башни, находившиеся около современной Кладовой башни. К ним подходила дорога из Муром (нынешняя улица Большая Покровская).

Почему Абрамка завалил их землей? Очевидно, когда складывалась легенда, они уже не использовались и стали оседать, уходя под землю, что и породило названное объяснение.

Теперь о Коровьем взвозе. Этот объект тоже реально существовал и имел четкую топографическую привязку. «Коровий взвоз», – рассказывает читателям Мельников, – «так называли съезд с верхней части Нижнего Новгорода к Волге, от церкви Св. Георгия, что близ архиерейского дома» (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 287). Отметим, что этот топоним упоминается в Писцовой книге XVII века (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 286, 290). Согласно этому надежному источнику на месте выхода на волжский откос улицы Пискунова стояла башня древо-земляного острога, а в ней были проезжие ворота. За острожной башней с откоса сбегал Коровий взвоз – спуск к Волге (Селезнев, Данилов, 2021. С.7). Внизу был перевоз через Волгу на Бор.

В Писцовой книге указанный острог назван «Новым». Он был построен «ново по старинной осыпи» (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 78). Сообщению Писцовой книги об этом полностью соответствуют археологические данные. В 2007 г. во дворе историко-архитектурного музея (Верхне-Волжская наб., д.7) И. В. Ануфриева зафиксировала часть насыпи острожного вала. Насыпь доходила до современной каменной ограды, идущей вдоль красной линии улицы Пискунова. В насыпи вала четко выделялись два разновременных горизонта. Верхний горизонт можно уверенно соотнести с валом Нового острога (1618 г.), о котором идет речь в Писцовой книге. Нижний горизонт значительно древнее (Ануфриева, 2008. С. 43).

Такая же картина открылась археологам при раскопках напротив Речного училища. В разрезе вала были обнаружены остатки бревенчатого соснового частокола, проходившего по его вершине. Это следы Нового острога, при спешном возведении которого использовался

«лес сосновой и всякой» (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 15). А в нижней части вала, прорезая всю его толщу, размещалась, как писал И. А. Кирьянов, «независимая от частокола конструкция из мощных дубовых бревен», значительно более раннего происхождения. По мнению И. А. Кирьянова есть основания полагать, что это были «остатки укрепления, строительство которого было начато Борисом Константиновичем и завершено, видимо, уже его преемником Дмитрием Константиновичем» (Кирьянов, 1961. С. 31–32). Соответствующую информацию (о том, что на этом месте находились деревоземляные укрепления, предположительно возведенные во второй половине XIV века) можно прочесть на табличке, прикрепленной к бревнам, вбитым в гребень вала и представляющим собой современную реконструкцию фрагмента средневекового острога.

Связывая возведение указанной оборонительной линии с именем князя Бориса Константиновича, И. А. Кирьянов опирался на сообщение Рогожского летописца под 1363 г. о том, что «князь Борис заложи город сыпати» (Рогожский летописец, 1922. Стб. 74).

Однако, по нашему мнению, маловероятно, чтобы Борис, захвативший тогда Нижний Новгород и ожидавший в скором времени нападения со стороны брата-соперника Дмитрия, мог затеять такое большое строительство. Осуществить его за то краткое время, что он владел Нижним Новгородом, Борис тем более не мог. Да и не располагали нижегородские земли сразу после эпидемии чумы и опустошительных пожаров достаточными ресурсами для проведения столь крупных фортификационных работ. Поэтому нами в 2013 г. была предложена альтернативная версия. Как полагает автор, князь Борис «заложи город сыпати» не по линии современной улицы Пискунова, а на Часовой горе, стремясь защитить княжеский дворец, Михайло-Архангельский собор и дворы своих дружинников (Селезнев, 2013. С. 44–49). Соответственно «старинная осыпь» Писцовой книги – это не город Бориса Константиновича XIV века, а Абрамов городок начала XVI века, творение пленного мастера из Великого княжества Литовского.

На эту мысль нас наводят и археологические данные, введенные в научный оборот И. А. Кирьяновым. Как известно, обычным элементом русской средневековой крепости-города были «городни» – четырехугольные срубы. Однако в нижнем горизонте вала близ Речного училища их нет. Там обнаружено укрепление совсем другого типа. «В сторону поля» бревна были «уложены в два ряда, образуя стену, закрытую насыпью». Эта стена «удерживалась бревнами, заложенными поперек вала по всей его ширине» (Кирьянов, 1961. С. 32).

Из описания И. А. Кирьянова видно, что речь идет о так называемой «перекладной» технике сооружения крепостных стен. Стены указанного типа назывались «крюковыми» или «хаковыми» (от польского hak – «крюк»), поскольку на концах поперечных бревен-балок, выступавших торцами наружу, оставляли сучки. Эти сучья-крюки удерживали внешний ряд

бревен в строго вертикальном положении. Такой способ возведения оборонительных укреплений был распространен в Польше и Западной Руси (Минск, Витебск, Слуцк и др.) (Коваль, 2021. С. 82–83). Это является косвенным, но весомым аргументом в пользу нашей гипотезы о том, что данную крепость – Абрамов городок – строили выходцы из Великого княжеского Литовского.

Естественно построенный таким необычным для нижегородцев способом городок остался в их памяти. По нашему мнению, именно о названном сооружении идет речь в сообщении «Летописца о Нижнем Новгороде» за 7021 (1513) год: «Августа въ 3 день погоре Новъгород Нижъней, и дубовая стена и въсе дворы погореша во граде...» (Шайдакова, 2006. С. 132). Как видим непривычная по виду для нижегородцев «дубовая стена» выделена здесь особо.

Где же она стояла?

Новый острог, что «поставлень ново по старинной осыпи», т.е., как мы полагаем, по линии Абрамова городка, начинался от Георгиевской башни каменного кремля, шел по линии Верхне-Волжской набережной до усадьбы Рукавишниковых. На её месте в 1618 г. была построена проезжая Егорьевская башня Нового острога. Именно здесь должны были стоять Тайницкие ворота Абрамова городка.

Отсюда стена Нового острога и предшествовавшая ей стена Абрамова городка («старинная осыпь») сворачивали на юг по улице Пискунова. Линия Нового острога соответствовала этой улице до самого конца – до Почайнского оврага. Этого нельзя сказать о «старинной осыпи». В Писцовой книге «отъ новыхъ же острожныхъ отъ Варварскихъ воротъ направо» указывается уже «новая осыпь» (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 151).

В каком месте улицы Пискунова «новая» осыпь сменила «старинную»? По нашему мнению, это произошло на углу современных улиц Ульянова и Пискунова. Дело в том, что улица Пискунова составлена из двух улиц XIX в. – Малой Печерской и Осыпной. И улица Осыпная, название которой и дала «Новая осыпь», начиналась как раз от указанного перекрестка. Здесь же завершалась улица Малая Печерская, шедшая от усадьбы Рукавишниковых.

История двух Печерских улиц – Большой и Малой – весьма любопытна. Большая Печерская возникла на дороге от Печерского монастыря к его нижегородскому подворью, занимавшему территорию современного Мининского университета. Поэтому к ней, согласно Писцовой книге XVII в., принадлежал ещё и участок нынешней улицы Ульянова от площади Минина и Пожарского до пересечения с Пискунова. Таким образом, Большая Печерская XVII века, как пишет Н. Ф. Филатов, начиналась от Благовещенской (Минина и Пожарского)

площади и огибала территорию будущего Архиерейского сада (Филатов, 1994. С. 91), включая указанный кусочек улицы Ульянова и участок улицы Пискунова (в XIX в. – Малой Печерской).

Как возник этот изгиб?

Ответить на этот вопрос помогает очень плодотворная мысль В. Ф. Черникова. Он писал, что «самые древние улицы в нагорной части города берут своё начало от проезжих башен». Через них они радиальными лучами расходятся от первоначальной крепости, являвшейся ядром Нижнего Новгорода. В отличие от древних, «новые» улицы (улицы XVIII в.) «имеют дугообразную, полукольцевую планировку». Такая конфигурация этих улиц «обуславливалась тем, что они стали складываться на месте разрушавшихся дерево-земляных укреплений – острогов» и «местами точно воспроизводят местонахождение этих укреплений». Далее В. Ф. Черников объяснил, почему так произошло: улицы XVIII в. «появились на как бы ничейной городской земле» (которую прежде занимали стены) (Черников, 2010. С. 105).

По той же схеме, но на век раньше, на месте разрушившегося Абрамова городка, возник указанный изгиб Большой Печерской. Он показывает направление стен Абрамова городка, которые по линии улицы Ульянова от её пересечения с улицей Пискунова через площадь Минина и Пожарского шли к Тверским воротам у нынешней Кладовой башни. Заканчивалась стена Абрамова городка, по нашему предположению у кромки Почайнского оврага.

Существовал Абрамов городок недолго. По нашему мнению, о гибели этого сооружения повествует «Летописец о Нижнем Новгороде» в статье за 1513 год: «Лета 7021-го году. Августу въ 3 день погоре Новъгород Нижънеи, и дубовая стена и въсе дворы погореша во граде...» (Шайдакова, 2006. С. 132).

Появление в 1508–1513 гг. каменного нижегородского кремля и Большого острога сделало Абрамов городок не нужным, и восстанавливать его не стали. Но мощный вал ещё долго о нём напоминал и породил легенду об Абрамовом городке.

Список источников и литературы

Агафонов С. Л. Нижегородский кремль / Под ред. И.С. Агафоновой, А.И. Давыдова. Н. Новгород: Кварц, 2008. 224 с.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2009. 464 с.

Ануфриева И. Скрытые под асфальтом // *Nota bene* [Нижний Новгород]. 2008. № 3. С.39–43.

Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // *Летописи и хроники*. 1976. М.: Наука, 1976. С.283–293.

Гациский А. С. Нижегородский летописец: издательство «Нижегородская ярмарка», 2001. 716 с.

Грибов Н.Н. Русское городище XV века из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Выпуск 9. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2005. С.69–82.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV: поиски утраченного города / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Гусева Т.В. Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. Материалы историко-краеведческой конференции, посвященной 775-летию Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Управление культуры Администрации города Н. Новгорода, 1996. С.16–23.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.3: П–Р. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 576 с.

История о Казанском царстве (Казанский летописец). ПСРЛ. Т. XIX. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.

Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: Московско-Казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ. 2018. 128 с.

Кириянов И.А. Нижегородский кремль. Очерк истории кремля в г. Горьком. Горький: Горьковское книжное издательство, 1956. 116 с.

Кириянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья: Очерк о старинных русских дерево-земляных крепостях. Горький. 1961. 107 с.

Коваль В.Ю. Древнерусские дерево-земляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С.77–85.

Мельников П.И. Жолныряне, спасшие Нижний Новгород в 1506 году // Нижегородские губернские ведомости. 1845. Часть неофиц. № 3. 20 янв. С.30–32.

Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Нижний Новгород: издательство «Книги», 2011. 544 с.

Нестеров И.В. Названия башен Нижегородского кремля // Записки краеведов. Выпуск четырнадцатый. (Сост. О.А. Рябов). Нижний Новгород: издательство «Книги», 2013. С.144–149.

Нижегородский край: факты, события, люди. Изд. 2-е, доп. и перераб. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. 375 с.

Николаенко Т.Д. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам (краткий очерк) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Выпуск 9. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2005. С.87–129.

Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М. – Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2011. 352 с.

Пудеев А.А. К вопросу о начальной дате строительства Нижегородского кремля // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Выпуск 3 – 4. 2012 – 2013 / Под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. Нижний Новгород: М-Принт, 2013. С.175–184.

Рогожский летописец. (Полное собрание русских летописей. Том XV.). Пг., 1922.

Селезнев Ф.А. Нижегородское княжество и Золотая Орда в начале «великой замятни» (1357 – 1370 гг.) // История в подробностях. – 2013. № 8 (38). – С.44 – 49.

Селезнев Ф.А., Данилов А.В. Расположение Нового острога в Нижнем Новгороде XVII века // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 6 /сост. науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С.5–15.

Трофимов И.В., Кириянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Под редакцией Н.Н. Воронина. Крепостные сооружения Древней Руси. М.: изд-во АН СССР, 1952. С.319–346.

Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX в. Нижний Новгород: Редакционно-издательский центр «Нижегородские новости», 1994. 256 с.

Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород: типография ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 206 с.

Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: издательство «Нижегородская ярмарка», 1998. 608 с.

Черников В.Ф. К вопросу о датах строительства дерево-земляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 11. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2010. С. 104–122.

Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В.А. Кучкина. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 281 с.

СЛУЖИЛЫЕ ИНОРОДЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ В XVI ВЕКЕ⁹

В статье рассматривается история военной службы неславянского населения Нижегородского края во второй половине XVI в., т.е. в период черемисских войн и закрепления российской власти в землях к югу от Нижнего Новгорода. В Нижегородском, Арзамасском и на востоке Муромского уездов были созданы поместья служилых татар, а также к военным мероприятиям привлекалось мордовское ясачное население. Автор характеризует положение этих этно-сословных групп в составе российского войска и приводит известные на сегодня эпизоды их военной истории.

Ключевые слова: служилые татары, Московское царство, ясачные люди, мордва

Основным инструментом внешней политики московских государей было поместное войско, сформировавшееся во второй половине XV века. С самого начала в его состав входили как русские дети боярские, так и служилые татары, а с XVI в. – служилые мордва, марийцы и чуваша (тарханы), несшие военную службу на близких к детям боярским условиях¹⁰. В данном сообщении мы рассматриваем военную службу служилых татар и мордвы Нижегородского края в XVI в., когда этот регион перестал быть восточной окраиной Московского царства, и местное неславянское население окончательно вошло в его сословную систему.

Ранее эти данные приводились в наших статьях и книгах (Илюшин, 2017; Илюшин, 2019; Илюшин, 2020; Илюшин, 2021), но были разбросаны по большому тексту; здесь же даётся обобщение сведений именно по служилым инородцам Нижегородского края (Нижегородского, Арзамасского и Муромского уездов). История формирования ряда групп служилых татар (арзамасских, курмышских, кадомских, алатырских, темниковских) была рассмотрена С. Б. Сенюткиным, однако упор делался на историю хозяйственного освоения края, историю населённых пунктов, в то время как участие татар и мордвы в военных действиях затрагивались вскользь и с некоторыми неточностями. Так, говоря о начале службы арзамасских татар во внешних войнах, исследователь назвал ливонскую кампанию 1579 г., пропустив события 1577 г., к тому же обозначив это как «сражение с Ливонией», хотя война уже много лет велась между Московским царством и Великим княжеством Литовским, а официально Ливония потеряла независимость в 1561 году (Сенюткин, 2001. С. 41).

⁹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

¹⁰ Фактически, хотя в историографии служилых «по отчеству» инородцев к поместному войску часто не причисляют.

Одновременно с работой С. Б. Сенюткина вышла книга А. М. Орлова, где также рассматривалась история и этногенез нижегородских татар начиная с их «булгарских истоков» (Орлов, 2001). Обширный охват при небольшом объёме, как нам кажется, не позволил глубоко проследить именно военную историю служилых татар Нижегородского края. Тем не менее, книга будет полезной для ознакомления с процессом формирования мишарей, их исторических поселений и основных вех истории.

В статье рассматривается преимущественно военная история нескольких территориальных групп служилых татар и ясачной мордвы, имеющих отношение к Нижегородскому краю в историческом и современном понимании: татары нижегородские, арзамасские, мордва нижегородская, арзамасская и муромская.

Нижегородские татары упоминаются в связи с военными действиями с начала 60-х гг. XVI века и пропадают из источников ещё до конца столетия. Можно предположить, что под ними подразумевались те из мещерских татар, что в последние годы Казанского ханства или после захвата Казани были испомещены вблизи Нижнего Новгорода, но позже все оказались переведены в Арзамасский и другие, более южные уезды, где они были нужнее.

Арзамасские служилые татары начинают фигурировать в источниках с конца 70-х гг. Первое их упоминание, которое нам известно, относится к 1577 г. По сведениям С. Б. Сенюткина эта группа служилых татар сформировалась из представителей балаковских, кадомских, темниковских и др. групп татар (Сенюткин, 2001. С. 41–44) (кадомцы вливались в состав арзамасских татар в конце XVI века (Книги новоусадцких тотар..., 1916. №95)). Можно уверенно предполагать, что в их состав также влилась значительная часть нижегородских татар, расселённых до начала освоения Мордовской земли где-то южнее Нижнего и севернее Арзамаса. Помимо верстанных земельными окладами служилых татар-переселенцев, в состав арзамасских служилых попали, видимо, ясачные татары-старожилы (Сенюткин, 2001. С. 97).

Ратники из нижегородской мордвы упоминаются с середины XVI в. (можно полагать, что привлекать к военной службе северную мордву российские власти начали при продвижении вглубь Мордовской земли, что стало возможным после завоевания Казанского ханства) и в течение XVII века. Судя по сведениям за XVII в., под нижегородской мордвой подразумевалось именно ясачное население, которое никуда не переводили – в отличие от служилых людей. Обособленной и малочисленной группой служилых людей были мордовские мурзы, появившиеся в Арзамасском уезде в конце XVI века (Ишеев, Акчурин, 2010. С. 109–115). Стоит напомнить, что ещё в XIX в. мордва составляла значительную часть населения Терюшевской волости Нижегородской губернии (ныне – Дальнеконстантиновский район менее чем в полусотни км от Нижнего Новгорода). С основанием русского военно-административного центра в Арзамасе появилась ещё одна мордовская группа – арзамасская.

Как видно, в обоих случаях это чисто административные понятия. Под муромской мордвой подразумевалось население окского правобережья к востоку от Мурома, на территории совр. Нижегородской обл. В XVII в. такое обозначение тамошней мордвы пропадает из источников. Можно допустить, что из-за активного расселения русских людей муромская мордва переселилась на восток – в Терюшевскую волость и далее.

Нижегородская, муромская и арзамасская мордва – всё это эрзя. Когда-то в историографии было отмечено, что в ряды российского служилого сословия влились мокшанские мурзы, в то время как верхи эрзи, долго не выказывавшие никакого желания подчиняться Москве, оказались на положении ясачного населения и в служилое сословие не вошли (Кузнецов, 1912. С. 37). Однако, стоит всё же пояснить, что по крайней мере в XVI в. эрзяне (арзамасская, нижегородская и алатырская мордва) принимали достаточно активное участие в военных действиях, так что если они и находились на положении ясачных людей (царя и служилых татар, с которыми выезжала на службу арзамасская и алатырская мордва), то их военное значение всё же было куда выше, чем у русской посошной «фрати».

Кроме того, некоторая часть арзамасской мордвы могла войти в состав служилых татар (Сенюткин, 2001. С. 59–61). В литературе уже отмечалось сближение ряда групп служилых татар с мордвой, их взаимная ассимиляция. Вообще, вопрос об этническом составе служилых татар до сих пор неясен. Можно считать установленным, что изначально этот слой сформировался из этнических татар и ногаев, и они же составляли основную его часть. Однако имеется точка зрения, согласно которой «служилые татары» – прежде всего сословный термин, обозначающий служилого человека неславянского происхождения, преимущественно из Степи или Среднего Поволжья (Измайлов, 2012. С. 34–35). Соответственно, в число татар ряда локальных служилых корпораций могли входить представители мордвы. Как подчёркивается в недавнем исследовании, служилая мордва имела тенденцию к слиянию со служилыми татарами (Казачество..., 2018. С. 206), если не в этническом плане, то в плане восприятия их российской бюрократией (хотя мы не согласны с авторами монографии, что служилые мордвины назывались также тарханами – так именовались, судя по географии и именам, чуваша и марийцы).

С. Б. Сенюткин отмечал, что никаких документальных сведений об участии татар Нижегородского края в завоевании Казани нет, только гораздо более поздние предания, собранные И. А. Милотворским (например, о присоединении к русскому войску Бахмет-мурзы со своими людьми, который затем отличился при штурме города; мурза был правителем татарской деревни Пары (Сенюткин, 2001. С. 36)). Вероятнее, что как таковых нижегородских служилых татар до 1552 г. не было (разве что отдельные татарские помещики в северных

мордовских землях), но через несколько лет такая группа сложилась из переведённых мещерских татар, участвовавших в казанском взятии. Отсюда могут происходить и предания.

Предания о важной роли мордвы в последнем казанском походе также известны, но реальный вклад их отрядов очень скромный. Конкретных же сведений о присутствии в войске Грозного нижегородской мордвы документальные источники, нами исследованные, не содержат.

После завоевания Казани стало возможным приступить к широкой колонизации русскими людьми Мордовской земли, начинавшейся всего в нескольких десятках км к югу от Нижнего Новгорода и Волги. Однако из-за активного сопротивления татар и марийцев завоевателям, приведшего к нескольким черемисским войнам, первые десятилетия освоение это велось преимущественно служилыми людьми и администрацией. Во последней трети века на севере Мордовской земли появились первые военно-административные центры и русское население. Важнейшим шагом в этом направлении было основание в Арзамасе в 1578 году укрепленного города. Поскольку регион был открыт для набегов из степей, в начале 70-х гг. была создана особая пограничная служба, а в прилегающих к степям районах были помещены служилые татары, на этой службе занятые. К этой службе привлекалась и местная мордва.

После же завоевания Казанского ханства (к 1557 г. были на много лет подавлены все очаги сопротивления татар и марийцев) Московское царство ввязалось в затяжной конфликт в Ливонии, серия войн за территорию которой позже будет названа Ливонской войной. Участвовавшие в этих войнах московские войска отличались значительной этнической неоднородностью. Грозный, видимо, рассчитывал запугать противников как огромной численностью войск, так и множеством разных народов, которыми он повелевает. Поэтому жечь немецкие, латышские и эстонские хутора и сёла шли помимо русских, также татары, мордва, черемисы, башкиры и черкесы.

В конце 1557 г. были собраны рати для нападения на Ливонскую конфедерацию. Номинально войско возглавлял бывший казанский хан Шах-Али. В составе полка Левой руки числилась нижегородская мордва с Иваном Петровым сыном Новосильцевым, в Сторожевом полку – муромская мордва с Иваном Семёновым сыном Курчатовым (РК 1598. С. 170–171; РК 1975. С. 72–73; РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 18; ПСРЛ. Т. 13. С. 287). Численность войска могла доходить до 20 тыс. чел. и выше. Основной задачей его было нанесение максимального ущерба сельской Ливонии. Царь рассчитывал запугать ливонцев и склонить их к принятию своих драконовых условий (Пенской, 2014. С. 29–33). Ратники могли рассчитывать на большую добычу в Ливонских землях.

Вступив в ливонские пределы, воеводы распустили «загоны» (лёгкие конные отряды) для разведки и диверсий. Основной целью, видимо, был Дерпт (Юрьев, совр. Тарту) (Пенской, 2014. С. 32). Достигнув его, воевода А. Глинский разослал по окрестностям новые загоны. Известно, что под Лаис выступил отряд из детей боярских, черкесов, мордвы и татар, которые продолжили жечь, грабить и избивать население. Отмечается захват большого количества жеребцов. После этого войско повернуло на Русь. Утверждается, что потери составили несколько десятков человек – в основном в загонах (ПСРЛ. Т. 29. С. 260–261; Пенской, 2014. С. 29–33).

После взятия Нарвы последовала череда «градоимств» и к осени 1558 г. в руках Грозного оказалась вся северо-восточная Ливония (совр. восток Эстонии), а последний ливонский магистр вскоре был вынужден принять литовское подданство.

После разгрома царским войском Ливонской конфедерации в делёж «ливонского наследства» вступило Великое княжество Литовское. Масштабные военные действия против литовцев царь начал в 1562 году. При подготовке к войне в пограничные города были направлены дополнительные контингенты на случай литовского нападения; 9 марта в Смоленск царь послал рать под формальным командованием касимовского хана Шах-Али и других служилых Чингисидов. В состав этой рати входили служилые татары разных уездов, в том числе нижегородские, и мордва (РК 1598. С. 196–197; РК 1605. Т. 2. Ч. I. С. 101–103). Воеводам смоленских полков предписывалось после окончания перемирия с литовцами (25 марта) послать на литовские земли татарских «царевичей», воевод «со многими людьми и с Тотары и с Мордвою». В состав этого контингента, возможно, входили и нижегородские татары. Нападению подверглись окрестности Орши, Дубровны и Мстиславля. Были сожжены слободы у первого города, посад у последнего; уведён многочисленный полон (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 340). Сильнейшее половодье, однако, не помешало провести удачный недельный рейд на территорию противника; более того, литовцы, видимо, и не ожидали вторжения в таких условиях (Пенской, 2019. С. 51–52).

В конце ноября на литовцев выступил с ратью сам Иван Грозный. Целью похода был литовский Полоцк. Это военное предприятие примечательно тем, что до нас дошла книга, его описывающая. В Ертауле из 1,8 тыс. ратников числилось 293 бортников и нижегородской мордвы (Книга Полоцкого похода... С. 45) (15,5% состава), в Сторожевом полку из 3,5 тыс. ратников мещерские бортники и муромская мордва насчитывали 729 человек (РК 1598. С. 197–198; РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 109–110, 113–115; Книга Полоцкого похода. С. 32–33, 43–44).

Царь осадил Полоцк 31 января. Осада была долгой. Пока тянулись переговоры, сменяемые перестрелками, разъезды и «загоны» из татар и дворян ходили по округе. В их задачу входила, в том числе, разведка и захват языков. От захваченных 13 февраля казанскими

татарами литвинов стало известно о подходе крупного литовского войска (что, видимо, было дезинформацией (Филюшкин, 2015а. С. 248)). По этим вестям были высланы для охраны тремя полками рати под формальным командованием «царевича» Ибака (РК 1605. Т. 2. Ч. II. С. 127–128). Войско, вышедшее 16 февраля, направлялось в сторону Вильны, и должно было «Литовские земли воевати» и «проведывати» о подходе литовцев. В летописи приводится сомнительное сообщение, что с «царевичем» отправилось 15 тысяч татар (ПСРЛ. Т.13. Ч.2. С. 363). Вряд ли столько людей могло быть в 3 полках вообще, включая русских дворян. По Книге Полоцкого похода (помимо детей боярских) в составе полков выступили ногайские мурзы Тахтара с их людьми, «сеитов полк», Шигалеев двор, все мещерские, муромские, нижегородские, казанские, свияжские, чебоксарские люди, новокрещены, князья, мурзы и казаки, а также черкасские князья. В походе татары шли впереди воевод и детей боярских (Книга Полоцкого похода. С. 65–66). Малочисленное войско гетмана Радзивилла от боя уклонилось (Филюшкин, 2015. С. 250). В конец концов, Полоцк пал.

В 1569 г. Великое княжество Литовское и Польское королевство окончательно слились в единую Речь Посполитую, королём которой был избран Стефан Баторий.

Летом 1577 г. русское командование начало готовить новый большой поход на Ливонию. Войско под командованием Ивана Грозного собиралось в Новгороде и выдвигалось во Псков, где было пересмотрено и реорганизовано. Известно, что смотр и составление росписей разных групп, его составлявших, были поручены нескольким воеводам. Василий Григорьевич Зюзин занимался князьями и мурзами, касимовскими татарами, кадомской, цненской, темниковской, алатырской, арзамасской, нижегородской мордвой, бортниками (РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 466).

Большое (ок. 24461 чел. только ратников, без «инженерных» контингентов) войско должно было выбить из Ливонии литовцев и поляков. В составе Государева полка отмечено 40 чел. нижегородской мордвы (РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 448, 454, 464). В Передовом полку (почти 3 тыс. чел.) числилось 40 арзамасских и алатырских казаков и мурз (РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 472–473). Остальные арзамасские татары (287 казаков и мурз с алатырской мордвой под командованием И. Хохлова) состояли в Сторожевом полку «малой» трёхполковой рати кн. Т.Р. Трубецкого, посланной на «немецкие» города впереди основных сил. В этот же полк перевели нижегородских бортников и мордву (те же 40 чел.) (РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 478–482).

Царские полки взяли ряд городов почти без сопротивления. Малочисленные гарнизоны не могли противостоять такому войску. Баторий занимался подавлением мятежа в Гданьске. Поэтому летом 1577 г. московские войска без проблем продолжали захват земель и городов. К сентябрю 1577 г. московские войска контролировали большую часть Эстляндии и почти всю

Лифляндию к северу от Западной Двины. Это был наивысший успех за все годы войны в Ливонии (Филюшкин, 2015. С. 299, 302–303).

В июне 1579 г. царь организовал новый поход «на Немецкую и на Литовскую землю». Общая численность войска, судя по разрядной записи, 27969 чел. В состав рати входило 6061 чел. инородцев, включая арзамасских татар и, видимо, мордву (РК 1605. Т.3. Ч. 1. С. 54, 61–62).

Ответ Батория последовал тем же летом; ему удалось собрать большое войско, эффективно действовавшее против россиян (Филюшкин, 2015. С. 320–325). Столкнувшись с противником, сопоставимы по численности, но привыкшим к съёмному бою и практиковавшим современные методы войны, русские и татарские рати стали давать слабину. Возникла угроза польско-литовского вторжения уже непосредственно в российские пределы.

В мае 1580 г. на Вязьме стоял Симеон Бекбулатович Тверской, возглавлявший полки, расположившиеся по нескольким окрестным городам. Арзамасские татары числились в Большом полку (Разряды похода..., 1914). Вскоре из этого войска была выделена отдельная рать под началом В.Д. Хилкова. В мае 1580 г. она находилась в Великих Луках и после 9 мая для её усиления в город были направлены многочисленные служилые татары и мордва, включая арзамасских татар. В случае активных боевых действий в районе кн. Хилков должен был идти ко Пскову, а в случае похода Батория на Смоленск – к Вязьме (Грамота из Разрядного приказа... №1, С. 205–206). Однако, многие служилые люди задерживались с прибытием или же вовсе не приезжали на службу. Среди нетчиков ещё 17 июня числились и арзамасские служилые татары. В отписке воеводы Хилкова в Разрядный приказ сказано, что из татарских голов с контингентами к нему приехали только Петр Наумов с «царёвым» двором и Юрий Тутолмин (Тутомлин?) с двором царевича Будалея; остальные же были в нетях (Отписка... №28. С. 231–232). Прибыли ли арзамасские татары в итоге в полки – неизвестно.

Стоя в Великих Луках, воеводы рассылали по округе «заставы» для проведывания противника. Эти команды состояли из детей боярских и татар и находились под командованием голов. Проведывать должно было окрестности Лук, Невеля, Ржева. В случае столкновения с «литовскими людьми» им предписывалось по возможности чинить над ними «дело». Видимо, предполагаются незначительные контингенты противника, разъезды (Грамота из Разрядного приказа... №2, С. 208–209). Хилков разослал заставы с татарами по Усвятской, Озёрицкой, Невельской и Заволоцкой дорогам (Грамота из Разрядного приказа... №4, С. 210).

В конце июля Хилкову предписывалось собрать все заставы и двинуться с полками в Холм (совр. г. в Новгородской области). Там к этому контингенту должны были присоединиться казанские татары с головами, отправленные туда из Торопца. Там нужно было

чинить «литовским людям поиск» (разведку), причём бережно, чтоб... с литовскими людьми не сойтись». Грамота с новыми директивами была получена 4 августа (Грамота из Разрядного приказа... №4, С. 210–211). В августе, в связи с приближением неприятеля с артиллерией к Велижу, Усвяту и Невелю (совр. Псковская обл.), Хилкову было велено выйти из Холма и встать недалеко от Великих Лук и Торопца, посылать за языками татар, а также побивать вражеских «загонщиков». Всё также нужно было избегать серьёзных боестолкновений и проводывать подход больших сил неприятеля (Грамота из Разрядного приказа... №7, С. 213–214).

Велиж и Усвят всё же были сожжены «литовскими людьми». Во второй половине августа Хилкову из Разрядного приказа пришла грамота с приказом продолжать вредить королевским войскам: «и вы б про литовские люди проводывали, чтоб вам от литовских людей далеко не отходить, и нашим бы есте делом промышляли по нашему наказу и смотря по тамошнему делу, под литовские люди голов с татары посылали и велели им под литовскими людьми нашим делом промышляти, чтоб литовским людем в походе и в стоянье помешка и нужда чинить, чтоб на них безпрестанно частыми посылками приходите. А тово б естя однолично береглись, чтоб на вас большие литовские люди не пришли, и ходили б естя бережно и стояли, переходя, не в одном месте и нашим делом над литовскими людьми промышляли, а себя берегли, а на прямое дела с ними однолично не ставились, а будет пойдут на вас литовские большие люди, и вы б от них отходили да и головам бы естя наказывали, чтоб под литовскими людьми ходили бережно и на литовских людей приходили розделяся на загонщиков ночным и денным временем, как будет пригож, чтоб над литовскими людьми нашего дела поискати, а себя уберечи, а на большое б дело с литовскими людьми не ссланивались» (Грамота из Разрядного приказа... №13, С. 218–219). Отметим, что тут предписывается татарским станичникам действовать в ночное время.

Стычка с татарами из полков князя Хилкова описана в дневнике Луки Дзялынского. Случилось это 17 августа в лесах между Велижем и Великими Луками. Отряд из 200 пеших гайдуков расположился среди леса, возле реки, и большая часть воинства отправилась рубить деревья для наведения моста. В это время их начальник Выбрановский с поручиком поехали дальше осмотреться и наткнулись на трёх татар. Те кинулись было на них, но при виде ружей отступили и принялись звать своих. Выбрановский с поручиком бросились к гайдукам, и так навели на лагерь крупный татарский отряд. Как сообщает автор, «наших случилось тут только 8 человек, которые лежали... а татары уже ворвались. Несколько наших выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись чем кто мог на скорую руку. В это время один татарин кинулся впереди других с саблей на Выбрановского, но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок, так что татарин свалился с коня; тогда солдат копьем

проколол его насквозь, так что тот тут же и умер. Другие татары вмиг подхватили его труп на лошадь; наши стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стрелять; убитого двое взяли с собою и, положив его поперек коня, ускакали так поспешно, что растеряли стрелы и шапки и оставили один лук... Таким образом татары ускакали, не сделав никакого вреда, даже не ранив никого из наших, а между тем потеряли одного из своих» (Дзялынский, 1897. С. 28–29). Кроме того, ниже отмечено, что татары имели хороших лошадей и были богато одеты, что говорило об их силе («были людьми отборными») и находящихся поблизости их крупных сил (Дзялынский, 1897. С. 30). Возможно, среди них были арзамасские татары.

Во время осады Невеля татарские отряды с головами из русских людей ходили под город и разведывали положение осаждающих. Однако большой помощи от ратей Хилкова не было, о чём говорит грамота с выговором. В грамоте из Разрядного приказа от 27 августа написано следующее: «вы б нашим делом промышляли, смотря по тамошнему делу, подвинулися б есте со всеми людьми к Невлю, а перед собою послали посылки голов с татары человек до тысячи, а велели им на литовских людей приходить на заставы и на стада, а будет где возможно, ино б и на станы приходить, и промышляли, смотря по тамошнему делу, а вы б к ним подвигались, чтобы над литовскими людьми нашего дела поискати и Невлю б помочь учинити» (Грамота из Разрядного приказа... №21, С. 225–226).

Московское командование и воеводы не смогли оказать помощь осаждённым в конце августа Великим Лукам. Собрать войско, превосходящее численно королевскую армию во столько раз, что можно было бы наверняка её разбить в поле, не вышло, и 5 сентября город пал¹¹. После этого королевские отряды пошли в сторону Торопца, под которым стояли полки Хилкова. Воевода стал спешно отступать к городу. Вскоре и эти полки были изрядно побиты, после чего воевода Хилков был отозван (РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 167; Филюшкин, 2015. С. 339).

Военные действия продолжились в феврале следующего года. Попытки контрударов были для московских войск большей частью неудачны. Москва даже готова была пойти на ещё большие уступки для заключения перемирия. Потери служилых людей, особенно стрельцов и детей боярских, были, видимо, ощутимыми. Примечателен состав полков, стоявших во Ржеве весной – летом 1581 г. Состояли они на две трети из татар. В Передовом полку числилось 500 арзамасских татар с головой – князем Семёном Волховским и Иваном Любовниковым (Первая полковая роспись..., 1962. С. 267–269). К сожалению, дальнейшая деятельность этой «татарской» рати не освещена в известных нам источниках.

¹¹ После многолетних разорений городков, сёл и хуторов Ливонии и, в некоторых случаях, массовых казней военнопленных, чинимых царскими войсками, королевское воинство учинило в городе резню.

Однако, и польско-литовская сторона за годы войны понесла большие убытки. После неудачной осады Пскова Баторий пошёл на переговоры и в 1583 г. война официально завершилась.

А.А. Новосельским подсчитано, что из 24 лет войн в Ливонии 21 год отмечен татарскими набегами (кроме 1566, 1575, 1579) (Новосельский, 1948. С. 17). Русские полки выезжали на Берг и к Полю практически ежегодно, однако служилые татары почти никогда не участвовали в таких мероприятиях, будучи заняты в Ливонии. Мы обнаружили лишь несколько упоминаний о выездах татарских «царевичей», вероятно с дворами и казаками, против крымцев. Причём чаще всего дело ограничивалось стычками между мелкими отрядами («загонами») или вовсе без боевых действий.

В связи с усилившимся натиском на южное пограничье, московские власти задумались о более эффективной защите границ¹². В начале 1571 г. воеводе и боярину М.И. Воротынскому было поручено переустроить пограничную службу, для чего в январе – феврале в Москву вызвали представителей детей боярских, нёсших станичную службу в южных городах. Они были опрошены с целью «использовать опыт непосредственных участников охраны границ, подвести итоги фактическому состоянию пограничной охраны и на основе этого наметить формы и методы ее улучшения» (Чернов, 1954. С. 69). На основании этих расспросов 16 февраля был составлен приговор «о станичной и сторожевой службе» (Чернов, 1954. С. 70).

Главные задачи пограничной службы определялись так: ««чтобы украинам было бережнее, чтоб воинские люди на... украины войною безвестно не приходили». В нём были подробно расписаны обязанности сторожевых застав. «Сторожа должна стоять попеременно, с коней не слезая, и ездить по урочищам направо и налево, переменяясь по два человека, по воеводским наказам. Сторожа предписывалось расположение застав хранить в тайне, а также запрещалось делать станы и устраивать остановки в лесах. Нельзя было разводить огонь дважды на одном и том же месте, нельзя было ночевать в месте, где кто-то уже «полдничал», и наоборот. Все эти указания имели своей целью скрыть от противника расположение пограничной охраны и приучить сторожей и станичников к бдительности» (Чернов, 1954. С. 69–70).

Сторожевые заставы выставлялись в поле с 1 апреля сроком на шесть недель (включая проезд). Через шесть недель посылалась вторая «сторожа», за ней третья, потом снова первая, но уже сроком на месяц. Снимались сторожа к зиме (когда кочевники набегов не делали из-за трудности передвижения по снегу и откочёвки стад на юг). Строжайше запрещалось покидать свой пост до прибытия смены, «чтоб однолично сторожи без сторожей не были во весь год ни

¹² Отметим ещё один способ обезопасить окраины от набегов из степей – поджог поля. На некоторых направлениях прямо предписывалось «поле жечи» (Боярский приговор о пожаре полей..., 1890. С. 16).

на один час». Кроме сторожевых застав, существовали также станицы – дозорные подвижные отряды. Они выставлялись теми же городами, что и сторожа, с 1 апреля, по 8 станиц с города. «Станицы посылались в дозор поочередно сроком на две недели, с 1 по 15 число каждого месяца. Через четыре месяца, 1 августа, станицы выезжали вторично и несли дозор до 1 декабря. Если к этому времени снега еще не было, станицы посылались и позднее в том же порядке. В случае, если находившаяся в дозоре станица подвергалась разгону или попадала в плен, на ее место немедленно высылались следующая за ней по очереди и соответственно этому изменялось расписание службы всех станиц» (Чернов, 1954. С. 70–71).

Все сторожа и станичники должны были иметь по две хорошие лошади. На плохих лошадях запрещалось выезжать в дозор. В случае обнаружения врага станичник должен был оповестить всех о нападении и, оставаясь в тылу врага, идти по его сакме (следу), определять численность и направление движения. Добытые сведения через товарищей доставлялись в ближайший город. Собрав достаточные сведения о численности противника и направлении его движения, станичник спешил с вестями к тем городам, куда держал путь враг. То же самое делали и сторожи. За небрежное охранение сторожей и станичников били кнутом, за оставление поста казнили, за простой на одной стоянке штрафовали (в размере полуполтины на человека в день).

Из-за того, что дворяне и русские казаки не могли эффективно предотвращать и отражать набеги, правительство стало активно привлекать к пограничной службе местных служилых татар и мордву. Они имели навыки жизни в лесостепи и степи, знали местные условия. Испомищали их в прорывоопасных районах.

Первоначальной задачей малочисленных сторожей на юго-восточных рубежах было именно предотвращение внезапных нападений, оповещение основных воинских сил на этот случай. Однако к рубежу XVI/XVII вв. численность застав (прежде всего из татар) на границе была увеличена, и теперь в их задачу входило также нанесение удара по вторгнувшимся отрядам степняков, перекрытие удобных для набега дорог и речных переправ (Сенюткин, 2001. С. 44). Очевидно, это было сделано по причине неэффективности первоначальной тактики противодействия набегам. Станицы возглавлялись станичными головами, на должность которых могли назначаться и татары (Дело по челобитной..., 1999. С. 57).

С 1570-х гг. в Арзамасском уезде появляются населённые пункты служилых татар, а к юго-западу от Арзамаса до совр. пос. Сатис – не менее 14 сторож, в задачу которых входило упреждение набегов. Поначалу татар было немного – 1–3 чел. на деревню. Они прикрывали прорывоопасное направление, разъезжая вдоль лесных засек или наблюдали за южной стороной. В эти места испомещались балаковские, кадомские, темниковские и др. татары. Первые годы службы прошли спокойной, однако арзамасские поучаствовали в последних

походах Ливонской войны (Сенюткин, 2001. С. 40–41)¹³. Уже в начале 1571 г. татары стали привлекаться к пограничной службе. В феврале того года вышло постановление о посылке сторож в Поле. В составе первой сторо́жи было 35 детей боярских и 50 казаков из юго-восточных городов, а также 30 татар и чуваш казанских и свияжских, 10 татар и 10 мордвин из Кадома, Темникова и Шацка. Всего 135 чел., из которых татары, чуваш и мордва составляли более трети (Боярский приговор о назначении мест..., 1890. №4. С. 6–7).

Чуть позже мордва и татары были на мещерских сторожах. В частности, по 4 татарина и мордвина из Кадома и Темникова (вместе с алатырскими казаками) должны были разъезжать в общей сложности на протяжении 60 вёрст на Шокше между Сурой и Мокшанским лесом (Роспись мещерским сторожам, 1890. №9. С. 11–12).

Алатырские места, при этом, оказались менее защищёнными и подвергались в эти годы набегам крымцев и ногаев, что потребовало создания сторож (станец) и на этом направлении. В 1580-е гг. вдоль южного течения Пьяны были испомещены служилые татары (не менее 60 чел.). В 1593–1594 гг. алатырские места подверглись нападению крымцев, в отражении которого участвовали в числе прочих алатырские и арзамасские служилые татары (Сенюткин, 2001. С. 43).

В течении трёх десятилетий численность служилых татар, прикрывавших юго-восточные рубежи, выросла и изменились их задачи: не только предупреждать набеги, но и сдерживать небольшие отряды, какими в основном и ходили крымцы и ногаи. С.Б. Сенюткин определял численность арзамасских и алатырских татар на рубеже веков исходя из примерного количества проживавших в пограничных поселениях и более поздних данных в 220–250 и более 400 соответственно (Сенюткин, 2001. С. 44). Но по разрядным записям 1581 г. арзамасских мурз и татар было уже 500 человек (Первая полковая роспись..., 1962. С. 268), а алатырских к 1615 г. – свыше 250. Поэтому определить более-менее точно численность этих корпораций на конец века затруднительно. Автор склонялся к тому, что численное превосходство алатырских татар определялось большей уязвимостью алатырского направления со стороны Крыма (Сенюткин, 2001. С. 45). Отметим, что разброс в цифрах мог быть вызван переводами служилых татар из одной местности в другую и обратно в течении последней трети XVI в.

Судя по упоминаемым в источниках прибавкам к земельным владениям, служилые татары могли эффективно выполнять возложенные на них обязанности по пограничной службе (Сенюткин, 2001. С. 45–46).

¹³ В книге С.Б. Сенюткина содержатся более подробные сведения об истории татарских населённых пунктов и фамилий.

Вторжения крупных, ханских сил происходили редко. В 1598 г. произошла последняя попытка вторжения крупного крымского войска в центральные уезды России. В её отражении приняла участие и арзамасская мордва. В марте в Москву стали поступать вести о том, что крымский хан сам собрался идти на Русь. Против него в поход новый царь Борис Годунов вышел лично (РК 1598. С. 517–519). В мае к засекам были разосланы отряды. К Тульской, Кортосеневской и Каширской засекам с Микифором Траханиотовым посылалась с Каширы арзамасская мордва (РК 1598. С. 525). Войны не случилось, после переговоров крымцы ушли.

Организация пограничных сил несколько отличалась от обычной войсковой, когда дети боярские и служилые татары одного уезда на месте сбора разбивались на тактические единицы «десятки», «полусотни» и «сотни» (не обязательно насчитывавшие соответствующее число бойцов) под командованием голов, пятидесятников и десятников, а головы уже подчинялись полковому воеводе (при служилых татарах, к тому же, могли быть русские приставы, а все татары одного уезда – до нескольких сотен человек – подчинялись одному татарскому голове из русских людей). Действовавшие на степных окраинах сторожи и станицы возглавлялись станичными головами, которыми могли назначаться и татары. Помимо голов или вместо голов в татарские отряды могли назначаться приставы. Источники не позволяют чётко определить различия в задачах голов и приставов, но, судя по этимологии слов, голова непосредственно командовал отрядом, а пристав – больше следил за командирами из татар и отрядом в целом. Ясачные люди также разбивались на «сотни» во главе с головами из русских детей боярских (Илюшин, 2021. С. 32–34).

Боевые задачи служилых татар были в целом схожи с теми, что выполняли мелкопоместные дети боярские: участие в полевых сражениях, разорение земель противника, перехват разъездов, разведка, захват языков (пленных для допроса), изредка – участие в штурме укреплений, а также охрана посольств. Служилых татар зачастую назначали в состав посольств в мусульманские страны, или посылали туда в качестве гонцов. Мордва (как служилые мурзы, так и ясачные люди), видимо, были менее боеспособны, чем татары, и их использование на войне было несколько ограничено. Так, нам не встречалось сведений о захвате ими языков, или о сопровождении мордвой посольств (Илюшин, 2021. С. 67–74).

Свидетельств о материальном благосостоянии нижегородских и арзамасских служилых татар XVI в. очень мало. Это тем более печально, что именно этот пункт является одним из важнейших показателей боеспособности и боеготовности той или иной группы служилых людей, поскольку поместная конница находилась на самообеспечении.

Редкие сохранившиеся документы по поместьям арзамасских татар показывают, что они были мелкопоместными (Книги новоусадцких тотар, 1916. №95; Отдельные книги, 1916. №96). По нижегородским служилым татарам сведений нет вовсе. Напомним, что

нижегородские дети боярские XVI в. также были в основном мелкопоместными (Балыкина, 2016. С. 130). Сомнительно, чтоб лучше дела обстояли у их соседей-татар.

Гораздо лучше известно землевладение татар XVII в., когда шёл процесс измельчания поместий. Известно, что в то время основная масса служилых татар владела поместьями по 15–20 десятин (30–40 четей) (Беляков, 2011. С. 248). Если посмотреть на материальное положение наиболее обеспеченных, касимовских татар, то тут мы видим следующую картину. В 1620-е гг. 70% касимовских татар имели надёлы в 20–150 четей. У остальных надёлы были чуть больше, и лишь незначительная часть была относительно богатой (Смотренный список, 2006. С. 381–383). В XVI в. русские дворяне с такими «феодами» почти все были без доспехов (Чернов, 1954. С. 79–80).

Если сравнивать с дворянскими служилыми городами последней трети XVI в., по которым известны оклады и вооружение, то выходит, что арзамасские и нижегородские служилые татары в основной массе, скорее всего, выезжали на службу на мерине, с саадаком (лук и стрелы) и саблей (и то не каждый). Только небольшая, наиболее состоятельная их часть могла позволить себе иметь пансыри (кольчатые доспехи) и шеломы (как это видно по тем же нижегородцам). Материальное благосостояние татар могло, впрочем, колебаться благодаря военным действиям в Казанском крае и Ливонии, откуда можно было пригнать полон.

Пока война в Ливонии шла для Москвы хорошо, служилые люди, в т.ч. татары и мордва, могли неплохо разжиться за счёт сельского и городского населения Ливонии. В первую очередь это относится к полону. Европейские авторы, бывавшие в те годы в Ливонии и приграничных российских уездах часто упоминали толпы мирных жителей, которых татары уводили в плен.

Вот, например, выдержки из сочинения Якоба Ульфельдта:

«Выехав из Городни, мы прибыли в Тверь. На этом пути повсюду нам встречались татары, возвращавшиеся из Ливонии и везшие с собой очень много пленных (некоторые из них были ранены), мужчин, женщин, девочек и мальчиков. Женщин и девушек, которых они берут в плен, распродают, делят между друзьями, а иным дают в виде подарка; те ими пользуются по своему усмотрению. Когда они им надоедают, их отпускают, прогоняют и оставляют другим на поругание» (Ульфельдт, 2002. С. 333). Далее: «5-го [Сентября] мы проехали Выдропуск, где нам повсюду встречались толпы татар с людьми, захваченными в окрестностях Риги» (Ульфельдт, 2002. С. 336). «В то самое время, когда нас там задерживали, по городу проводили большую толпу ливонских пленников (это кроме тех, которые повсюду попадались нам навстречу в пути), их было более 1000 – старики и молодые, мужчины и женщины. Некоторых из них татары везли в Московию, других распродавали в городе, поставив у входа в храм, чтобы все могли их рассмотреть» (Ульфельдт, 2002. С. 339).

Имелись, однако, ограничения для численности полоняников (по крайней мере для ногайских мурз), а также татарам запрещалось владеть православными людьми. Поэтому на восточные рынки и в поместья служилых татар и мордвы попадали люди немецкого, польского, литовского, финнского, шведского, эстонского и латышского происхождения (Трепавлов. С. 536; Беляков, 2011. С. 264; Моисеев, 2018. С. 414–418). Кроме того, царской канцелярией вёлся счёт полоняникам: «Да Петру же велено у татар и у русских людей полон литовской весь переписать и привести к государю роспись» (1580/1581 гг.) (РК, 1975. С. 323).

Несколько слов тут нужно сказать о военном значении всех служилых татар и мордвы в рассматриваемый период. В XVI в. в русской полководческой практике возобладала «татарская» стратегия¹⁴, сводившаяся к избеганию генеральных полевых сражений и нанесению хозяйства, инфраструктуре и численности противника максимального ущерба силами мобильных конных ратей. Более того, как пишут такие специалисты по военному делу Московского государства, как О.А. Курбатов и В.В. Пенской, московские воеводы рассматриваемого периода не имели чётких навыков командования большими силами на одном поле боя, что было вызвано отсутствием значительного опыта командования малыми и средними соединениями (которые высокородные молодые воеводы быстро проскакивали), систематическим избеганием «прямого дела» и отсутствием военной теории (Пенской, (2017. С. 13). По сути, в войнах с литовцами, шведами и ливонцами Москва добивалась перевеса, устраивая «Батыево нашествие» при невозможности противника воспрепятствовать разорению из-за низких мобилизационных возможностей (демографического, организационного и социально-политического характера). Конечно, не менее важное место занимало «градоимство», но основная часть военной службы детей боярских и татар сводилась именно к конным набегам и мелким стычкам. По мере же увеличения численности войск противника царь и его воеводы стали прямо указывать служилым на необходимость избегания больших сражений (в том числе из-за того, что поместная конница, как выяснилось, не могла уже эффективно противостоять современным методам ведения боя).

А.В. Беляков в качестве доказательств низких боевых качеств служилых татар времён Ливонской войны приводит единичные свидетельства о нестойкости их в полевым сражении (у Р. Гейденштейна), татарских дезертирах¹⁵ (у С. Пиотровского), а также исчезновение из разрядных записей имён татарских голов в виду отсутствия значимости таких назначений для местнических споров (Беляков, 2011. С. 203) (хотя из разрядных книг и войсковых смет

¹⁴ Наименование достаточно условно, поскольку подобная стратегия периодически практиковалась в средние века и во многих европейских странах, но для рассматриваемого периода и региона подобные методы ведения войны традиционно приписывались в первую очередь татарам.

¹⁵ Хотя дезертировали на сторону короля и русские дети боярские и князья, как и наоборот – от короля к царю (Пиотровский, 1882. С. 126; Зборовский, 1897. С. 9).

татарские головы никуда не делись и в первой трети XVII в. (РК 7123. С. 34, 45; РК 7124. С. 56–57; РК 1974. С. 254; Сметный список, 1849. С. 38, 48, 49)). Указывается и на низкую материальную обеспеченность татар и, как следствие, плохое вооружение (Беляков, 2011. С. 204). Однако для выполнения вышеозначенных видов службы (как и для участия в походе вообще) вполне достаточно было иметь пару лошадей и саадак, что было доступно и рядовым казакам. «Московские воеводы осознавали их перечисленные недостатки, но для того чтобы постоянно тревожить противника и тем самым ослаблять его, они подходили прекрасно» (Беляков, 2011. С. 204). В каких источниках сообщается такое мнение воевод – неясно.

При рассмотрении военной истории служилых татар периода войн в Ливонии мы не заметили большой разницы между ними и русской конницей в плане военных функций. Татары разоряли сельскую местность, захватывали языков и полон, били фуражиров и мелкие отряды, постоянно тревожили крупные силы противника, занимались разведкой, охраной обозов и посольств, а при необходимости обороняли осаждённые города. Этим же занимались дети боярские и дворяне. Поэтому мы не можем согласиться с А.В. Беляковым, утверждавшим, что в Ливонскую войну служилые татары выполняли сугубо вспомогательную роль в войске и наиболее часто использовались в качестве загонщиков (Беляков, 2011. С. 203–205). Русские дворяне могли выполнять чуть более широкие функции и из их наиболее обеспеченных и «честных» слоёв состояли элитные отряды (в то время, как основная масса татар была малообеспеченной и не могла иметь хорошее вооружение), однако значительных различий мы не наблюдаем. К тому же татары составляли значительную часть конницы – свыше 20%. Служилым татарам могли поручать такие ответственные задания, охрана обоза с провиантом, важных персон, русских и иноземных посольств, перехват вражеских гонцов, да и пограничная служба на степных рубежах, реорганизованная в связи с усилением натиска степняков, была важна.

Как сообщал Даниил Принц из Бухова (посол Священной Римской империи Даниэль Принц фон Бухау), «татары, помощью которых он [Иван Грозный] очень часто пользуется в войнах по причине очень необычайного мнения, которое он получил об них, живут, довольствуясь небольшою частью полей и добычей, которая для них не ограничена. Однако очень многим, особенно начальникам, кроме того положено и содержание» (Принц, 1876. С. 31). Служилые татары ценились не только царём. Известен случай, когда воевода князь М. Ноздреватый пытался включить татар и новокрещенов из новгородских пятин в свой передовой полк, хотя посланы они были к В.Д. Хилкову (1580 г.) (Грамота из Разрядного приказа..., №19, С. 222–223).

Боепособность мордовских контингентов, судя по рассмотренным нами ранее примерам (Илюшин, 2021. С. 60–80), была ниже, чем у татар. Мордве поручали охрану обоза,

разорение территории противника, вероятно, привлекали к участию в полевых сражениях и даже к штурму городов, а иногда мордвины упоминаются на городской службе (на случай осадного сидения) или в остроге на засечной черте (в т.ч. на положении казаков и стрельцов). Кроме того, мордвины набирались в состав пограничных станичников, патрулировавших степные укрaines на случай нападений татарских и ногайских отрядов. Но следует отметить отсутствие сведений об участии мордвы в захвате языков; во всех крупнейших войнах России того времени этим занимались русские дворяне и служилые татары. По-видимому, мордовские ратники были к этому малопригодны. Не задействованы были они и в охране русских и иноземных посольств (в отличие, опять же, от татар).

Список источников и литературы

Балыкина М. И. Нижегородские дворяне и дети боярские XVI–XVII вв.: процессы эволюции провинциальной служилой корпорации. Дисс. к.и.н. Нижний Новгород, 2016. 252 с.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.

Боярский приговор о назначении мест, где стоять головам на поле, и до коих мест ездить от них станицам // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. №4. С. 6–7.

Боярский приговор о пожеге полей, с росписанием: из каких городов станицам какая поля жечь // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. №13. С. 15–17.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Великие Луки о посылке ратных людей и его действиях в зависимости от направления неприятеля ко Пскову или к Смоленску / Документы Ливонской войны. (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Т. 3. М.–Варшава: Археографический центр, 1998. №1. С. 205–206.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Великие Луки о сборе и присылке к нему ратных людей и служилых татар и его действиях в случае направления неприятеля ко Пскову или Смоленску, и об обороне Великих Лук // Документы Ливонской войны... №2. С. 208–209.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову о продвижении его войск к Холму и присылке к нему из Торопца отряда казанских татар // Документы Ливонской войны... №4. С. 210.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Холм о передвижении его войск к Торопцу в связи с направлением неприятеля с пушками на Велиж – Усвят – Невель // Документы Ливонской войны... №7. С. 213–214.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову о продвижении к Торопцу и посылке под Велиж татарских застав для «промышки» неприятелю на дорогах / Документы Ливонской войны... №13. С. 218–219.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о запрещении воеводе передового полка кн. М. Ноздреватому самовольно включить в свой полк служилых татар и мешерян и немедленной отправке мешерян во Псков, а татар – в большой полк / Документы Ливонской войны... №19. С. 222–223.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову с выговором за не присылку от него вестей и подмоги и с приказом о продвижении к осажденному неприятелем Невелю / Документы Ливонской войны... №21. С. 225–226.

Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлекая Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинюкова Ногаева (Нагаева) (1613/1614) // Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII вв. Книга II. Опись фонда 141. Приказные дела старых лет. Посольский приказ / ред. Н.П. Воскобойникова. СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 1999. С. 57.

Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. М.: Университетская Типография, 1897. С. 18–68.

Дополнения к Никоновской летописи. II Так называемая царственная книга // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Под ред. С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 303 с. (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2)

Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О. Н. Милевского. М.: Университетская типография, 1897. С. 2–17.

Измайлов И. Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 62–68.

Илюшин Б. А. Военное дело служилых татар Российского государства середины XV – XVII вв. Дисс. к.и.н. Новосибирск, 2017. 238 с. (прил. 239–344 с.).

Илюшин Б. А. К постановке вопроса о военном деле «служилой мордвы и черемисы» / Поволжские финны на перекрестке эпох: сборник статей по материалам вторых и третьих Дальнеконстантиновских чтений // под ред. Е.В. Четвертакова, О.В. Гальцевой. Нижний Новгород: Новая гуманистическая культура, 2019. С. 27–34.

Илюшин Б. А. Участие мордвы, марийцев и чувашей в военных мероприятиях Московского государства XVI века // Вестник Пермского государственного университета. История. 2020. №2. С. 24–33.

Илюшин Б. А. Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Московского государства XVI–XVII вв. Новосибирск: НГУ, 2021. 240 с.

Ишеев М. Р., Акчурина М. М. Татарские княжеские роды в Арзамасе и на Алатыре // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 109–115.

Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. 804 с., 48 с. ил.

Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 108 с.

Книги новоусадцких тотар на Анчюринскую землю 103-го году [1595] // Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М.: Тип. Лисснера и Д. Совко, 1916. №95.

Кузнецов С. К. Русская историческая география: Курс лекций, читанный в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. Вып. 2. Мордва. М., 1912. 73 с.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 29. М.: Наука, 1965. С. 224–314.

Моисеев М. В. Латышки Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания // Известия Саратовского университета. Серия: история, международные отношения. Саратов, 2018. №4. Т. 18. С. 414–418.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с. (ПСРЛ. Т. 13)

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.

Отдельные книги земель служилых татар [1595] // Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М.: Тип. Лисснера и Д. Совко, 1916. №96

Отписка воеводы кн. В. Д. Хилкова в Разрядный приказ из Великих Лук о неприбытии к нему на службу нетчиков – коломнич, ярославцев и татарских голов [после 17 июня 1580] // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. Т. III. М.–Варшава: Археографический центр, 1998. №28. С. 231–232.

Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород. 2001 г. 240 с.

Пенской В. В. От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород: ИПЦ «ПО-ЛИТЕРА», 2014. 150 с.

Пенской В. В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времён Ивана Грозного. 1562–1570 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 350 с.

Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. «Центр-полиграф», 2017 (Новейшие исследования по истории России). 318 с.

Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1962. С. 267–269.

Пиотровский, Станислав. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / ред. О.Н. Милевский. Псков: Типография Губернского Правления, 1882. XVI, 261, 11 с.

Принц, Даниил. Даниил Принц из Быховца. Начало и возвышение Московии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / пер. И.А. Тихомирова. – М.: Университетская типография, 1876. Кн. 3. 512 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с. (РК 1598)

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1981. 219 с. (РК 1605. Т. 2. Ч. 1)

Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. 2. Ч. 2. ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории СССР, 1982. 440 с. (РК 1605. Т. 2. Ч. 2)

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1982. С. 441–558. (РК 1605. Т. 2. Ч. 3)

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М.: Наука, 1984. 232 с. (РК 1605. Т. 3. Ч. 1)

Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории СССР, 1974. С. 180–313. (РК, 1974)

Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 1 / ред. И.Д. Беляев. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–60. (РК 7123)

Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. Книга 2. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–86. (РК 7124)

Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М.: Наука, 1975. 430 с. (РК 1975)

Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей (май 1580) // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции / ред. Д. Антонов. Т. 6. М., 1914. 610 с.

Роспись мещерским сторожам // Акты Московскаго государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Том 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. №9. С. 11–12.

Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Медина, 2001. 416 с.

Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Книга 4. М.: Университетская типография, 1849. С. 18–51.

Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // А.В. Беляков. Рязанская старина. 2004–2005 / сост. А. О. Никитин, П. А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 381–383.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.

Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой. М.: Языки славянской культуры, 2002. 616 с.

Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. 2. <http://www.milhist.info/2015/04/21/filychkin_2> (21.04.2015)

Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. 2. С. 219–289 <http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1> (10.02.2015) (Филюшкин, 2015a)

Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I) / М.: Воениздат, 1954. 224 с.

ОТРАЖЕНИЕ ПОХОДА НА КАЗАНЬ 1552 ГОДА В «НАРОДНОЙ» ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В статье говорится о влиянии, осуществленного Иваном Грозным в 1552 году казанского похода, на фольклор и топонимику жителей южной части Нижегородской области.

Ключевые слова: Иван Грозный, поход на Казань 1552 года, фольклор и топонимика Нижегородского Поволжья.

Решающий в казанских войнах поход Ивана Грозного 1552 года для истории современного юга Нижегородской области имел ключевое значение. Этот поход разделит прошлое края на «до» и «после», и следует признать, что события середины XVI в. действительно имели для Среднего Поволжья судьбоносный характер. Окончательное присоединение региона к Московской Руси открыло новую страницу в его истории – российскую. События, предшествовавшие походу, заставили Ивана Грозного двинуться к Казани самым коротким сухопутным путем, проходящим через Волго-Окско-Сурское междуречье. Русские военачальники решили использовать старинные сакмы известные, очевидно, еще и золотоордынцам и их «наследникам» (Курдин, Курдин, 2005. С. 137).

В летописях сохранилось описание маршрута царского войска. Путь великого князя лежал от Муром на «Саканьский лес... И того же дни ночевал на лесу на реку Велетме, от города пол-30 верст; а другой стан на Шилекше, а третий под Саканьским городищем, а четвертый на поле на Ирже, а пятой на Авше-речке, а шестой на Кевсе, а седмой на озере на Икше, а осмой на озере не дошед Пианы-реки... а девятый стан на Дубровке-озере, а десятый на речке на Медянке, 11 стан на речке на Мяни...» (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 199).

Поход Ивана Грозного от Оки к Суре был настолько значимым, что о нем сложились легенды, навсегда оставшиеся в народной памяти. Причем и предания русских, и предания мордвы, и предания татар одинаково хранят эту память. Большое количество легенд связано с так называемой «народной» этимологией топонимов Нижегородского Поволжья. Авторство названий многих географических объектов, местные жители приписывают лично царю. Обитатели многих сел и деревень, приурочивают возникновение своих селений к походу 1552 года. Если судить по легендам, Грозный царь по пути давал названия, повелевал строить церкви, мосты, дороги, насыпать курганы (мары). Он крестил, награждал, карал, миловал.

В народной песне об Иване IV – «грозном Мурзе московском», говорится: «...где он бросит горсточку – там быть градичку, где бросит щепоточку – там быть селеньицу» (Мельников, 2011. С. 482). Может создаться впечатление, что поход продолжался несколько месяцев – настолько бурную деятельность приписывает народная молва тогда совсем еще молодому московскому царю.

На самом деле от Оки до Суры Грозный прошел за 11 дней. Но эти 11 дней врезались в людскую память на века. До сих пор любой курган, любой овраг или холм (мар) приурочивают или как-то связывают с походом Ивана Грозного, причем с обязательными рассказами о сломанных колесах, потерянных рукавицах, о солдатских шапках которыми насыпали курганы, и прочими подробностями.

Интересно, что подобные предания записывались этнографами по всему Нижегородскому Поволжью, даже там, где Иван Грозный никогда не бывал. В Заволжье, жители многих деревень утверждают, что именно через их селенья шел Грозный царь на Казань. Например, предание о происхождении названия деревни Черномуж Шарангского района Нижегородской области, согласно легенде, произошло от того, что Иван Грозный во время своего похода на Казань встретил здесь «черного мужика» – мари́йца, из-за чего и назвал деревню Черномуж (Морохин, 1994. С. 141).

Разумеется, Иван Грозный никогда не бывал в лесном Заволжье, да и вряд ли за одиннадцать дней он успел сделать все, что ему приписывает людская молва, хотя конечно, давать указание по устройству станов и церквей мог вполне, а уж крестить язычников было его прямой обязанностью как православного государя.

Актуальность фольклорному материалу, связанному с походом Ивана IV, придает то, что большинство легенд так или иначе включают в себя «народную» этимологию происхождения названий селений, в которых они были зафиксированы. Местные жители убеждены, что имена их селам давал непосредственно царь, при этом даже явно нерусские топонимы толкуются с позиций русского языка, что принимает порой весьма забавные формы. Жители пытаются осмыслить непонятные названия, подбирая похожие по звучанию русские слова, и приурочивают это осмысление к значимому историческому событию. Например, название Дудина монастыря, произошедшее от расположенного рядом села Дуденево, по легенде связано с тем, что здесь по повелению Ивана Грозного был убит некий послушник, игравший на дуде и мешавший отдыхать царю. Раскаявшийся в своем поступке, Иван Грозный на обратном пути из Казани основал тут обитель (Епанчин, 2014. С. 46).

Легенды о созданной Иваном Грозным топонимике зафиксированы уже во Владимирской области (Ершов, 2021. С. 25–34). В Навашином правобережье Нижней Оки их количество увеличивается. Местные предания утверждают, что после переправы у царской кареты лопнул железный обод на колесе называемый «шиной», и царь потребовал «нову шину», отсюда мол, и возникло Навашино (Епанчин, 2014. С. 62). Здесь же государь решил избавиться от всех лодырей и бездельников («сонь») в своем войске, и выселил их в лежащую рядом деревню, названную из-за них Сонино (Епанчин, 2014. С. 67). В Позднякове царь «припозднился», а в Волосове «на волоске» висела судьба кого-то из его подданных. В Горицах поселил всех «горюнов» – неимущих крестьян, а в Дедове встретил седобородых старцев-монахов «дедов». В селе Венец государь кого-то «отдал под венец» (Епанчин, 2014. С. 26, 28, 29, 69).

Кулебакский журналист В. Чернов записал местные предания, согласно которым название села и речки Велетьмы произошло от того, что Иван Грозный, оглядевший свою армию после того как она расположилась на берегах этой речки, будто бы произнес: «Велия (великая) тьма ратников», словно до этого не замечал. По другой версии, Иван Грозный, обозрев бескрайние леса, лежащие перед его войском, сказал: «Велия тьма леса». Отсюда и название (Чернов, 2009. С. 45–46). На пути от Велетьмы, за шесть верст до Кулебак путь царскому войску преградило болото, которое царь повелел «пересыпать» (засыпать). С тех пор это место зовется «пересыпным» (Миролюбов, 2005. С. 192).

Рядом с Кулебаками находится селение Мурзицы, название которого, по мнению местных жителей, связано с тем, что его основал союзный Ивану Грозному татарский мурза (Ульянов, 2013).

Между Шилокшей и Саконами, то есть между второй и третьей остановками царя можно сказать, все наполнено памятью о царском походе. На этом отрезке расположены села Ломовка, Теплово и Гремячево, и в первом согласно народной этимологии сломалась царская карета, отчего царь в сердцах и назвал его Ломовкой (Малышев, 2014. Зап. № 1). Затем царское войско попало под дождь и возле того места, где стоит Теплово, отдохнуло и согрелось под лучами выглянувшего солнца (Малышев, 2014. Зап. № 1). Сегодня это село Теплово, которое до конца XVIII века, называлось Теплый стан (Планы генерального межевания, 1790). В легендах, записанных в XIX в. говорится, что проводник царя мордвин Кужендей обещал отвести войско царя к месту ночлега, которое он назвал «тепло». И на этом месте теперь стоит Теплово (Миролюбов, 2005. С. 191).

Между селами Ломовка и Теплово расположено возвышение Козляки, на котором по легенде стояли царские стрельцы, складывавшие оружие в «козлы». После Козляков – болотистое урочище Лихое, где царская карета застряла в непролазной грязи. Выбравшись, царь и назвал урочище Лихим. Под этим названием оно и теперь известно местным жителям (Малышев, 2014. Зап. № 1).

На этом приключения кареты не кончились. Вскоре она загремела, и село, где это случилось, стало Гремячевым. По другой легенде в Гремячеве гремело оружие солдат, или знаменитые местные родники (Малышев, 2007. Зап. № 2). Любопытно, что жители Гремячева настолько уверены в закладке своего села царем Иваном IV, что в 2002 году, при поддержке местных властей, торжественно отметили 450-летие со дня основания Гремячева, хотя эта дата не подтверждена ни одним документом.

Ночь на 22 июля застала московского государя возле Саканского городища на левом высоком берегу Теши. Саконы и Гремячево по преданиям роднит между собой то, что церкви в этих селах были построены по повелению Ивана Грозного (Малышев, 2007. Зап. № 2).

К югу от Сакон расположен целый «куст» топонимов, связанных с легендами о походе царя. В записанном здесь П. Мельниковым предании говорится, что проводниками русских отрядов от Саканского городища до Иржи были мордвины Ардатка, Кужендей и Торш. За свою службу они получили земли, в которых основали деревни Ардатов, Кужендеева и Тоторшево (Мельников, 2011. С. 482). Ныне это поселок Ардатов, село Кужендеево, и Тоторшево – историческая часть Ардатов.

Любопытно, что выксунский писатель Н. Ключарев в своем романе «Работные люди» привел «выксунскую» версию этого предания, услышанную им, вероятно, в родных краях. Согласно ей, были четыре местных татарина Ардатка, Тоторша, Кужендей и Ризадей, которые провели царские полки до «самой степи» и получили в награду «дачи», названные потом их именами: Ардатово, Тоторшево, Кужендеево и Ризадеево (Ключарев, 1984. С. 14).

У И. Милотворского речь идет уже о проводниках Ардатке-мордвине и Калейке-мужике, награжденных царем за службу «дачами» ставшими впоследствии селениями Ардатов и Кавлей. Проводник-мордвин Ичалка получил «дачу», сделавшуюся впоследствии селом Ичалково. Название деревни Молякса, означающее в переводе с мордовского «Свиной брод» связано с казусным случаем при переправе войска через речку Леметь (Милотворский, 2005. С. 218), который со слов старожилов записал Н. Миролюбов. Согласно его записи, у брода проводник сказал по-мордовски «моляксо» (свиной брод), что спутники царя приняли за указание молиться (Миролюбов, 2005. С. 191).

У жителей местных деревень Надежино, Юсупово, Онучино и др. сохранились воспоминания о стоянии армии Ивана Грозного рядом с этими деревнями, о церквах якобы построенных царем, и об марах (курганах) будто бы насыпанных его войском.

В месте слияния Теши и Иржи находятся древние села Большое и Малое Туманово, известные с 1582 года как единое село Туманово. Этот топоним местные жители связывают с легендой о тумане, будто бы преградившим путь царскому войску, за что царь и назвал село Тумановым (Епанчин. 2014. С. 23).

Через два перехода от Сакон царь достиг устья реки Акши (Автечь), в предместьях Арзамасова городища. «Разумеется», название города Арзамаса не обошлось без участия Ивана Грозного. Самая распространенная версия гласит, что в названии соединены два мордовских имени Арзя и Маса, а затем уже следуют варианты. Говорится, что это были два брата Арзай и Масай (Милотворский, 2005. С. 208), или два князя Арза и Маза (Морохин, 1971. С. 77), или даже муж с женою Ерзя и Масья (Миролюбов, 2005. С. 190). Их-то царь и пожаловал окрестными землями, из-за чего и селение стало называться Арзамас.

Впрочем, здесь же расположено селение, действительно основанное Иваном Грозным. Царь, для наблюдения за местными «иногородцами» учредил Арзамасскую выездную казацкую слободу, ставшую со временем поселком Выездное. Расположенное на правом берегу реки Тёши село Ивановское получило свое название «в память переправы войска Иоаннова через Тёшу» (Милотворский. 2005. С. 208, 209). В Вадском районе сохранилось легенда, связанная с названием городища Беркин городок. Согласно ей, здесь укрывался разбойник Берки. Иван Грозный разгромил его становище, а сам Берки утонул в Пьяне (Курдин, 2005. С. 158).

У места шестого стана царя на речке Кевзе – левом притоке Пьяны, сохранился курган, называемый «Царёв кабак». По преданию на этом кургане Иван Грозный угощал свое войско (Милотворский, 2005. С. 210).

Дальше царское войско продолжило движение к озеру Дубровке. Переночевав «на озере на Дубровке», предположительно в 30 верстах от села Паново-Леонтьево (Милотворский, 2005. С. 216). К югу отсюда, в Большеболдинском районе сохранилось красивое предание, записанное профессором В. Морохиным, о происхождении названия села Девичьи Горы. Мордва, жившая в деревне, узнав, что к ним приближается Иван Грозный, решила его погубить. Но одна девушка-мордовка предупредила царя, за что потом была убита односельчанами. Узнав об этом, Иван Грозный велел похоронить ее «с великими почестями», насыпав над могилой большой курган. А село стали с этого момента называть Девичьи Горы (Морохин, 1971. С. 127–128).

От Пьяны войско царя отвернуло к верховьям рек Медяны и Медянки. Местные легенды также хранят память о царском походе. Название села Теплый Стан (ныне Сеченово), как и в случае с названием села Теплово, связано с отдыхом царя (Курдин, 2005. С. 156). Севернее Сеченова есть село Ясное, народное прозвище которого «Свинуха». Такое прозвание, согласно легенде, связано с тем, что там, якобы, располагался своего рода заготовительный пункт по забою свиней для армии Ивана IV, и из-за множества забитых животных речка Медянка несколько дней текла кровью (Малышев, 2022. Зап. № 3).

А вот записанное в присурском селе Мурзицы предание гласит, что местные татары оказали царю сопротивление, после чего Иван Грозный приказал закопать их предводителя-мурзу живьем. Отсюда и название села. Речка Киша на которой стоят Мурзицы была красной от пролитой крови (Курдин, 2005. С. 160–161). В лежащем ниже по Суре мордовском селе Наваты главная улица зовется Казанка, и любой местный житель скажет вам, что по этой улице

Иван Грозный шел на Казань (Малышев, 2009. Зап. № 4). За Сурой авангард царя встретил татар и повернул назад. Но местные чуваша и марийцы обещали русскому отряду помощь, и отряд вернулся и разгромил татар. Место, от которого авангард вернулся, названо Воротынец (Епанчин, 2014. С. 27).

Разумеется, наше исследование не претендует на полный охват всех «топонимических» легенд и преданий, связанных с походом Ивана Грозного. Мы лишь хотели указать на то, каким важным событием был этот, без преувеличения сказать, эпохальный поход, если оставил о себе такую память. Практически каждый из упомянутых здесь топонимов получил толкование в научной литературе, и Иван IV, конечно же, не имел ни к одному из них никакого отношения. М. Горбаневский справедливо указывал, что: «...легенды (предания) не имеют ничего общего с действительным происхождением названия поселений. Все стихийные переосмысливания значения топонима (связь с Петром I, Екатериной II) – не более чем досужий вымысел, лишь иногда имеющий косвенную связь с настоящим событием» (Горбаневский, 1987. С. 16).

Тем не менее, Иван Грозный принял в местной топонимике самое непосредственное «участие». Во-первых, присоединив край к России, и положив тем самым начало массовому заселению русскими земледельцами Среднего Поволжья, он, несомненно, способствовал созданию последнего и самого мощного слоя местной топонимики – русскоязычного. Во-вторых, такое обилие «топонимических» легенд, связанных именно с именем Ивана Грозного как раз и свидетельствует о том, что в период его царствования началось активное освоение края русскими переселенцами. В качестве аналогии можно привести историю Воронежского края, где очень многие «топонимические» легенды связаны с именем Петра Великого, в царствование которого русское государство окончательно закрепилось на границах «Дикого Поля».

Список источников и литературы

Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М.: Знание, 1987. 208 с.

Епанчин А. А. Топонимика Муром и его окрестностей. Муром: Тип. «Солнечный ветер», 2014. 84 с.

Ершов В. Е. Топонимические предания, региональная топонимия юга и юго-востока Владимирской области. Н. Новгород: Тип. «Белый цвет», 2021. 171 с.

Курдин Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 150–173.

Курдин Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 121–150.

Ключарев Н. П. Работные люди. Горький: Волго-Вятск. кн. изд., 1984. 381 с.

Малышев А. В. Беседа с Фадеевым М.Е., 1946 г.р. жителем с. Теплово, г.о. Кулебаки Нижегородской области от 21 января 2014 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Беседа с Омельшиным А. М., 1956 г.р. жителем р.п. Гремячево, г.о. Кулебаки Нижегородской области от 19 сентября 2007 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Беседа с Феклистовым В. Ф. 1941 г.р., уроженцем с. Наваты Пильнинского р-на Нижегородской области от 2.10. 2009 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Сообщение от Толстоухова А., 1980 г.р., жителя Н. Новгорода от 29.03.2022 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Мельников П. И. Путь Иоанна Грозного // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н. В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Изд. «Книги», 2011. С. 472–495.

Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 203–223.

Миролюбов Н. К. Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича против Казани в 1552 г. через Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии, с примечанием о походах его чрез другие уезды // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С.188–203.

Нижегородские мари́йцы. Сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. 249 с.

Нижегородские предания и легенды. Сост. В. Н. Морохин. Горький: Волго-Вятск. кн. изд., 1971. 239 с.

Планы генерального межевания 1790 года. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=K1wCHzu4... (дата обращения 10.04. 2022).

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1904. 380 с.

Ульянов Н. С. Изучаем историю родного края // «Кулебакский металлист» № 12. 2013.

Чернов В. Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка... Тайны географических названий. Кулебаки: МУ РИЦ «Кулебакский металлист», 2009. 64 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СЕТИ ПОСЕЛЕНИЙ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ БАССЕЙНА РЕК ТЁШИ И ПЬЯНЫ)

В статье анализируется развитие поселенческой структуры Арзамасского уезда в период его формирования и первые десятилетия после его возникновения на основе письменных источников второй половины XVI в. Рассматриваются специфические черты расположения русских и мордовских поселений для каждого из станов уезда. Отмечены особенности размещения группы дворцовых поселений и групп поселений, принадлежащих служилым татарам и мордовским мурзам. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что к началу 1580-х гг. структура расселения в целом уже была сформирована в Утишье, в отличие от Залесного стана, в котором, несмотря на крупные размеры земель, предоставляемых в поместье служилым землевладельцам, на раннем этапе возникновение новых поселений шло медленно, а то и вовсе прерывалось.

Ключевые слова: Арзамасский уезд, Утишье, Тешский стан, Ичаловский стан, Иржинский стан, Залесный стан, XVI век.

Казанские походы Ивана IV на Казань и последующее вхождение Казанского ханства в состав Русского государства стали важными событиями, повлиявшими на историю Нижегородского Поволжья. С окончанием первой Черемисской войны в левобережном бассейне реки Тёши, в бассейне реки Пьяны к югу от ее северной ветви начинается испомещение служилых людей. В период 1556–1563 гг. оно, по-видимому, носило массовый характер (Арзамасский уезд в XVII веке... 2018. С. 5). В 1560/61–1562/63 гг. писцовая комиссия Григория Сукина, Неклюды Девочкина и дьяка Дементия Слугина описала земли в бассейне р. Пьяна (Парадеев, 2022. С. 31–54). События второй Черемисской войны привели к возникновению города Арзамаса и Арзамасского уезда. Первые описания Арзамасского уезда были проведены Никитой Яхонтовым в 7082 и 7083 (1573/74 и 1574/75) гг. и Игнатием Зубовым в 7092 и 7093 (1583/84 и 1584/85) гг. Вслед за тем, в 1586/87 г., арзамасский наместник и воевода Никифор Павлович Клементьев–Чепчугов провел последнее массовое испомещение служилых людей, получивших наряду с поместьем в «утишных станах» и земли «за лесом», в Залесном стане (Арзамасский уезд в XVII веке... 2018. С. 6). В конце XVI – начале XVII вв. было проведено испомещение служилых татар. Фондом для их верстания послужили пустые земли – дикие поля.

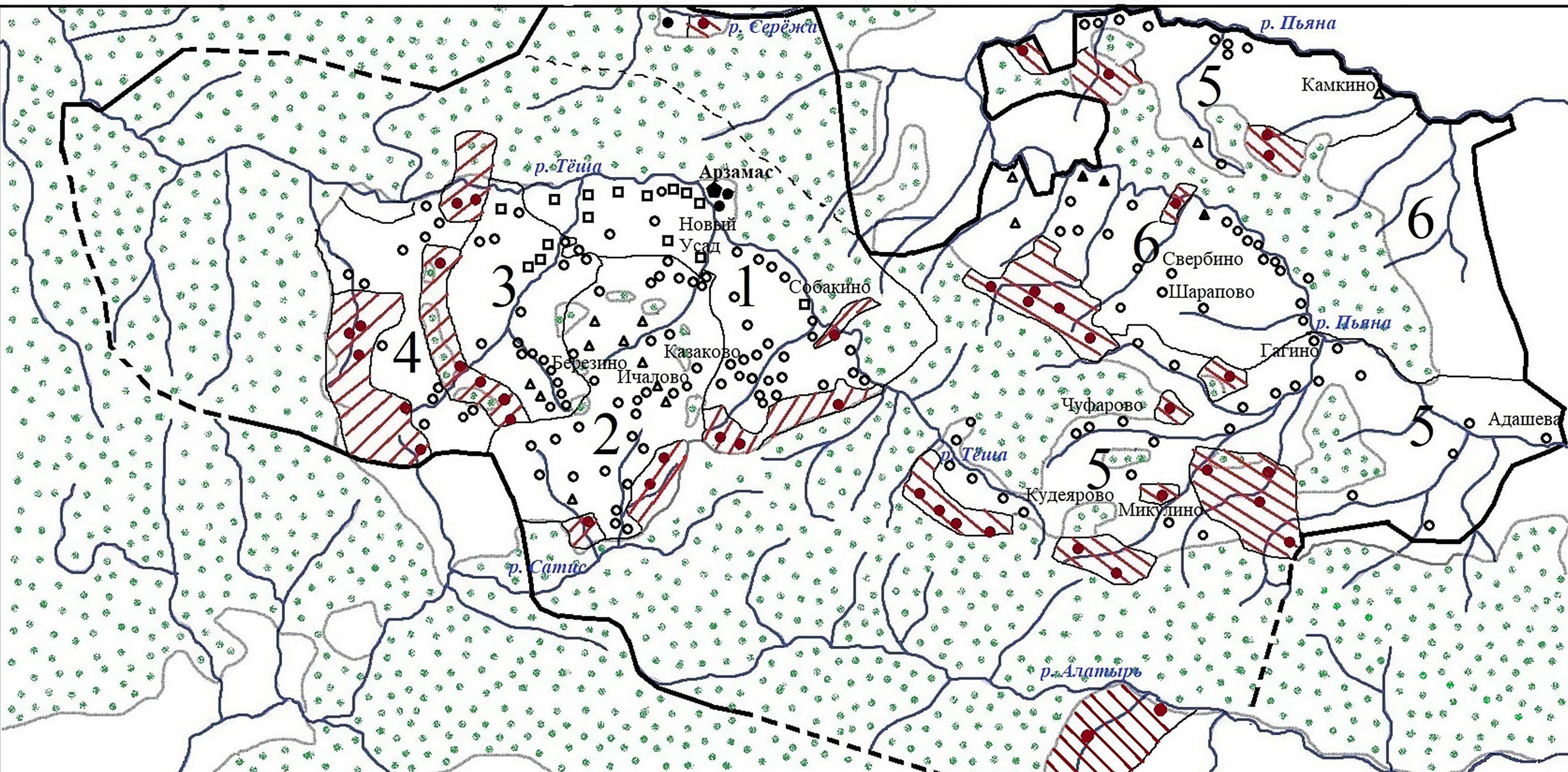
Арзамасский уезд включал в себя значительную часть бассейнов рек Тёши и Пьяны, а также часть бассейна Алатыря и правого бассейна Сатиса, притока р. Мокша. Западной границей уезда являлся большой лесной массив к западу от современного Ардатова. На севере

условная граница проходила в лесах междуречья Сережи и Тёши и приходила к Сереже в районе Пустыни, далее шла на восток, к современным Криушам. От Криуш граница уезда уходила на юго-восток, до речки Кели. Земли по среднему и нижнему течению притоков Пьяны: Вадка, Ватмы, Умая, Кевсы относилось к Завадскому стану Курмышского уезда. К началу 1620-х гг. Завадский стан Курмышского уезда административно стал подчинен Арзамасу (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг... 2022. С. 12). Расположенные восточнее мордовские деревни Пилекшево и Ичалки входили в Нижегородский уезд. В Нижегородский уезд входила и небольшая часть территории Межпьянья к югу от Перевоза. В целом же восточная часть Межпьянья принадлежала Арзамасскому уезду. Здесь северной границей уезда служила северная ветвь р. Пьяна. На востоке граница проходила от Пожарок восточнее реки Пицы к устью Чеки, впадающей в Пьяну. Крайними точками на востоке в верховьях Пьяны являлись Адашево и Болдино. К югу от Чеки находились земли Алатырского уезда. В состав Арзамасского уезда входила часть территории к югу от реки Алатырь, далее на запад граница шла по реке Алатырь к верховьям, пересекала среднее течение Сатиса и вершины Вичкинзы, уходя в верховья Сармы.

Значительную часть естественных границ населенных территорий уезда составляла линия, проходившая по краю больших лесов. Леса ограничивали территорию уезда на западе, севере и юге. Кроме того, лесной массив, занимавший правый бассейн Тёши и верховья левых притоков Пьяны, а к югу от Шатков и левый бассейн Тёши, разделял уезд на две большие части, на западную – Утишье (Тишь) и восточную – Залесье. Следует отметить и большой лесной массив в Межпьянье.

Расположение больших лесов непосредственно влияло на структуру расселения. Так, большинство мордовских населенных пунктов было вытянуто по линиям вдоль краев этих лесов, что было отмечено еще А. Гераклитовым (Гераклитов. С. 188). Внутри большей частью открытых пространств на полевых территориях располагались в основном русские населенные пункты, что было обусловлено раздачей в поместное владение прежде всего пахотных земель, перелогов, диких полей. Некоторые из них являлись бывшими угодьями исчезнувших мордовских деревень.

На самых ранних этапах создания уезда было сформировано его деление на станы. Поместные и вотчинные земли были разделены на четыре стана в Утишье (Подлесный, Иржинский, Ичаловский, Тешский станы) и Залесный стан, за лесами, к востоку и юго-востоку от Арзамаса. Мордовские и бортничьи деревни были разделены по Утишному и Залесному стану. До основания Арзамаса эти территории, предположительно, имели и разное управление. Утишье первоначально управлялась из Муромы (Арзамасский уезд в XVII веке... С. 4), а Залесье относилось к Нижнему Новгороду (Парадеев. 2022. С. 31–54).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Поселения		Станы	
○ поместные и вотчинные	● монастырские	1 Тешский	3 Иржинский
□ дворцовые	● мордовские и бортничьи	2 Ичаловский	4 Подлесный
▲ во владении служилых татар	▲ во владении служилых мордовских мурз	5,6 Залесный	
Границы		5 - территории Залесного стана за Шатковскими воротами (к 1620-м гг.)	
— граница уезда		6 - территории Залесного стана за Собакинскими воротами (к 1620-м гг.)	
- - граница станов			
леса			
		Земли мордовских и бортничьих деревень	
		Утишного стана	Залесного стана

Изучение начального формирования структуры русского расселения на исследуемой территории, ее интегрирование уже в сложившуюся структуру размещения мордовских и бортничьих деревень осложняется отсутствием и фрагментарностью имеющихся письменных источников. Писцовое описание Т. Измайлова в начале 1620-х гг. наиболее полно зафиксировало сложившуюся структуру расселения и картину хозяйственного развития. Между тем, между писцовым описанием уезда, проведенного после окончания третьей Черемисской войны И. Зубовым в 1584/85 г. и писцовым описанием 1620-х гг. происходило не только дробление поместий, испомещение новых служилых людей, создание новых поселений и активное хозяйственное освоение территории. Между писцовыми описаниями происходили события Смутного времени, внесшие свои коррективы в складывающуюся структуру сельского расселения. Поэтому представляет интерес хотя бы в общих чертах, за отсутствием полного писцового описания последней четверти XVI в, попытаться понять развитие поселенческой структуры Арзамасского уезда в период его формирования и первые десятилетия после его возникновения, т.е. во второй половине XVI в.

В данной статье рассматриваются территории Утишья принадлежащие бассейну Тёши и бассейну Сатиса, притока Мокши, и территории Залесья, принадлежащие бассейну Пьяны.

Политическое влияние Москвы на рассматриваемые территории, можно связать с датой установления протектората над Казанью в 1487 г. Самый ранний известный источник, свидетельствующий о контроле Муромской администрацией территории будущего Утишья, датируется 1491 г. Это грамота Ивана III о пожаловании Н. Ознобишина «мордовою Кирдановскою в кормление» (Известия...) которая проживала на юго-востоке Утишья (Инжутов. С. 37–47). Упоминание мордвы и черемисы «что к Мурому потягло» в духовной грамоте Ивана III 1504 г. (Духовная грамота великого князя Ивана III Васильевича...; Гераклитов. С. 97; Акчурин. С. 631), муромской мордвы в составе рати, посланной в январе 1558 г. из Пскова воевать Ливонскую землю (Гераклитов. С. 97), муромской мордвы и бортников в 1563 г. в походе на Полоцк (Филюшкин. С. 144–151) не только указывает на принадлежность мордвы Утишья к Мурому, но и на то, что, например, к 1563 г. Арзамасский уезд еще не был сформирован.

Большая часть мордовских и бортничьих деревень в конце XVI в. располагалась у лесной зоны, на границе леса и поля. На востоке деревня Пасьянова Кирдяновского беляка находилась на реке Тёше, далее шла группа деревень, располагавшаяся по краю южных лесов. В бассейне Тёши деревни Корина и Кардавилъ относились к древнему образованию – Кирдяновскому беляку. Деревня Понетаевка Мещерского беляка являлась новообразованным поселением, так, среди понятых при межевании в 1586 г. упоминается Ермай Понетаев (Арзамасские поместные акты (далее – АПА)..., С. 34). Еще три деревни в бассейне Сатиса

(Малый Макателем, Большой Макателем, Камкина) относились к Саконскому беляку. Деревня Кечексанова (Череватово Старое) на речке Вичкинзе и три деревни на Лимети (Кужендеи, Ардатова, Тоторшева), самое раннее упоминание о которых относится к 1578 г., располагались на западе вдоль края Муромского леса (АПА. С. 2). Еще к концу XVI в. как минимум 4 деревни (Серякуши (Ризодеева), Комодеева (Погиблова), Сыресева, Сычесева) вытянулись вдоль по дуге с севера на юг у лесных массивов, выдвинутых в сторону поля, к востоку от мордовских деревень, расположенных вдоль Муромского леса. Упоминание в 1620-х гг. старого Истрияновского селища говорит о том, что самой южной в этой группе являлась деревня Истриянова (Парадеев, 2019, С. 226). К этой же последней группе можно отнести и стоящую слегка особняком д. Атемасово (Парадеев. 2019. С. 19).

Из располагавшихся на западе мордовских деревень три деревни: Кужендеи, Комодеева (Погиблова), Сыресева, относились к Моргальскому беляку. Однако, учитывая их исторические связи (совместный оброк Тоторшевой и Комодеевой), и близкое соседство (Старое Сыресево находилось менее, чем в 4 км от Старого Атемасова) (Парадеев. 2019. С. 249), нельзя исключать их принадлежность в более ранний период к Моргальскому беляку. Наконец, две деревни (Личадеево и русская бортничья Докукино) (по переписи 1620-х гг.) сформировались у края обширных лесов междуречья Тешы и Сережи. Самой северной деревней являлась расположенная на речке Серёже деревня Вторуская.

Практически в каждом писцовом описании мордовских деревень источники упоминают исчезнувшие селища, располагавшиеся либо в границах угодий, либо на землях, уже не принадлежащих мордовским деревням. Так, на территории деревень Кирдяновского беляка упоминаются селища в бассейне речке Вонячки, кирдяновские селища в верховьях Озерки, на которых образовалась Понетаевка. В 1585 г. И. В. Бутурлину принадлежала деревня Серебряново, «что была кардавилльской мордвы» (АПА. С. 585). Существовали старые селища на землях деревень Большой Макателем, Комодеева и Истриянова, селище Кичанзинское у Череватова.

Более подробно процесс вхождения бывших мордовских земель в сферу поместного землевладения прослеживается для мордовских деревень, находящихся на западе и юго-западе Утишья. Селища на Силевке (Комолей, Валдеи, на Силевских верхах) к 1620-м года оказались во владении помещиков деревни Силева (Писцовая книга Арзамасского уезда. 1915. С. 300–301). В 1585 г. в поместье за Л. И. Пановым числилась деревня Старая Сыресева (АПА. С. 581). В землевладения села Силино была включена часть мордовских сыресевских земель (Писцовая книга Арзамасского уезда. 1915. С. 244). Русское село Атемасово: «село Отемасово, что был село (по)чинок Старое Отемасово городище» (Писцовая книга Арзамасского уезда. 1915. С. 320). Русское Серякуши, возникшее в междуречье Памзеля и Иржи, несомненно,

включила в себя бывшие территории Серякуши (Ризодеевой). Среди сенных покосов русского населенного пункта значилась поляна Старые Серякуши (Парадеев. 2019. С. 498). Потеря земель и распаханность бывших угодий серякушской мордвы была зафиксирована в писцовом описании 1620-х годов: «по обыскам деревня Серякуша, Ризадеево тож, да с деревни Кузятovy, что вышли те их бортные ухозя в пашню и стали многие села и деревни» (Парадеев. 2019. С. 512). Рядом с Личадеево на правом берегу р. Нуча в 1620-е годы деревня Алясево (Олясево), в отличие от вновь возникшей мордовской деревни Новое Олясево принадлежала братьям Соловцовым (Парадеев. 2019. С. 458). Существовали мечасовские новокрещены, вероятно, жители д. Мечасово. Характерен еще один пример, свидетельствующий, каким образом мордовские земли становились поместными, так русское Камкино «что была прежь сего деревня Камкина, в старину мордовское, и мордва в ней мерла, и после мору подправил под себя Уской Тютчев...» (Парадеев. Отказные книги Десятому Шадрину 1617 года).

Сохранились свидетельства существования мордовских деревень вдоль реки Тёша. Деревня Водоватова была «за Досадинскою мордвою, а после того было во дворце» (Писцовая книга Арзамасского уезда. 1915. С. 110). Мордовская деревня Михалёва рядом с Арзамасом исчезла до 1584/1585 гг. (Инжутов. 2022). Село Собакино первоначально писалось «Село на мордовском городище» (Пискарёв).

В заключение по структуре размещения мордовских населенных пунктов следует отметить, что она практически не изменится к 1620-м гг. К существующим населенным пунктам добавится всего три населенных пункта на западе Утишья: Киргина, Кузятова, Алясева Новая.

В русские станы в Утишье входили большей частью помещичьи, в меньшей части дворцовые земли. Незначительная часть земель принадлежала Спасо-Преображенскому монастырю (г. Арзамас). К концу XVI в. не зафиксированы вотчинные земли. Из категории служилых земель можно отдельно выделить земли служилых татар. Распределение этих земель в Утишье для разных станов имело свои особенности. Кроме того, само расположение станов и их границы в значительной степени зависели от географического местоположения, природных и исторических условий. Здесь важно отметить, что Утишье, окруженное со всех сторон большими лесами, само по себе не было полностью безлесным. В верховьях Иржи, Акши и Озерок, на водоразделе Иржи и Акши, по их притокам, таким как Кавлей, Волдован, существовали лесные рощи, дубравы и помры, носившие самобытные названия. Все это влияло на структуру размещения поселений.

Тешский стан был сформирован вдоль реки Тёши и включал в себя земли, расположенные вдоль реки и на расстоянии от нее. На юге границей Тешского стана были

земли, располагавшиеся по правому берегу речки Вонячки. Южнее, за мордовскими землями деревни Корино, левые и правые притоки Тёши занимал Шатковский лес. От верховий Озёрки до устья Кавлея, притока Иржи, земли Тешского стана граничили с землями Ичаловского стана. На западе Тешский стан включал в себя земли по левому берегу Иржи и здесь граничил с Иржинским станом. Также в составе Тёшского стана в 1620-е гг. будут отмечены поселения к западу от Нучи.

В физико-географическом отношении земли Тешского стана по левому берегу реки Тёша представляли плоскую практически безлесную равнину. Пустошь Вацкое: «пустошь Вацкое...И лесов и воды и всякой угоды нет. А до леса до большова за рекою за Тешею верст с 8 и больше». (АПА. С. 160). Лишь по некоторым притокам – овражкам существовали небольшие рощи (в бассейне рч. Озёрки, на рч. Пешеланке).

Непосредственно вдоль реки Тёша располагалось 9 населенных плотно расположенных друг к другу пунктов, от Арзамаса на юго-восток, до Шатков, и еще 8 поселений находилось к западу от Арзамаса. Большей частью уже к середине 1580-х – началу 1590-х гг. это были сформированные поселения, 5 из них были селами. Так, в деревне Кобылино, только в части, принадлежащей Болтиным, в 1586 г. было 34 крестьянских и бобыльских двора (АПА. С. 27–28). В деревне Нечаевке – бывшем Нечаевом починке в 1585 г. было 20 дворов (АПА. С. 13–14). Для всех этих поселений была характерна нарезка земель, перпендикулярная реке Тёше. Земля, принадлежащая поселениям на реке, была удалена от реки на расстояние до 5 км. Фактически, на некоторых участках (от Пешелани до Кожина, от Выездного до Забелина) дальний край земель этих населенных пунктов и являлся границей Тешского стана.

В составе притешинских земель пашня не всегда доминировала в составе земельных угодий. Так, по писцовым книгам И. Зубова, например, в деревне Новоселки пашня составляла 75 четвертей в поле (далее везде количество четвертей в одном поле – *А. И.*), перелог 58 четвертей, облог дикое поле 100 четвертей (АПА. С. 253). В 1585 г. в селе Своробоярском 200 четвертей составляли пашня, перелог и дубравы пашенные (АПА. С. 14–15). В деревне Пешелань пашни 125 четвертей и 75 четвертей облога дикого поля (АПА. С.18). В составе земель к западу от Арзамаса также были отмечены дикие поля (АПА. С. 78).

Наиболее удалены от реки были земли в бассейне речки Озёрки и на левом берегу р. Вонячка. Здесь также была большая концентрация поселений (всего не менее 21) и все они существовали к середине 1580-х гг. Среди них два крупных села Паново и Измайлово, деревня Хирино. Кроме крупных поселений, в верховьях Озёрки располагались деревни, фактически починки и усады с небольшим числом дворов, в большинстве названные по именам или фамилиям владельцев (Неваруева, Таирова, Докукина, Суханова, Зиновьева, Карпова, Ратманова, Козаринова) с небольшими земельными угодьями. Но и здесь, несмотря на

небольшие наделы, во время описания И. Зубова существовали дикие поля. В деревне Кирманы описано 33 четверти пашни и 49 четверти дикого поля, в деревне Курдина на устье Тростенского врага 25 четвертей пашни и 35 четвертей дикого поля (АПА. С. 584–585). Не известно, небольшие наделы – это последствия разукрупнения ранее больших имений, или они изначально являлись такими. В единичном случае прослеживается крупное имение, ранее принадлежащее Леонтию и Михаилу Пановым. Так, кроме непосредственных владений Л. Панова – села Панова и деревни Катеринкины, Л. Панову принадлежали земли в д. Соляная гора, а М. Панову принадлежала часть д. Вонячка (АПА. С. 205, С. 341).

В конце 1580-х–1590-е гг. формируются поселения в верховьях Васильева Врага. На пустошах Языкова и Веригина крестьяне заселяются к 1593 г. (АПА. С. 84). К 1606 г. существует Васильев Враг (АПА. С. 269).

Самыми крайними населенными пунктами на границе с Ичаловским станом являлись Лизнева на р. Кавлее, Кузьмин Усад, Новый Усад на Акше и Своробоярское.

На левом берегу реки Тёша существовали две деревни в непосредственной близости от города Арзамаса (Кирилловская, Полянка), которые при возникновении были помещичьими, но к 1584/1585 гг. принадлежали Спасскому монастырю. К 1593 г. за монастырем окажется и деревня Чернуха, основанная в период с 1587 по 1593 гг. на севере уезда, на реке Серёже (Парадеев. Список с писцовой книги... С. 2).

Следует отметить, что большая часть поселений к западу от Арзамаса (Выездная Слобода, Красное, Кичанзино, Абрамово, Мерлино, Водоватово, Туманово) являлись дворцовыми. Дворцовыми являлись село Собакино на реке Тёше и село Новый Усад на речке Авша.

Заслуживает внимания история происхождения сел Собакина (в настоящее время Красный Бор) и Новый Усад, опубликованная П. Пискаревым в статье «Новоусадская волость» в 1849 г. (Пискарёв). Среди источников, которые использовал автор при написании статьи, указаны и выписи с писцовых книг Игнатия Зубова 93 (1584/1585 г.), не сохранившиеся до настоящего времени. Они сообщают, что эти села существовали на территории Утишья еще до 1552 г.

Так, согласно выписи с писцовых книг, Игнатия Зубова 93 года село Собакино на реке Теше было «основано на мордовском городище, в 1509 году двенадцатью московскими семействами, сосланными с посада за какое-то еретичество великим князем Васильем Иоановичем» (Пискарёв). До 1572 г. писалось «село на мордовском городище» и считалось в числе дворцовых. В этом году оно было пожаловано кравчему Калисту Васильевичу Собакину, брату царицы Марфы Васильевны, третьей супруги царя Ивана Грозного. В

дальнейшем, после смерти Марфы и казни К. Собакина в 1577 г., село было в поместном владении за Богданом Юрьевичем Сабуровым, после чего вновь стало дворцовым.

В селе Новый усад деревянная церковь Архангела Михаила была построена в 1545 г. (Пискарев). Первоначально село называлось Оксаково и принадлежало Исупову. После 1545 г. стало дворцовым селом: «князь Борисова Михайловича вотчина село Новый Усад, что было Оксаково, село Исупова, а что прежь того в прошлом 53 году, государево село...» (Пискарев). Упомянутому здесь князю Борису Михайловичу Лыкову дворцовое село было отказано в сентябре 1608 года. Известные источники последней четверти XVI – начала XVII в. подтверждают, что представителям рода Исуповых принадлежали соседние земли, это и одноименная деревня, расположенная рядом с Новым усадом, и соседнее Кожино (АПА. С. 63–66).

Таким образом, можно предположить, что формирование поселенческой структуры Тёшского стана началось еще до событий 1552 г., и уже к рубежу 1580-х–1590-х гг. в целом было завершено.

Ичаловский стан занимал бассейн реки Акши, средний и верхний бассейн р. Кавлей, притока р. Иржа, водораздел между Акшей и Сухим Сатисом, верхние бассейны рек Сухой Сатис и Пуза (бассейн р. Мокша). Был назван по селу Ичалову, географически находившемуся в центре стана.

В физико-географическом отношении большая часть Ичаловского стана представляла собой подобие Утишья, т. е. поляну, окруженную со всех сторон лесами, только не сплошными, а рощами, перерывающимися полями. На юго-западе стана естественной границей были леса в верховьях Иржи. На западе, верха Иникуши, притока Авши, занимала Волчья помра, на северо-западе, на водоразделе с Иржей, находилась Ташта помра и Княжья дуброва. Междуречье Кавлея и Акши занимали Чубар помра и Татрча помра. Северо-восток Ичаловского стана прикрывали леса по правому берегу Волдована, притока р. Акша, на востоке – рощи и помры на водоразделе и в верховьях Озёрки. На юге стана естественной границей являлся большой Сатисский лес.

Здесь, в верховьях Акши, в центре огромной поляны «Иникуши», которая характеризуется множеством археологических памятников мордвы XI–XIII вв. к 1584/1585 г. были сформированы такие поселения как Верякуши, Кутузово, Иникуша (Выползово), Ичалово, Кашино, Тоузаково, Салтыганова. Иникуша (Выползово) уже существовала к 1575 г. На этой территории к 1584/85 г. количество пахотной земли уступало земле непашенной. В д. Кашино было 18 крестьянских дворов, 252 чети пашни и 273 чети облогу дикого поля (АПА. С. 601). В селе Верякуши за И. Языковым было 4 крестьянских двора, 23 чети пашни, 50 чети перелога, 35 чети облога дикого поля 16 чети с осьминою пашенных дубрав (АПА. С. 604). В

деревне Кутузова за М. Кутузовым и И. Тюлкиным на 25 чети пашни приходилось 75 чети облога дикого поля (АПА. С. 611). Вместе с тем, на некоторых участках в то же время отмечена запаханность пашни. Для угодий деревни Круглинская Слепых на р. Авше было записано: «земля худа, выпашь старая» (АПА. С. 285).

Южнее, в бассейне Сатиса, к 1580–1590-м гг. существовали Федотово, Сунбулово, Глухово, Худяково, Худошино, Пирогова, Зазиркина, Кадышево, в бассейне Пузы – Страхова, Захарьино (Смолинская). Почти все они названы по бывшим или упоминаемым в источниках владельцам. В этих населенных пунктах среди земельных угодий дикие поля еще преобладали над пашней (АПА. С. 598).

На самом севере стана, за линией роц и помр, в нижнем течении Кавлея, где начиналось открытое к Тёше пространство, располагалась деревня Бестужева. После 1592 г. начнется формирование деревни Дубнева (АПА. С. 602). На северо-востоке стана, в междуречье Кавлея и Акши находились достаточно плотно друг к другу небольшие поселения: Балакирево, Фефилово, Панфилово, Должиково, Болотово, Хохлово (Супонеево). Например, в Балакиреве Меньшой по писцовым книгам И. Зубова насчитывалось 4 крестьянских двора, из них два двора приходца, 33 чети пашни и 50 чети пашенных дубрав (АПА. С. 22). Деревня Ивановская Чюпрунова, расположенная на Акше на границе с Тёшским станом, запустела к 1584/1585 г. (3 места дворовых), соответственно 150 чети пашни лежали облогом (АПА. С. 616). Вдоль Акши, вверх по течению располагались Исупово, Молокоедово (Сумароково), Растова, Ездаково, деревня арзамасских затинщиков. На востоке стана находились Казаково, Кашкарово, небольшие деревни Кунилова, Метлина. Отметим, что большинство поселений на севере и северо-востоке стана были названы фамилиями владельцев. Самым крупным из них являлось село Казаково, одно из старинных сел Ичаловского стана, владельцы которого – князья Шейсуповы имели крупные земельные пожалования.

История возникновения села Казаково является примером раннего испомещения служилых князей и мурз в Утишье. Жалованная грамота Иоанна Грозного сыну князя Азбердея – Тохтамышу от 7047 (1538/39) г. на княжение над кардавилльской мордвой свидетельствует о принадлежности территория будущего Утишья Московскому государству. До этого кардавилльской мордвой владел князь Азбердей. После Казанского похода 1552 г. были не только подтверждены права Тахтамыша над кардавилльской мордвой, но и он сам получил земельные пожалования в 1555/56 г. Эта вотчина по его прозвищу – Казак получает название Казаково. Далее Тахтамыш Казак князь Азбердеев принял крещение и стал Иваном, сохранив при этом тюркское прозвище Шейсуп (измененное от шах/шейх Исуп/Юсуф). Вотчина в с. Казаково впоследствии была записана в писцовые книги по поместным и вотчинным землям. К 7076 (1567/1568) г. после его смерти, права владения над кардавилльской

мордвой переходят его сыновьям, Борису и Давыду Шейсуповым. При этом церковь в селе Казаково, по книгам Игнатия Зубова, была поставлена еще при князе Иване, т. е. до 1567/68 г. Прозвище Казак можно связать с тем, что Тахтамыш был служилым татаринном на окраинных землях (категория городских казаков) (Парадеев. Делопроизводство по землям князей Шейсуповых).

В 1570–1580-е гг. в Ичаловском стане сложилась группа поселений, владельцами которых являлись служилые мурзы и татары (возможно, что некоторые этнически происходившие из мордвы): Беговатово, Тамаево, Акчюрина, Ореховец, Ичалово, Салтыганова. Некоторые из них названы по именам их первых владельцев – Томая, Салтагана, Биговата (АПА. С. 9, 48, 95, 614–615, 628–629). Крестьяне, проживавшие в этих поселениях, были русскими. Были и отдельные поселения служилых татар (Камкина) (Парадеев Е. И. Отказные книги Девятому Шадрину 1617 года). Географически, кроме Камкиной и поселений в Иржинском стане, все они находились в бассейне Акши к юго-западу от Арзамаса. Исследователи связывают появление владений с 70-ми гг. XVI в., с возникновением необходимости несения «дозорной сторожевой службы», которую и выполняли служилые татары (Сенюткин). Вместе с тем, косвенное упоминание «старых вотчин» не исключает и более раннее наделение предков служилых мурз этими землями, по примеру села Казаково. Возможно, история Нового усада Тешского стана и Исупова также укладывается в эту схему.

В целом, можно сделать вывод о завершении формирования структуры поселений Ичаловского стана к концу XVI в. К 1620-м гг. она сформируется окончательно.

Иржинский (Ирженский) стан был назван по реке Ирже, т.к. стан занимал значительную часть ее бассейна. Стан занимал весь центральный бассейн речки Иржа, с ее притоками Мокрая Иржа, Сухая Иржа и Памзель, за исключением бассейна притока Кавлея. Не входили в Иржинский стан верховья основного притока – Мокрой Иржи. На самом севере Иржинский стан по бассейну Тиржи (в XVII в. – Сухой Иржи) подходил к р. Тёше.

В физико- географическом отношении Иржинский стан расположился на поляне, вытянутой дугой с севера на юг по Ирже и ее притоку – Сухой Ирже. Эта поляна была открыта на севере, ближе к реке Тёше. На востоке Иржинский стан отделяли от Ичаловского стана помры и рощи: Чюбар помра, Ташта помра, Княжья дубрава и Волчья помра. На юге границей стана являлись мордовские бортные ухояи деревень Истрыановой, Сычесевой и Сыресевой. Так, черный лес упоминается на р. Синолейке, около деревни Смирнова (Шутаева, Измолаи), у деревни Сыресева (АПА. С. 10, 126). На западе границей стана являлись землевладения мордовских деревень Комодеева и Серякуши (Ризодеево). Часть из них занимали леса. Так, у д. Серякуши бортный ухояй располагался на р. Ирже.

Наибольшая плотность поселений в Иржинском стане была сконцентрирована вдоль Сухой Иржи. Это были, как правило, небольшие поселения, чьи владельцы имели небольшие земельные наделы. Так, к 1580–1590-м гг. вверх от устья вдоль Сухой Иржи или на небольшом расстоянии от реки располагались следующие друг за другом Кологреево, Силино, Зверев, Ульянино, Конново, Березино, Терентьево, Стуклово, Зазиркина, Маслова, Юрьево. На участке, вытянутом на 15 км, располагалось 11 поселений. Самое известное из старых поселений – Березино (Березин (Березов) усад), уже к 1574 г. представляло собой село (Парадеев, 2020. С. 66–67). Следует отметить, что район Сухой Иржи характерен концентрацией археологических памятников мордвы XI–XIII вв. Здесь к последней четверти XVI в. уже существовали территории, на которых земля практически вся была распаханна. Например, в деревне Константиновской и Юрьевской (17 дворов) уже к 1579 г. земля, площадью 175 чети была «вся пахана, перелог и дикого поля нет» (АПА. С. 6). Впрочем, по писцовым книгам И. Зубова еще отмечается существование в составе угодий диких полей, например, в д. Стукалове на 40 чети пашни приходилось 30 чети перелог и дикого поля, в д. Ульянове Кононаво на 50 чети пашни приходилось 32 чети перелог и дикого поля (АПА. С. 31–32). В деревне Терентьеве 8 крестьянских дворов, 75 чети пашни и 50 чети облогу дикого поля (АПА. С. 646). В целом, в этой части Иржинского стана наблюдается более высокий процент пашни паханной, чем, например, в разных частях соседнего Ичаловского стана.

Татарские Шахаева (Писцовая книга Арзамасского уезда..., 1915. С. 227) и Темяшева к западу от Сухой Иржи являлись самыми западными деревнями в группе татарских поместных земель, основной массив которых находился в Ичаловском стане.

На Мокрой Ирже деревня Хохлова была населена к 1579 г. (среди понятых при межевании упоминаются крестьяне Хохловых) (АПА. С. 7). В нижнем течении Кавля к 1580-м гг. существовали Пилюгино, Малахова. Это были своего рода починки. В 1584/85 г. в д. Малахове было 2 бобыльских двора и 4 дворовых места, 5 чети пашни, 150 чети перелога и 93 чети облога дикого поля (АПА. С. 612).

На севере стана к 1590-м годам существовали деревни Мечасово, Кузгодер (Кузбердей), Стексово, Булдаково, Степаново (Кипелкина), Ветошкина (Третьяковская), Шерстино, Замятнино (Старая Пичемерь), Пятницы. Из них Стексово, Булдаково, Ветошкина (Третьяковская), Пятницы являлись дворцовыми, продолжая кластер дворцовых земель к западу от Арзамаса.

Можно предположить, что в районе Тёши изначально также были крупные пожалования, значительную часть которых составляли дикие поля. Во время писцового описания И. Зубова в д. Замятнинской «что была пустошь Фустова, Старое Пичемерь» было 75 чети пашни, 80 чети перелога и 100 чети дикого поля (АПА. С. 588).

В основном структура поселений Иржинского стана к концу XVI в. была сформирована. Окончательное формирование произойдет в начале XVII в. с освоением территорий по соседству с Подлесным станом.

Подлесный стан формировался под большим Муромским лесом на полянах между большим лесом и лесами в верховьях Иржи, включая в себя часть бассейна Лимети, бассейн Нучи и верховья Мокрой Иржи. На юге стан включал верховья притоков Вичкинзы.

Прослеживается формирование некоторых поселений стана на мордовских землях (Паново на землях Старого Сыресева, Надежино на землях Старого Атемасова). К концу XVI в. существовали Смирново (Шутаево, Измолаи), Паново, Немых, Надежино. На Лимети и притоках – Беляево, Лиметь, Поляна (Трехсвятское). Одно из самых старых из них представляется село Трехсвятское. Староста владельца села Степана Болтина упоминаются в 1578 г. (АПА. С. 3). На реке Нуче располагались Нуча, Нучарово, Болотова Нуча.

Во время писцового описания И. Зубова поселения и некоторые землевладения выглядели следующим образом. Часть деревни Беляевой за детьми Инкина: пашни 25 чети, перелог 40 чети, дикого поля 36 чети (АПА. С. 593). Горяиновская Слепых Немых: пашни 33 чети, облога дикого поля 25 чети, дубравы пашенные 66 чети (АПА. С. 632). В д. Измолаи 15 крестьянских дворов, 74 чети пашни, перелога и дикого поля (АПА. С. 10).

Таким образом, контуры поселенческой структуры Подлесного стана были заложены к концу XVI в., а ее окончательное формирование происходило позднее, в XVII веке.

В работе «Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девочкина и дьяка Дементия Сулгина начала 60-х гг XVI века по нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд» Е. Парадеевым были сделаны основные выводы по ранней истории Залесного стана. В начале 1560-х гг. это были нижегородские земли и с высокой вероятностью они именовались Пьянской волостью. Земли, в основном вдоль Пьяны, описывались комиссией нижегородских писцов, а во время описания проводилось массовое испомещение новых нижегородских помещиков. Самый южный описываемый участок находился на речке Ежати, где впоследствии появилось село Никулино. Кроме того, Е. Парадеев отметил, что размеры раздаваемых участков были достаточно большими, составлявшими более 150 четвертей, многие были более 300 четвертей. Впоследствии эти наделы подверглись разукрупнению. Характерно, что многие земли в 1570-е гг. оставались порожжими. С вхождением территории в состав Арзамасского уезда земли в стане стали раздаваться и помещикам Утишья, что привело смешению владельцев между западной и восточной частями уезда (Парадеев. 2022).

К концу XVI в. по территории это был единый стан за Шатковским лесом к востоку и юго-востоку от Арзамаса. К 1620-м гг. станов станет два: стан Залесный за Шатковскими воротами и стан Залесный за Собакинскими воротами. Стан за Шатковскими воротами

представлял собой две разделенные части: основная территория стана располагалась к югу и юго-востоку от Арзамаса (непосредственно за Шатковскими воротами), самыми северными населенными пунктами здесь являлись села Арать и Гагино. Еще одна часть стана (не связанная с Шатковскими воротами) располагалась в Межпьянье, между Перевозом и бассейном Моксы. Эти территории разделял Залесный стан за Собакинскими воротами.

Представляется более удобным в настоящей статье рассмотреть поселения Залесного стана, условно разделив его на три части по географическому принципу: часть Залесного стана в бассейне реки Тёша, часть Залесного стана в бассейне реки Пьяна к югу от южной ветви Пьяны и Межпьянье.

В верховьях реки Тёши, за речкой Нарземой существовала поляна, вытянутая вдоль Тёши на 15 км в длину и 4-7 км в ширину.

К 1590-м гг. под большим Шатковским лесом, на расстоянии 4 –7 км от реки Тёша параллельно реке протянулась линия мордовских деревень Атингеева, Салдаманова, Шандрова, Иванцево (Аржеманово). Самая молодая из них, вероятно, Атингеево; в 1592 г. упоминается Семен Атингеев (АПА. С. 60). У всех деревень в пределах землевладений упоминаются старые селища. Самое ближнее к реке Тёше – выморок к 1598 г., селище Собаевское и Инюшевское, вокруг которого «не было старожильцев» (АПА. С. 157), а рядом располагалось старое мордовское кладбище на три десятины «розных деревень» (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг... 2022. С. 16).

Непосредственно на реке Тёше, на ее левом берегу или на некотором отдалении от реки расположилось четыре русских населенных пункта: Поя, Карпова, Ульянова, Кудеярова (Кудеяровское Головина). Поя существовала в 1580-е гг. Карпова – небольшая деревня, названная по имени владельца Карпа Кунилова, основанная на пустоши Андрея Садыкова. Прежний помещик не смог организовать поселение, и деревня получила название по имени помещика второй волны заселения. Причем в 1593 г. из трех крестьянских дворов был один двор был суздальца, один – тверитина. Одним из самых старых русских населенных пунктов в верховьях реки Тёши представляется село Кудеяровское Головина. Расположенное «меж черных лесов мордовских бортных ухожеев», оно к 1603 г. имело ветхую церковь, которая стояла «без пения». Фактически село запустело, превратилось в пустошь. Еще два русских населенных пункта располагались на правом берегу Тёши, на ее притоке – речке Пша. Это село Силино и Неверов усад. Село Силино, основанное на пустоши Мелцапина (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 19) уже имело статус села в 1580-е гг, один только жребий Степана Сычева в 1592 г. насчитывал 18 крестьянских и бобыльских дворов. Неверов усад – это уже новообразование, бывшая пустошь Андрея Новокрещена, вновь

заселенная в 1590-е гг. по инициативе владельца Е. Бахметьева, который переселил крестьян с Силина и с Озёрок. На пустоши было поставлено 7 крестьянских дворов.

В Залесном стане в бассейне реки Пьяна к югу от южной ветви Пьяны мордовские населенные пункты можно условно сгруппировать в две линии. Первая – по окраине Шатковского леса, занимающего верховья рек Сердедь и Арать и их притоков: Алемаево, Старое Тюгелево, Вечкусово, Новое Тюгелево, Иванцево, Итманово. Продолжением ее являлись Какино, Старые Пичингуши, Уда – у островов большого леса, разрезанного пашней, перелогам и дикими полями по долинам Шнары, Ежати, Пекшати. Можно отметить существовавшие ранее на этой линии селища в Шарапове у Чуфтасева ухозяя, Серякудескол на Шнаре, Нородеевского к востоку от Какино (АПА. С. 272, 588). Непосредственно на Пьяне в пределах Залесного стана под Пьянским лесом существовала лишь одна Пищасова. Но если продолжить эту линию ниже, в пределы других уездов, то увидим на продолжении линии мордовские Ичалки, Пилекшево Нижегородского уезда, Досадино Курмышского уезда. Из исчезнувших селищ на Пьяне можно отметить селище Сустатовское да Тотеминское на речке Ройке (АПА. С. 136).

Еще одна линия мордовских деревень, располагавшихся по краю большого леса на юге стана в верховьях Ежати, Пекшати и Чеки (Лобаски, Еремзёнки, Чиргуши, Маресьево, Кельдюшево) явилась протяжением линии от верховьев Тёши.

Несмотря на присутствие «пустовых» и «порожных» земель, в этой части стана, также, как и в Утишье, для ряда поселений прослеживается их возникновение на землях, принадлежащих в прошлом мордовским поселениям. Село Молахова, Идманова тож – «что вымерено лишка у мордвы» (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 44). Село Субботино, «что было за Дементьевым, что была пустошь Леплинская мордовская» (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг... 2022. С. 58). Д. Сумбулова, «что была поляна Какинская» (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 137). За Микитою Смирновым сыном Мотовилова деревня, «что была пустошь Старое Олемаево, да пустошь Кунстасова» (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 166).

Русские поселения основывалась вдоль реки Пьяна и по ее притокам. К югу от южной ветви Пьяны расположились пространства открытых полей, выше по притокам перемежавшиеся помрами и дубравами. Описанные писцами еще в 1560-е гг., многие из них лежали «в пусе» до 1570-х гг. Только к концу XVI в. начнется формирование структуры поселений, которая вдоль Пьяны сложится к 1620-м гг. Здесь к концу XVI в. формировались Губина, Болобаново, Паново-Леонтьево, Мишуково, несколько деревень, плотно расположенных друг к другу (в настоящее время территории Юрьева и Курбатова), Ройка, Ветошкино, Тяпино, Шерстино, Паново-Осаново, Бронское, Черновское (бывшая деревня

Игнатъевская Брехова) (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 77). Одним из самых ранних представляется Гагино, в 1570-х годов вотчина Ивана Васильевича Великого (АПА. С. 583). Поместные земли располагались по притокам Пьяны: Сердеме, Ливезе, Киржене, Новаженке, Ежати и ее притоке Арати, Ошнаре, Чеке и поднимались вдоль притоков вверх, до массивов больших лесов.

Поместья, прилегающие к реке Пьяне или располагавшиеся неподалеку от нее, имели крупные размеры. В составе земель преобладали дикие поля. Например, в поместье Анненковых в деревне Шарапово (50 четвертей пашни, 150 четвертей перелога, 215 четвертей дикого поля, всего 425 четвертей) согласно выписи из книг Н. Яхонтова 1570-х гг. было всего два жилых крестьянских двора и два пустых (АПА. С. 585–586). В писцовых книгах И. Зубова на долю Шарапа приходилось 5 крестьянских и два бобыльских двора (АПА. С. 585). В дальнейшем, уже к концу XVI в. прослеживается разукрупнение поместья. Селище на Арати на устье Подкалея, при описании Н. Яхонтова, принадлежало Дорофею Матвееву сыну Отрепьева. 250 четвертей дикого поля было роздано Н. Чепчуговым другим помещикам (АПА. С. 586).

Село Арать, крупное поселение в 1620-е гг (265 крестьянских и бобыльских дворов, 350 чети пашни и перелога) было роздано «из пустовых земель Василия Зубарева» (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 38–42).

Селище Новоселки, 350 четвертей в т. ч. дикое поле, принадлежало Ваське Истомину сыну Моисееву и Сеньке Семенову сыну Мальцову (АПА. С. 597) Среди новых помещиков, получивших земли, назван Шум Нездин. Уже в начале XVII в. при межевании соседних земель крестьяне Ш. Нездина будут присутствовать в качестве понятых, а значит, селище будет заселено вновь.

Поместье Семена Свербина («которого не стало давно») и которому принадлежало 150 чети «в Пьянской волости, а дано ему усадище у дубровы у Муроямги на ключе» (АПА. С. 269) Н. Чепчуговым было роздано нескольким помещикам.

Владение Москотиньевых у села Печерки насчитывало не менее 300 четвертей: по книгам И. Зубова половина села Даниловское Москотиньева у Пичерки 8 четвертей пашни и 142 чети облогу, в пустоши Меньшика Москотиньева 150 четвертей облогу дикого поля (АПА. С. 601).

Село Гагино, бывшее за князем Иваном Васильевичем Великим (бывшее дворцовое?). По писцовому описанию И. Зубова в нем было 17 крестьянских и бобыльских дворов, в том числе 3 «приходца», 100 четвертей пашни и 400 четвертей дикого поля (АПА. С. 583–584).

Историю появления многих русских населенных пунктов в конце XVI в. можно проследить непосредственно по источникам. Как правило, изначально, это усады, или

починки, хотя документы не фиксируют этот статус. Вот несколько примеров поселений в бассейне рек Якшенки, Сердемы и Ливезы.

Деревня Малая Якшень – владение Любятинских. Еще в 1592 г. в качестве понятых при межевании упоминаются крестьяне Федора Любятинского без указания названия деревни, а значит, фактически, крестьяне уже проживали в основанной ими деревне (АПА. С. 52).

Деревня Чепары. До 1587 г. землями «на озере на Чюпаре» владел Василий Романов. В 1587 г. сын Василия – Иван был поверстан 150 четвертями отцовского поместья. Часть оставшейся земли в 1596 г. была дана в поместье Любиму Языкову, остальную часть отписали на государя. В 1596 г. упоминается приказчик Ивана Романова – Матюша. Т.е. имеем хозяйство владельца, приказчика (АПА. С. 117).

Деревня Сутормина. По переписи 1585 г. записано «Прокофьевское поместье Станищева, пустошь Улановская Гордеева на озере на Екшени вверх по ключю» (АПА. С. 646). В 1592 г. пустошь была дана в поместье Андрею и Суторме Любятинским. Возникшая здесь деревня Сутормина будет описана в 1621–1623 гг.

Находящиеся в этом районе пустоши: Яковлевская Соймановых в междуречье Большой и Малой Кели, «Прокофьевское поместье Станищева, пустошь Улановская Гордеева на озере на Екшени вверх по ключю», пустошь Бирьевская (селище Бирюлево) на Ливезе, и соседнее владение Василия Романова, при осуществлении сыска которого не нашлось старожилов (АПА. С. 117), являются примером того, что первые помещики не смогли организовать поселения на землях, и что поселения возникли на этих землях после нового испомещения помещиков, имена и фамилии которых и дали названия поселениям.

К концу XVI в. начинает заселяться среднее и нижнее течение р. Арать, течение Ежати ниже устья Шнары: крестьяне Б. Дементьева (д. Субботино), Смирнова Мотовилова (д. Смирново) встречаются среди понятых в 1602 г. (АПА. С. 218). В начале 1620-х гг. в нижнем течении р. Арать будет очень высокая концентрация поселений.

Островом среди мордовских деревень представляется группа поместных земель на реках Ежать, Аря и Шнара. Земли на р. Ежать были описаны еще писцовой комиссией Г. Сукина (поместье Ивана Иванова сына Микулина на речке Ежати). Сама деревня будет упомянута в 1587 г. (Парадеев. 2022; АПА. С. 39). На речке Аре поместные земли Ульяниных и Микулиных (деревни Ара, Докучаево) (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 99). Следует отметить, что на речке Аре часть территории принадлежала Алатырскому уезду.

Крупное поместье Сафрона Ульянина было вдоль речки Шнары: «Деревня Курова, Сопронова тож на Ошнаре» (АПА. С. 101). Во владении было не менее 390 четвертей. Его дробление прослеживается непосредственно по источникам. В писцовой книге И. Зубова уже

была записана за тремя помещиками. Три дворовых места и 75 четвертей пашни облогом дикого поля принадлежали Третьяку Дмитриеву сыну Лопатина, 75 четвертей пашни облогом дикого поля и усадище (место усада) Сопрона (Сафрона) Ульянина принадлежали Замятне Лизневу (АПА. С. 623). Эта часть в 1594/95 гг. была отдана Федору Иванову сыну Лопатину. Еще одна часть деревни Курова, 2 четверти пашни, 100 четвертей перелога и 48 чети облога дикого поля учтена как старое поместье Ивана Гаврилова сына Микулина. Причем записано, что это поместье Замятни Лизнева и жребий Сувора Ульянина (АПА. С. 623).

Но этими 300 четвертями не ограничивалось поместье Ульянина. В раздаточных книгах Чепчугова зафиксировано, что часть пустоши в Суворовском усадище Ульянина была отделена Богдану Павлову сыну Теплово, а сверх оклада, 40 четвертей пашни, перелог и дикого поля в 1598 г. было отделено Богдану Павлову сыну Сони́на (АПА. С. 149). При межевании уже присутствовали крестьяне Федора Лопатина, а значит между 1594/95 гг. и 1598 г. Ф. Лопатин привлек на свои земли крестьян. Наконец, в 1600 г. поместье Неустроя Ульянина, ранее бывшее за его отцом Сувором Ульяниным, 4 места дворовых, пашни и перелога 50 четвертей было отделено Андрею Левину, которое он променял Плакиде Мерлину (АПА. С. 195–196). В 1600 г. это жребий был описан вполне определенно: «а людей в них нет, пусто, земля не пахана – дикое поле» (АПА. С. 196). Стоит отметить, что при межевании присутствовали крестьяне сельца Чуфарова, крестьяне Василия и Ивана Саврасова. Всего лишь два года назад, в 1598 г., Василию и Ивану Саврасовым было дано в Поспеловской пустоши Кречетникова 75 чети пашни и перелога (АПА. С. 157), и вот, спустя два года уже формируется будущая деревня Саврасова. Таким образом, на Шнаре, к концу века появляются три деревни и село, причем три из них – Гаврилово, Лопатино, Саврасово будут названы по именам и фамилиям помещиков, получивших эти земли вторично. У устья Шнары уже в 1580-е гг. будут проживать крестьяне других детей Сафрона Ульянина – Феодосия, Пятого, Павла. Эта деревня получит название Ушаково.

Следует отметить и большое старинное поместье Тимофея Щукина и его сына Ивана на Чеке (450 четвертей), по раздаче Чепчугова розданное многим помещикам, в т.ч. и Андрею Ларионову (деревня Илларионова), и Григорию Гаврилову сыну Ивкова (деревня Ивково). Крайними на юго-востоке уезда были Адашева, Еболдина.

Особенностью Залесного стана являлось нахождение на левом берегу р. Пьяна нескольких поселений, принадлежащих мордовским мурзам: Князь-Павлово, Ченбасова, Борнукова. В середине 80-х гг. XVI в. появляются два служило-татарских поселения, одно на Пьяне – Липовый усад, рядом с Пилекшевым, другое – Новый усад на р. Малая Келя. Еще одно поселение, в 1595 г. появляющееся на пустоши Инзинзинове поляне на левом берегу р. Серде́мь, к рубежу веков исчезнет в связи с переселением татар на Пьяну. Новое поселение –

Чекеев Усад – Камкино, а также расположенные в верховьях Кетарши Лукьяново и Алтышево станут в числе первых в процессе формирования кластера поселений служилых татар и мордвы в Межпьянье.

В ранее упоминавшейся работе Е. Парадеева сделан вывод о вхождении Межпьянья в состав русских земель и контроле их из Нижнего Новгорода. Самые ранние документы об этом районе восходят к концу XV – началу XVI в. (Парадеев. 2022). Земли в Межпьянье были описаны писцовой комиссией Григория Сукина в начале 1560-х гг.

К концу XVI в. мордовские поселения в этом регионе начинались у реки Пьяны (Ревезень) и удалялись от реки, располагались по центру Межпьянья (Кемары, Кучулмова (Кочуново), Кеньшева) в верховьях ее притоков Шаблин и Аза и примыкали к массиву Пьянского леса, расположенного на юге Межпьянья. Бортные ухояи непосредственно подходили к деревням с юга, а также занимали водоразделы притоков Пьяны.

К югу от северной ветви Пьяны вдоль ее правого берега к концу XVI в. существовали деревни Конопляная, Затворная, в устье Кадарши – Кадарша, Толочинское, Бутурлино. В конце XVI в. начинается формирование деревни на озере Чепас (крестьяне Артемия Чаадаева и Неустроя Оксентьева фигурируют в качестве понятых при межевании в 1598 г.), а на озере Кеславь – образование деревни Смагино. Здесь, на селище Кеславь на месте старого усадища Третьяка Смагина располагалось 4 места дворовых. Источники показывают образование починка и перевод помещиком Иваном Путятиным «из Утишного поместья на озеро Кославское крестьянина Ондреева с детьми» (АПА. С. 129, 155). Происходит образование и других поселений, которые уже будут существовать в начале XVII в., в частности, Базино.

Территории между речками Шаблин и Кетарша несмотря на то, что были описаны еще комиссией Г. Сукина, продолжали пустовать, и их заселение также начнется с рубежа XVI–XVII в. По Кетарше вверх по ее левому берегу находились поместные земли, пустовавшие к концу XVI в. Например, Сысуевская пустошь на Кетарше, составлявшая 1200 четвертей, земли по правому и левому берегу Кетарши были записаны как «пустошь порозжая земля». Государева земля располагалась и за Азой (АПА. С. 203). Земля на левой стороне реки Иваш, 1267 четвертей в 1596 г., числилась как «государева отписная земля пуста диким полем» (АПА. С. 112). На пустоши Филиповской даче Языкова у устья Моксы еще в 1611 г. земля была не пахана «дикое поле, дворов нет» (АПА. С. 390).

В первое десятилетие XVII в. дикое поле в Межпьянье перестанет быть «диким». Кроме новых деревень русских помещиков, появятся новые деревни служилых татар и служилой мордвы.

В целом же, по писцовому описанию Игнатия Зубова 93-го года (1584/85 г.) в Арзамасском уезде было 39 сел, 201 деревня, 3 починка, в которых насчитывалось 367 дворов

помещичьих и вотчинников, 387 дворов людских, 2270 дворов крестьянских, 223 дворов бобыльских, 54 540 чети в поле пашни и перелога (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг... 2022. С. 263).

Писцовое описание 1620-х гг. зафиксировало 75 сел, 248 деревень, 24 починка, в которых насчитывалось 705 дворов помещичьих и вотчинников, 570 дворов людских, 4769 дворов крестьянских, 2588 дворов бобыльских, 88 959 чети пашни, перелога, дикого поля и пашенных дубрав (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг... 2022. С. 263).

Приведенные показатели показывают увеличение в 1,4 раза числа поселений, в 1,6 раз земельных угодий, а также стремительный рост (в 3 раза) общего числа дворов. Причем очевидно увеличение почти в 2 раза дворов служилых землевладельцев, как показатель дробления поместий на мелкие жребьи и увеличения в 3 раза крестьянских и бобыльских дворов, что возможно было только за счет прихода населения извне (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг..., 2022. С. 257, С. 261).

В целом, можно предположить о начавшемся процессе заселения Арзамасского уезда (Утишья) русскими крестьянами до похода Ивана IV 1552 г., что было возможно при административном и политическом подчинении территории Москве. После массового испомещения служилых людей в конце 1550-х – начале 1560-х гг. в левобережном бассейне реки Тёши, и в бассейне реки Пьяны к югу от ее северной ветви происходит формирование русской структуры расселения. Ранее всего русские поселения возникали и развивались во всех станах Утишья. К началу 1580-х гг. здесь структура расселения в целом уже была сформирована.

Особенностью заселения Залесного стана было то, что на раннем этапе возникновение новых поселений на предоставленных служилым землевладельцам землях шло медленно, а многие создаваемые поселения заустевали. И только в результате новой волны испомещения помещиков, после 1580-х гг., поселения получали дальнейшее развитие, а имена и фамилии новых владельцев закреплялись за названиями вновь создаваемых деревень и починков. В конце XVI – начале XVII вв. происходит заселение прилегающих к степям ранее пустующих земель в Межпьянье.

Список источников и литературы

Акчурин М. М., Ишеев М. Р. Темников – город темника. К истории городов «мордовских украин» в XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение, 2017. Т. 5. № 3.

Арзамасские поместные акты. (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М. 1915. XVI, 738 с.

Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов в 2 ч. / сост. Б. М. Пудалов. Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2018. Ч. 1. 396 с.

Герасимов А. А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // Герасимов А. А.; редкол.: В. А. Юрченко и др. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1.

Герасимов А. А. «Кирдановская» мордва // Герасимов А. А.; редкол.: В. А. Юрченко и др. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1.

Духовная грамота великого князя Ивана III Васильевича // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/ivan3.htm> (дата обращения: 26.03.2022).

Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной Комиссии, вып. XXV, 1889. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=5506#n=57>.

Инжутов А. А. Кирдановская мордва по письменным источникам XV–XVII вв. // Народы Среднего Поволжья: мосты из прошлого: сборник статей по материалам четвертых Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2020. С. 37–47.

Инжутов А. А. Мордовское поселение на территории Арзамаса. Деревня Михалёва // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В. И. Грубов; науч. ред. А. А. Исаков. Арзамас, 2022. С. 21–31.

Парадеев Е. И. О становлении Арзамаса. СПб, 2020. 76 с.

Парадеев Е. И. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде 16–17 вв. Текстовое электронное издание с сопроводительными материалами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2019/08/EPARADEEV_BOOK.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Парадеев Е. И. Отказные книги Девятому Шадрину 1617 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://paradeev.com/2019/10/1039/> (дата обращения: 23.11.2021) // РГАДА, Ф. 1209, оп. 2 ч. 1, д. 7060, Л. 950.

Парадеев Е. И. Делопроизводство по землям князей Шейсуповых [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://paradeev.com/2019/09/987/> (дата обращения: 20.03.2022) // РГАДА, Ф. 1209, оп. 2 ч. 1, д. 7062, ЛЛ. 792–806 об.

Парадеев Е. И. Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девочкина и дьяка Дементия Слугина начала 60-х гг. XVI века по Нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В. И. Грубов; науч. ред. А. А. Исаков. Арзамас, 2022. 391 с.

Парадеев Е. И. Список с писцовой книги о владениях Спасо-Преображенского монастыря (Арзамас) в 20-е гг. XVII в. Режим доступа: URL: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2021/04/Spaskiy_Monastyr_1620-e.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

Пискарев П. Новоусадская волость. // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1849 г. № 62.

Писцовая книга Арзамасского уезда (1621–1623 гг.): Ч.1. Станы Тешский, Ичаловский, Иржинский и Подлесный // Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей дел и документов/ под ред. А. К. Кабанова. – Нижний Новгород, 1915. Т. 15. Вып 8. (2). 324 с.

Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. /сост. Б. М. Пудалов: в 2 т. – Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2022. Т. 2. 356 с.

Сенюткин С. Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): Монография. 2-е изд., доп. Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2009. – 476 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?3820> (дата обращения: 23.11.2020).

Филюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М: 2017. 176 с.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МАРШРУТОВ СТАРИННЫХ ДОРОГ XVI–XVII ВВ. НА ОСНОВЕ СВЕДЕНИЙ О МЕЖАХ

В статье предложен метод реконструкции маршрутов дорог позднего средневековья на основе сведений о межах из писцовых и межевых книг, актов и прочих письменных источников XVI–XVII вв. В основе метода лежит сформулированный автором принцип неизменности межи, который в свою очередь связан с нерушимостью границ и их преемственностью во времени. Он может применяться не только для поиска дорог, но и для определения местоположения любых других географических объектов. Отдельно представлено, как именно следует изучать и понимать описания границ в старинных источниках. Применение метода наглядно продемонстрировано на основе 5 примеров, касающихся восстановления сегмента старинного торного пути (сакмы), пролежавшего по землям Арзамасского уезда и по всем признакам использовавшегося в ходе похода на Казань 1552 г. Примеры относятся к конкретным локациям, расположенным между 6 и 8 остановками (станами) войска Ивана Грозного на территории восточнее современного г. Арзамаса. В них раскрывается применение метода реконструкции на основе множества источников с разной полнотой данных о межах. Иллюстрациями к статье служат как старинные карты, так и современные спутниковые снимки и материалы аэросъемки, полученные автором в ходе полевых разведок.

Ключевые слова: историческая география, источниковедение, межевые книги, реконструкция дорог, сакмы, Иван Грозный, Казанские походы, Арзамасский уезд, история XVI–XVII вв.

В 2019 году автор представил исследование, посвященное восстановлению старинных «больших» (т.е. значимых) дорог преимущественно в границах Арзамасского уезда, а также частично в соседнем с ним Алатырском уезде, и выбору того тракта, который подходил под описание маршрута царского войска Ивана Грозного в походе, состоявшемся летом 1552 г. из Мурома в Свияжск для дальнейшего взятия Казани (Парадеев, 2019). Реконструкция путей производилась на основе метода, подразумевающего изучение описаний границ земель XVI–XVII вв., выявление в них упоминаний древних дорог и надлежащее определение их местоположения на современных картах. Из множества таких фрагментов складывались те маршруты, которые были задействованы в XVI–XVII вв. В большинстве своем они отсутствуют уже на Планах генерального межевания конца XVIII в., поскольку со временем оказались не востребованы и были замещены другими путями. Метод позволяет находить не только дороги, но и любые другие интересные объекты, примыкающие к границам (в т.ч. кладбища, исчезнувшие поселения и пр.).

Прежде чем перейти к описанию метода и примеров его применения на практике следует дать некоторые важные вводные. В Арзамасском уезде в XVI в. значимые дороги

именовались сакмами. Это тюркское слово (от начальной основы sok – бить) для обозначения, во-первых, путей, широко использовавшихся для торговых, дипломатических и военных целей, во-вторых, следов от прохождения крупного войска. В случае с землями вокруг Арзамаса слово «сакма» подпадает под первое определение и является синонимом слову «дорога». С основанием города и уезда в 1570-х гг. этот термин стал замещаться русским аналогом, но, вместе с тем, и в XVII в. часто применялся в писцовых книгах и различных актах. Царское войско при движении из Муром на восток должно было использовать одну из таких сакм. В источниках она могла именоваться «Царской», «Государевой», «Казанской» или просто «большой» (т.е. значимой). И с этими определениями слова «сакма» и «дорога» были взаимозаменяемыми (пример: «а с того столба прямо до сакмы, до старой дороги Государевы»).

20 июля 1552 г. по старому стилю Иван Грозный выдвинулся из Муром в Свияжск, закончился переход уже 13 августа. Скорость передвижения войска была высокой – в среднем около 27 км в день, при этом дневок (дневных остановок для отдыха) было всего две на протяжении маршрута длиной около 600 км. Такой темп подразумевает наличие хорошей транспортной артерии в этом регионе. Это подтверждал и князь Курбский, оставивший следующий комментарий о собственном возвращении в Москву после взятия Казани: «а кони наши все послал не тою доброю дорогою, ею же сам шел к Казани, но водле Волгу, зело претрудными стезями» (т.е. возле Волги, весьма претрудными путями) (Устрялов, 1868. С. 34). Таким образом, перемещение в Свияжск осуществлялось по торной, битой (наезженной), легко проходимой дороге. Важно также отметить, что этот путь был определен еще в мае 1552 г. за пару месяцев до похода: «с Коломны на Муром да на Саканьское городище чрез Поле к Свиязскому городу» (ПСРЛ, 1904. С. 184). Движение по нему было частью стратегического плана по быстрой и массовой переброске войск к Казани.

Каждый стан (остановка) царского войска был задокументирован и попал в Никоновскую летопись (ПСРЛ, 1904. С. 199–201). Приведены названия рек, озер, городищ, возле которых останавливался царь (например, «а четвертый [стан] на поле на Ирже, а пятый на Авше речке»). Без понимания маршрута дороги, по которой осуществлялось движение, все названные летописцем географические ориентиры (помимо точно известных городищ) не давали возможность определить путь войска. Для решения этого вопроса необходимо было понимать, какие именно тракты могли пролегать в середине XVI в. рядом с теми водными объектами, которые упоминались в летописи. К сожалению, до основания Арзамаса в 1572 г. более ранние описания земель к западу от него не известны, а к востоку сохранились лишь единичные упоминания из писцовых книг Г. Сукина и Н. Девочкина 1560–1561 гг. (Парадеев,

2022). Из последней четверти XVI в. нет сведений о сохранности каких-либо копий еще двух описаний уезда, сделанных Н. Яхонтовым и И. Зубовым в 1570-х и 1580-х гг., соответственно.

Однако дороги не исчезали одномоментно, они учитывались в качестве ориентиров на границах земель или сами служили этими границами. Благодаря этому упоминания различных сакм можно найти в межевой книге, подготовленной писцами Т. Измайловым и Н. Чаплиным в 1624–1625 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047). В эту книгу была собрана информация о границах сотен населенных пунктов и пустошей из различных актов, какие-то межи были установлены непосредственно при участии писцовой комиссии. При описании многих границ указывалось, что на них сохранялись межевые признаки прежних писцов, т.е. комиссии Игнатия Зубова, что говорит о неизменности границ с XVI в. Для поместных и вотчинных земель межевая книга Т. Измайлова и Н. Чаплина была важнейшим источником, выписями из которого потом пользовались вплоть до Генерального межевания в конце XVIII века.

Для мордовских деревень писцом В. Киреевым в 1677–1678 гг. были подготовлены писцовые книги, в которых описание границ из книги Т. Измайлова и Н. Чаплина было либо частично заимствовано, либо переработано, либо дополнено. За полувековой период земельные споры коснулись и лесов, поэтому улучшилась детализация границ в них. Если раньше межа часто уходила «в черный лес», т.е. далее не описывалась, то к последней четверти XVII в. уже больше внимания уделялось размежеванию в лесной зоне, сведения дополнялись. Также В. Киреев в большинстве случаев приводит промеры сегментов меж в саженях. В отношении Арзамасского уезда схожий подход с измерениями использован и для межевых книг Ф. Протасьева по поместьям и вотчинам 1680-х гг., из которых сохранилась информация по весьма малому количеству поселений. Сравнение текстов книг различных периодов показывает, что многие межевые признаки, которые были описаны в книгах 1620-х гг., за более чем полвека сменились (например, деревья были срублены, столбы сгнили и т.д.), но сама конфигурация границ не изменялась, при этом если были споры, приводящие к изменению территории участков, то на них делалась отсылка.

Известные промеры, снятые в конце XVII в., в свою очередь позволяют подтвердить, что границы оставались неизменными и к моменту оформления планов генерального межевания (конец XVIII в., далее – ПГМ) и далее при создании высокоточного топографического межевого атласа Менде (середина XIX в.). Дальнейший переход к современным цифровым картам и спутниковым снимкам уже прост и решается наложением на них карт Менде с небольшими поправками. Для Нижегородских земель наиболее удобным для такого анализа является цифровой сервис «ЭтоМесто» (www.etomesto.ru).

Итак, при изучении текстов межевых книг начала и конца XVII века по множеству поселений и пустошей и переносе меж на планы и карты стало понятно, что получавшиеся

границы в большинстве случаев совпадают с теми, которые нанесены на ПГМ, а от этих планов есть переход к точным топографическим картам Менде, и даже на современных картах границы некоторых сельских поселений проходят по тем же местам, которые были описаны четыре столетия назад. Но в первую очередь речь идет о дореволюционном периоде, до перераспределения собственности, случившегося после революции 1917 г. В основе этого лежит принцип, который автор именует принципом неизменности межи. Он срабатывал не только для Арзамасского, но и для Нижегородского и Алатырского уездов, что позволяет выдвинуть предположение об его универсальности вне зависимости от региона.

В основу этого принципа положены следующие фундаментальные предпосылки: нерушимость и преемственность границ. Как и в отношении современных границ, нерушимость строится на двух концепциях: признание существующих границ смежными землевладельцами и землепользователями и отказ от каких-либо территориальных притязаний между ними. Еще в Краткой редакции Русской Правды (XI в.), представлена статья №34, направленная на обеспечение целостности установленных границ: «А иже между переоретъ любо перетес, то за обиду 12 гривне», т.е. «А если (кто-либо) перепашет между или уничтожит межевой знак на дереве, то (платить) 12 гривен вознаграждения потерпевшему» (Юшков, 1952. С. 80, 84). Установленный штраф являлся высоким по меркам того времени, что связывают с защитой границ княжеских землевладений (Юшков, 1952. С. 102). Для сравнения за убийство смерда полагался штраф в пять гривен, за убийство клейменого княжеского коня – три гривны (Юшков, 1952. С. 79). Впоследствии сохранению целостности межи посвящались статьи в Пространной редакции Русской Правды, в различных уставных грамотах и Судебниках. В Судебнике Ивана Грозного 1550 г. статья звучала так: «А хто сорет [т.е. перепашет] между, или грань ссечет, из Царевы и Великого Князя земли, или у Боярина, или у монастыря, или Боярской у монастырского, или монастырской у Боярского, и хто в тех между сорет или грани ссек, ино того бити кнутъем, да исцу на нем взяти рубль; а крестьяне меж себя в одной волости или в селе, хто у кого между переорет или перекосит, ино Волостелю или Поселскому имати на нем за баран два алтына» (Черепнин, 1955. С. 87). Подобные денежные наказания, а также общие затраты на решение земельных споров являлись веским юридическим и экономическим основанием для соблюдения целостности земельных участков.

Под преемственностью границ подразумевается, что при описании и установлении границ использовались предыдущие источники. При этом между периодами происходило обновление межевых признаков, но по тем же линиям границ. Например, если изначально в качестве точек выбирались деревья, то при их вырубке и увеличении площади полей происходил переход к столбам. Столбы были удобны, поскольку их можно было ставить в

любом месте на необходимых расстояниях друг от друга. Есть много примеров, когда около пня дерева, служившего межевым признаком в 1620-е гг., в 1670-гг. стоял столб, т.е. точка на границах обновилась, но не сместилась. Преемственность подтверждается тем, что, например, в книге по мордовским деревням В. Киреева 1677–1678 г. сделана отсылка на грани старых писцов Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг., а те в свою очередь ссылались на некоторые грани И. Зубова, поставленные в 1580-х гг. Есть пример с мордовской деревней Пищасово, когда в 1610-х гг. для подтверждения первоначальных границ поселения, представители власти обратились к писцовым книгам Г. Сукина и Н. Девочкина 1560–1561 гг.: «А пашнею, и перелогом, и сена, и лесу, и всякими угоды Пихчасовской мордве владети велел по старому по старым писцовым книгам писца Григорья Сукина, как они тою своею землею и всякими угоды владели исстари, и по отводу старожильцов, как старожильцы межу указали и грани отвели» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2 ч. 1. Д. 7060. Л. 214а). По всей видимости, многие межи были установлены еще до появления первых письменных источников по территории будущего Арзамасского уезда, при этом дороги (сакмы) наравне с протяженными водными объектами (реками, ручьями, оврагами) служили одними из таких ранних надежных границ.

Исключение из принципа неизменности межи составляют следующие ситуации. Во-первых, происходили межевые споры, но, как правило, при их урегулировании снимались показания сторон и документировались, поэтому можно разобраться, как именно смещались границы во времени. От этого гипотетически можно произвести реконструкцию первоначальной межи. Иногда это и не требуется – например, изменение имело место, но оно было незначительным (смещение в радиусе 100–200 м). Тогда объекты вдоль границ можно найти и без глубинного анализа источников, в ходе полевых исследований. Во-вторых, могли быть ошибки в писцовых описаниях, как изначальные в момент написания книг, так и последующие при их копировании в различных учреждениях. Дело в том, что описание межи в текстовом виде представляет собой чередование набора межевых признаков, подчас идентичное – например, «а от столба ... до столба», «а от того столба ... до столба» и т.д. При записи или копировании возможны непреднамеренные пропуски или повторы некоторых стандартных межевых признаков. Если ошибка была не в подлиннике книги или акта, то неточности копирования позволяют преодолеть другие копии того же источника при их наличии. В любом случае подобные искажения могут касаться одного сегмента границ, и он может быть восстановлен от крайних точек соседних сегментов.

При работе с источниками XVI–XVII в. встает вопрос, насколько можно верить сведениям о межах из них. Межевание проводилось при участии представителей местной администрации, членов писцовых комиссий и множества свидетелей, которые должны были обеспечить точность установления границы на местности. В качестве свидетелей чаще всего

привлекали старожилов – тех, кто мог подтвердить, что границы проходили так, как описывались в документах, исстари. Само описание происходило на местности («в полях»), то есть составитель межевого акта непосредственно видел описываемые им объекты, проходил через них. Заносились сведения даже о малых урочищах, например, на пути мог быть отвершек оврага, который едва заметен на современных спутниковых снимках, но при его пересечении межей он учитывался (отвершки именовались «вершинами» или «вершинками», иногда безымянными, иногда соотнесенными с конкретными поименованными оврагами, частью которых являлись). Бывают случаи, когда межевщики упрощали описание границ – например, если они шли по реке. В таком случае другие межевые признаки могли опускаться за ненадобностью, то есть при пересечении дорогой реки и границы, дорога не называлась. Но в основном описание производилось весьма подробно, и даже небольшие пути местного сообщения (от деревни к деревне) служили надежными ориентирами и учитывались.

Сперва необходимо разобраться, как именно межа заносилась в книги. Это было текстовое описание множества межевых признаков, среди которых по своему происхождению были естественные и искусственные. К первой категории относились различные природные объекты, которые приурочивались к меже – реки, овраги, озера, пруды, болота, горы, деревья и пр. Ко второй – все те объекты, которые появились в результате деятельности человека, – столбы, рвы, валы, межники (дерновые полосы между вспаханymi полями), просеки (в лесной зоне), пни, ямы, курганы и пр. По размерам признаки можно дополнительно поделить на точечные и протяженные в пространстве. Точечные являются аналогами современных межевых точек на кадастровых планах, из примеров выше к ним относятся столбы, ямы, курганы, деревья, кусты и пни. Во многих случаях межа пролежала вдоль протяженных естественных географических объектов – рек, оврагов, берегов больших озер, также вдоль границ могли быть людьми проложены рвы, валы, а в лесах прорублены просеки. При вспашке полей соседних участков между ними формировались задернованные травой полосы, называемые межниками. Разделяли смежные владения и дороги.

При движении вдоль протяженных объектов могли определяться межевые точки – например, межа поднималась вдоль оврага, но шла от столба до столба. При этом в книги заносилось указание, что очередной столб также находится в овраге. Аналогично и с дорогами – граница часто шла вдоль них, но по точечным признакам (столбам, деревьям). Например: «...а с того столба Царевою сакмой к Ушан помре на столб, дубовый, а на нем грани, а с того столба Царевою сакмой к Ушан помре на столб же дубовый, а на нем грани...». При таком подходе, во-первых, повышалась точность установления границ, во-вторых, некоторые межевые точки являлись поворотными, когда, к примеру, граница уходила в отвершек оврага или выходила из него совсем или сворачивала в сторону от реки или дороги. Как сказано выше,

иногда в целях упрощения межа могла пролегать по протяженному объекту и вовсе без промежуточных точечных признаков на очень дальнее расстояние (до нескольких километров), например, вдоль берега известной всем жителям округи реки. Протяженные объекты могли переходить один в другой (притоки в реки, отвершие оврагов в овраги и наоборот и т.д.).

Контур участка при описании мог быть замкнутым или разомкнутым. В первом случае межа описывалась от некой начальной точки и возвращалась к ней же. Во втором она могла обрываться, поскольку полностью описать границы было невозможно или нецелесообразно. В этом случае межа чаще всего уходила в лес. Также существовал подход, когда описание велось в два направления (по часовой и против часовой стрелки), при этом разнонаправленные сегменты начинались в одной и той же точке. При движении вдоль межи учитывались смежные землепользователи или, если их было много, то указывалось, что с такой-то стороны находятся земли поселения или пустоши различных помещиков и вотчинников, татарских мурз и прочих лиц без конкретизации. Если имена все же приведены, то это также ценные сведения, поскольку по ним можно идентифицировать то, о каком именно поселении или пустоши идет речь. Для этого достаточно посмотреть писцовые или переписные книги со сведениями о владельцах земель.

Не всегда описание межи было полное: иногда общий контур земельного участка приходится собирать из описаний фрагментов его границ со смежными землепользователями, и эти фрагменты могут быть распределены в книге. Некоторые межи описывались для каждого из смежных землевладельцев зеркально, в таком случае межевые признаки совпадали, что позволяет делать перепроверку. Существовали ситуации, когда писцы просто не заносили описание меж из актового материала, ссылаясь на то, что споров по ним нет. Работа с границами требует внимательности, правильного прочтения написанного в рукописных источниках и соотнесения межевых признаков с местностью.

Предлагаемый метод, хоть и весьма универсален, но имеет ряд ограничений. Во-первых, он позволяет определять местоположение объектов только вдоль контура границ земельных участков, поэтому понять, где, к примеру, находилось исчезнувшее поселение можно только по косвенным признакам – например, по направлению дорог от него или по наличию источников воды. Тем не менее, иногда граница пролегла прямо вдоль деревенских оград, что позволяет делать выводы и о местоположении населенных пунктов. Во-вторых, в некоторых случаях во времени менялись названия урочищ. Например, в межевой книге начала XVII в. овраг носил название Суторминского, а на ПГМ конца XVIII в. уже именуется Сакминским. Иногда это усложняет реконструкцию, особенно если межа пересекала несколько оврагов друг за другом. В этом случае остается надежда на то, что каждый овраг

был последовательно учтен при описании границ, а далее при их совмещении с современными спутниковыми картами эти овраги поддаются однозначной идентификации. Еще одним значимым ограничением является описание границ в лесной зоне, которое было менее точным, чем в полевой. Иногда границы не описывались вовсе (уходили «в черный лес»). На более поздних картах (ПГМ и Менде) в лесах многие урочища не поименованы. Наконец, при работе с ПГМ и Менде также следует понимать, что на них могли быть допущены ошибки при перерисовке. Например, на ПГМ Арзамасского уезда некорректно отрисованы овраги, впадавшие в реку Сердедь с левого берега около села Малая Якшень. В этом случае следует для перепроверки обратиться к детальным планам дач (отдельных землевладений), которые легли в основу ПГМ.

Описания границ XVI–XVII вв. могут на первый взгляд показаться сложными, непонятными, но после некоторой обработки они становятся аналогами координатных точек на современных кадастровых планах. Значимыми являются упоминания названий различных географических объектов – рек, ручьев, оврагов. Водотоки и водоемы сохранились на современных картах, что позволяет точно определять их местоположение. Овраги служили значимыми ориентирами в прошлом и выносились на ПГМ и карты Менде. Упоминаемые в межевых книгах столбы, деревья, пни и ямы, безусловно, давно исчезли, но в их описании могут также содержаться полезные сведения. Например, если точка, на которой стоял столб, была поворотной, то есть граница отклонялась от прямой линии, то писцы указывали, куда она уходила. В большинстве случаев они обозначались следующим образом: от точки А поворота немного налево/направо к точке Б, от точки А поворота налево/направо к точке Б. Как правило, на ПГМ и картах Менде можно увидеть такие же отклонения относительно вектора движения по границе в той же самой точке.

Рассмотрим соблюдение принципа неизменности межи на примере с мордовской деревней Корино (ныне – одноименное село) и селом Шатки (ныне – одноименный рабочий поселок), о границе между этими поселениями сохранились сведения из писцовых книг Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг. и В. Киреева 1677–1678 гг., при этом Т. Измайлов и Н. Чаплин указывали на старые грани и старый межник писца И. Зубова 1580-х гг., т.е. сравнением источников можно проследить сохранность межи практически в столетнем интервале. Очень важно, что при В. Кирееве были сделаны промеры границ в саженях. По этой причине данные из книг XVII в. можно сличить с конфигурацией границ на ПГМ и атласе Менде, чтобы подтвердить, что ничего не поменялось и к середине XIX в. От Менде уже упрощен переход к современным картам и спутниковым снимкам.

Описание сегмента границы между Корино и Шатками в 1620-е гг. было следующим: «(л. 3) ...у Кадомской дороги мордовской мар у чернова лесу, а на мару липа, а от нее три

отростка, а на липе грань, а от того мару и от липы через Кадомскую дорогу на столб дубовой, а на нем грани по обе стороны и ямы, а от того столба на березу, а на ней грани, по обе стороны ямы, а от березы на столб дубовой, на нем грани, по обе стороны (л. 4) ямы, а столба [sic!] на сосну, а на ней борть коринского мордвина Петрушки Азрапина, а на нем [sic!] грани по обе стороны, а от сосны на две березы от одново корени, а на них грани, а позади берез у речки Вонючки столб дубовой, по обе стороны грани и ямы, а от столба через речку Вонючку на усть врага Суранштаналей, да тем врагом вверх по истоку к старому межнику, а среди врага против старого межника столб дубовой, а на нем грани, одна грань вниз по врагу, а другая направо на старой межник вершинкою, а с тое вершинки старым межником на столб дубовой, на нем грани, по обе стороны ямы, а от того столба через Никольскую дорогу на столб дубовой до князь Ивановы земли Путятина деревни Нечаевы, а столб стоит на гранях, а около столба три ямы, а на столбе три грани, а столб стоит конец поль села Шатков Ивана Аргамакова вотчины и князь Ивановы вотчины Путятина деревни Нечаевы...» (ГКУ ЦАНО. Ф. 2013, оп. 1, д. 8, л. 3об.—4).

В книге В. Киреева 1677–1678 гг. описание того же сегмента такое: «(л. 6) ...у Кадомской дороги мордовской мар у черного лесу, а на мару была признана старая липа з гранью писца Тимофея Измайлова с товарищи, и та липа свалилась, и вместо тое липы на том мару от одного корени три дубка небольшие, один ссечен, а на среднем дубку гран, а от того мару и от дубка через Кадомскую дорогу старым межником до столба дубового 43 сажени, на нем две грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголье, а от того столба до столба дубового 62 сажени, на нем две грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголье, а от того столба до столба дубового 78 сажен, на нем две грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголе, а от того столба до столба дубового 95 сажен, на нем грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголе, а от того столба до столба дубового 76 сажен, на нем грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголье, а от того столба до столба дубового 51 сажень, на нем (л. 6 об.) грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголье, столб поставлен у речки Вонючки, а от того столба через речку Вонючку на усть врага Суранштоналеи, да тем врагом вверх по истоку к старому межнику до столба дубового 445 сажен, а столб поставлен среди врага против старого межника, а на нем грани, одна грань вниз по врагу, а другая направо на старой межник вершинкою, а с тое вершинки от столба старым межником до столба дубового 58 сажен, на нем грани, подле ево по обе стороны ямы, а в них кости и уголье, а от того столба через Никольскую дорогу до Оверкиевы земли Болтина деревни Нечаевы до столба дубового 200 сажен, на нем грани, а около того столба три ямы, а в них костье и уголье, столб поставлен по конец поль стольника Михайловы вотчины

Аргамакова села Шатков и Оверкиевы вотчины Болтина деревни Нечаевы...» (ГКУ ЦАНО. Ф. 2013, оп. 602а, д. 22, л. 6–6 об.).

Некоторые рукотворные и природные межевые знаки с 1620-х по 1670-е гг. не сохранились (столбы сгнили, деревья упали или были спилены, ямы исчезли и т.д.), но в большинстве случаев на их месте ставились и определялись новые метки (столб, молодое дерево и др.), а о старых было упоминание (например, пень, а на нем старые писцовые грани). Ниже в табличном виде в упрощенной форме проведен сравнительный анализ описания границ деревни Корино в двух писцовых книгах (см. Таблица 1).

Как видно, в точке №1 сохранена неоспоримая преемственность, также совпадает сегмент между точкам №8 и №9, поскольку межа проходит по неизменному географическому объекту – оврагу. Точка №9, вероятно, также одинаковая: столб времен Т. Измайлова просто заменили, сохранив его позицию. От него граница уходила в отвершек оврага направо, т.е. на северо-восток. И этот отвершек также является неизменным признаком. Общее количество межевых точек на этом сегменте между периодами совпадает, скорее всего, они обновлялись на тех же местах. Старый межник для В. Киреева – межа Т. Измайлова, а для Т. Измайлова – межа И. Зубова. Совокупная разница между периодами межевания – более 90 лет. Овраг Сураншта(о)налей на более поздних картах будет носить название Коринский, поскольку столетиями служил границей земель этого мордовского поселения.

Так как в книге В. Киреева приведены промеры границ, можно проверить, совпадают ли они с теми, которые обозначены на ПГМ и карте Менде. Предварительно сложное текстовое описание межи необходимо упростить. Структурируем его следующим образом и дополним другими точками, чтобы сегмент границ между Корино и Шатками был приведен полностью:

1. у Кадомской дороги мордовский мар у черного леса, а на маре была признана старая липа с гранью писца Тимофея Измайлова с товарищи, и та липа свалилась, и вместо той липы на том маре от одного корени три дубка небольшие, один ссечен, а на среднем дубке грань;
2. а от того мара и от дубка через Кадомскую дорогу старым межником до столба дубового 43 сажени, на нем две грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье;
3. а от того столба до столба дубового 62 сажени, на нем две грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье;
4. а от того столба до столба дубового 78 сажений, на нем грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье;
5. а от того столба до столба дубового 95 сажений, на нем грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье;
6. а от того столба до столба дубового 76 сажений, на нем грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье;
7. а от того столба до столба дубового 51 сажень, на нем грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье, столб поставлен у речки Вонючки;
8. а от того столба через речку Вонючку на усть[е] врага Суранштаоналей,

9. да тем врагом вверх по истоку к старому межнику до столба дубового 445 сажень; а столб поставлен среди врага против старого межника, а на нем грани: одна грань – вниз по врагу, а другая – направо на старый межник вершинкой;
 10. а с той вершинки от столба старым межником до столба дубового 58 сажень, на нем грани, подле его по обе стороны ямы, а в них кости и уголье;
 11. а от того столба через Никольскую дорогу до Оверкиевы земли Болтина деревни Нечаевы до столба дубового 200 сажень, на нем грани, а около того столба три ямы, а в них кости и уголье; столб поставлен по конец поль стольника Михайловы вотчины Аргамакова села Шатков и Оверкиевы вотчины Болтина деревни Нечаевы;
- и по тем граням: левая сторона – мордовская земля деревни Корины, а правая сторона – села Шатков.

Такое структурирование данных значительно упрощает восприятие – теперь каждый пункт списка определяет один фрагмент границы или иначе одну межевую точку, с которой начинали движение писцы или к которой перемещались. Стартом границы в данном случае является мар (т.е. земляная насыпь, курган), на котором при предыдущем описании межи в 1620-е гг. была липа, а в 1677–1678 гг. на ее месте стояли три дубка. Точки со второй по десятую определены дубовыми столбами, и есть также два фрагмента межи, для которых расстояние не промерено: от столба у речки Вонючки до устья оврага, а также от столба в овраге вверх по его отвершку. По-видимому, переход от столба в середине оврага к столбу на его отвершке между точками попросту был пропущен при изначальном описании еще у Т. Измайлова и Н. Чаплина и не дополнен В. Киреевым. Вектор направления межи от первоначальной точки к заключительной – преимущественно северный. Поэтому «левая сторона» расположена по движению по ней с запада, а «правая сторона» – с востока. В каждом случае необходимо как бы представлять себя на месте писцов и двигаться вслед за ними, чтобы лучше понимать, что означает право и лево для конкретного сегмента межи.

Еще больше упростим информацию, опустив то, что не представляет ценности для современного исследователя:

1. мордовский мар у Кадомской дороги;
2. столб за Кадомской дорогой в 43 саженьях от мара;
3. столб в 62 саженьях от предыдущего;
4. столб в 78 саженьях от предыдущего;
5. столб в 95 саженьях от предыдущего;
6. столб в 76 саженьях от предыдущего;
7. столб в 51 сажени от предыдущего у речки Вонючки;
8. столб в овраге Суранштоналей за речкой Вонючкой в 445 саженьях от устья оврага (необходимо еще перейти речку Вонючку от предыдущего столба);
9. столб в 58 саженьях от столба в вершинке оврага (необходимо еще подняться по отвершку до столба, расположенного в нем, видимо, у его начала);
10. столб за Никольской дорогой в 200 саженьях от предыдущего, где сходятся земли трех поселений – мордовской деревни Корино, села Шатков стольника Михаила Аргамакова и деревни Нечаевы Аверкия Болтина.

При этом межевые точки с первой по десятую определяют границу земель деревни Корино и села Шатки: при движении вдоль этого фрагмента границы земли Корино находятся всегда слева (в данном случае западнее), а земли Шатков – справа (восточнее).

Если, как в примере выше, в книге присутствуют промеры, то можно перевести этот список в табличный вид для упрощения сложения расстояний, при этом 1 сажень = 3 аршина = 2,16 м, согласно Соборному уложению 1649 г. (см. Таблица 2).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, мар определенно находится прямо у Кадомской дороги, так как следующий столб, расположенный от него менее чем в ста метрах, стоит уже за дорогой; во-вторых, при движении от мара по прямой на расстоянии примерно 875 метров межа упирается в речку Вонючку; в-третьих, частью границы служит овраг, впадающий в речку Вонючку с ее другого берега. Расстояние от устья оврага у р. Вонючки до отвершка, впадающего в него справа относительно движения (т.е. с северо-востока) – 0,96 км. От начала самого отвершка межа идет далее на расстояние около 0,5 км, где сходятся границы трех поселений – Корино, Шатков и Нечаево. Это окончание сегмента между первыми двумя населенными пунктами, далее уже описывается межа между Корино и Нечаево. Приведенные выше промеры, безусловно, имеют некоторую погрешность. Измерения проводились веревкой из натуральных волокон, и необходимо вносить поправку на коэффициент удлинения, скорее всего, их точность может быть определена диапазоном +/- 5-10%, т.е. около 100-200 м на 2 км.

Теперь обратимся к ПГМ конца XVIII в. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 37/2573) и карте Менде середины XIX в. для определения конфигурации границ между Корино и Шатками в том же месте (ил. 1, 2). Можно обратить внимание, что межа в обоих картографических источниках от некой крайней восточной точки (мара) идет к речке Вонючке (ныне – Елховка), далее уходит на север вдоль оврага, названного на карте Менде Коринским, откуда поворачивает на северо-восток и приходит в точку, где сходятся земли трех поселений – Корино, Шатков и Нечаевки. Межа XVIII и XIX вв. одинаковая, при этом в полной мере соответствует сведениям из писцовых книг. Благодаря наличию промеров можно оценить, совпадают ли также длины прямых сегментов границ. Первый такой сегмент – от мара до речки Вонючки (Елховки), второй – вверх по оврагу до отвершка, третий – от отвершка до точки соприкосновения земель трех поселений. Длина самого отвершка не может быть проверена, поскольку об этом в книге В. Киреева данных нет. Измерения по карте Менде дают следующие цифры: сегмент №1 – около 900 м, сегмент №2 – около 1 км. Это полное соответствие писцовой книге в пределах погрешности измерений. Третий сегмент (около 750 м), к сожалению, не совпадает по длине, поскольку неизвестна длина отвершка. Согласно

спутниковым снимкам местности (ил. 3), он был запахан и практически не прослеживается, оценка длины невозможна; зато отлично различимо место его впадения в сам овраг. Оно расположено примерно в 1 км от долины речки Вонючки (Елховки), что идентично промерам, сделанным в 1677–1678 гг. и длине сегмента границы (№2) на карте Менде. Скорее всего, отвершек был вытянут на северо-восток, что определяло и направление межи в этом месте.

В целом, если продолжить двигаться вдоль границ, то следующий прямой сегмент №4 вплоть до исчезнувшего ручья в овраге, в XVII в. носившем название Пекшелатка (на ПГМ и у Менде – Воейков), у В. Киреева оценен в 1544 сажени, т.е. ~3.3 км. Длина того же сегмента на карте Менде – также ~3.3 км. Далее межа уходит вверх по оврагу, но измерение не приведено (№5). А вот от верховий Пекшелатки до речки Вонючки (Елховки) расстояние вдоль границы оценено в 564 сажени, т.е. ~1.2 км. У Менде длина этого же сегмента №6 идентична. На современных спутниковых снимках начало оврага прекрасно видно, от него до речки ровно такое же расстояние, как и в исторических источниках. То есть можно видеть, что межа мордовской деревни Корино с XVII по XIX вв. оставалась неизменной. Это один из примеров работы принципа, положенного в основу метода. При этом некоторые сегменты можно перепроверять по спутниковым снимкам, если они были проложены между сохранившимися известными географическими объектами (оврагами, реками и пр.).

Принцип неизменности межи использовался автором в рамках восстановления маршрутов старинных дорог XVI–XVII вв. Как было отмечено ранее, путь царского войска из Мурома в Свияжск в 1552 году пролегал по одной из сакм в границах будущего Арзамасского уезда (ил. 4). Эта сакма от Саконского городища (на месте села Саконы), где был 3-й стан царя, шла на восток и практически совпадала с трактом в Арзамас XIX в. вплоть до небольшой речки Тиржи, отсюда она отклонялась на юго-восток и образовывала границу ряда поселений вплоть до реки Иржи. Пересечение Иржи находилось около современного села Степаново, здесь в районе речной петли был, по всей видимости, 4-й стан. Затем дорога пролежала на восток с отклонением к югу и выходила к реке Акше в районе деревни Исупово. Это место 5-го стана. Пересечение Теши находилось на месте поселка Красный Бор, в прошлом Собакино. Следом войско пересекло лес, который в конце XVI в. назывался Собакинским, и вышло к реке Кевсе в районе современного села Медынцево, рядом с которым был 6-й стан. 7-й стан находился на некоем «озере на Икше», где под Икшей, очевидно, подразумевается область вокруг реки Малой Якшенки, в долине которой существовало и большое Якшенское озеро. Оно не является основным кандидатом для места стана, поскольку находилось на удалении от дороги. Но в той же речной долине было еще одно озеро Вежерское, и сакма лежала прямо возле него, то есть его можно считать одним из кандидатов для 7-го стана, другим кандидатом является озеро Темное (об этом далее). 8-й стан был на безымянном «озере, не дошед Пьяны реки». Под ним

надо подразумевать один из исчезнувших водоемов севернее села Юрьево, где исторически находился погост Николы Чудотворца «на сакме». Наиболее вероятно, что здесь была дневка, пока возводились переправы. В начале XVII в. поп Маркелл с этого погоста подаст челобитную, в которой укажет, что рядом с его церковной землей останавливался царь: «как-де блаженные памети государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии ходил под Казань, и тут-де на сакме был ево государев стан» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 2. Д. 19/250. Л. 1). При рассмотрении прошения было опрошено множество свидетелей из окрестных поселений, и никто эту информацию не опроверг. Более того, остановка царя в этих местах четко привязана к сакме, служившей границей земель во второй половине XVI в., сведения о стане закрепились и в легендах.

Для демонстрации того, насколько может быть полезным принцип неизменности межи на практике, обратимся к изучению сегмента пути между долиной реки Малой Якшенки и Пьяной, то есть в области между 6 и 8 станами.

Пример №1. Обнаружение исчезнувшего Вежерского озера и места прохождения сакмы у него.

В 1620-е гг. некоторые земли около реки Малой Якшенки находились в поместных и вотчинных владениях у рода Любятинских. В частности, Прокофию Федоровичу Любятинскому принадлежала часть деревни Нелединской (современное село Неледино). Описание границ участка в межевой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина 1624–1625 гг. начинается так: «Межа Прокофья Федорова сына Любятинского вотчинной его земле деревни Нелединской с олемаевскими татарами: от Якшенского озера вверх Якшенским врагом на столб дубовой, а на нем грани по обе стороны, а с того столба из Якшенского (л. 405) врага вверх по Крутому врагу, а из Крутова врага направо вершинкою, а из вершинки на кудрявой дуб» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047, л 404 об.–405).

Основываясь на принципе неизменности межи, обратимся к ПГМ (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 2585-2589) и картам Менде (ил. 5). Овраг Крутой на плане и карте не поименован. В XVIII–XIX вв. он также служил границей между землями Неледино и участка, расположенного южнее, который в XVII в. принадлежал аламаевским татарам. Этот участок на ПГМ имеет №259, и в Экономических примечаниях назван «покидной татарской землей Барашева Усаду» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15/802. Л. 54).

Якшенское озеро – большой водоем, исчезнувший уже ко времени оформления ПГМ, он находился прямо восточнее Неледино. Оно было отправной точкой при описании другого земельного участка во владениях П. Ф. Любятинского, пустоши Игнатия Товарищева, расположенной по восточной стороне долины Малой Якшенки: «Да межа Прокофьеве ж земле Любятинского Игнатьевской пустоши: от озера от Якшенского вверх Коварзлеем врагом до

Вежерского озера, да поперег озера до Царевы сакмы, да вверх Царевою сакмою до черново лесу, да от Царевы сакмы поперег врашка через черной лес...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047, л. 407 об.). В этом фрагменте межа пролегает от озера по оврагу Коварзлею. Это овраг в верховьях реки Малой Якшенки, который на ПГМ носит название Кружелей, а на карте Менде – Вежерский. По нему и в XVIII–XIX в. пролегала граница между землями. Как видно выше, в овраге находилось одноименное Вежерское озеро. Название его содержит в себе эрз. «эрьке» – озеро и «веженсь» – младший, меньший. Водоем был меньше по размерам, чем расположенное северо-восточнее в той же речной долине Якшенское озеро (оно же Большое). На спутниковых снимках местности существует единственная локация, где могло быть Вежерское озеро. На местности оно выглядит как большое ровное пространство внутри оврага (ил. 6). Межа при движении с северо-востока пролегала через озеро, и далее пересекала сакму, то есть дорога достоверно была южнее.

В описании выше есть фраза «вверх Царевою сакмою», но направления «вверх» или «вниз» применялись только для рек или оврагов, поэтому в данном случае имеет место неточность записи. Вероятно, здесь имеется в виду дальнейшее движение вверх от озера по оврагу Коварзлею до дороги. Затем межа точно отходила от сакмы, что подтверждается фрагментом «от Царевы сакмы поперег врашка через черной лес». Этим вражком по всем признакам является небольшой овраг, названный Вичкилеем на ПГМ и Студеным на карте Менде, по нему пролегала граница мордовских земель деревни Костянки в XVIII–XIX вв. с участком, который в XVII в. являлся Игнатьевской пустошью и принадлежал П. Ф. Любятинскому. Таким образом, сакма пересекала овраг Коварзлей (Вежерский) между озером и оврагом Студеным (Вичкилеем) на участке длиной всего около 250 м. Наиболее подходящим является место перехода чуть севернее устья оврага Студеного (Вичкилея) (ил. 7).

Вежерское озеро – один из кандидатов для озера «на Икше», возле которого был 7-й стан Ивана Грозного. Оно расположено в непосредственной близости от сакмы. Одно ограничение – расстояние от р. Кевсы, где был 6-й стан, составляет около 16 км, что не соответствует средней дистанции перехода (около 27 км). Тем не менее, именно это озеро лежит в долине реки Малой Якшенки, то есть его можно было бы в первую очередь назвать озером на Икше. Другим кандидатом является Темное озеро, о котором речь идет в Примере №3 далее.

Пример №2. Место перехода Якшенского оврага и прохождение межи по сакме.

От Вежерского озера сакма весьма прямолинейно уходила в сторону Якшенского оврага. На ПГМ он носит название Выглядов. На Менде отрисован неточно – получилось, что его окончание показано, как отдельный овраг, а сам он смещен южнее, поэтому при анализе целесообразнее использовать планы дач (ил. 8). У оврага очень крутая стенка по правой

стороне, в прошлом именовавшаяся Выглядовой горой (ил. 9). Тем не менее, есть единственное место перехода и подъема, куда и приходила сакма, согласно межевым книгам. Оно образовалось вдоль небольшого в длину оврага, являющегося отвершком Якшенского (Выглядова) и впадающего в него с северной (правой) стороны. Этот овраг на ПГМ называется Выглядовским, его устье расположено в непосредственной близости от удобного места подъема (ил. 9).

Маршрут старинной дороги раскрывается в описании границ села Малая Якшень, в 1620-е гг. принадлежавшего Никифору и Гавриле, сыновьям Меньшого Любятинского. В то время с запада земли этого поселения граничили с деревнями Суторминской и Смолиной, принадлежавшими среди прочих, соответственно, Игнатию Любятинскому и Ивану Шадрину (о владельцах – см. Пудалов, 2022. С. 162–164). Западная межа описана с север-востока на юго-запад, разберем ее по сегментам. Первый (№1) касается границы с деревней Суторминской: «(л. 382) да вверх Большим врагом, а изо врага на кудрявою березу, а на ней грань старая по обе стороны, а береза подле Якшинской дороги, а с той березы Якшенскою дорогою (л. 382 об.) на дуб сухой, кряковист, а на нем грань старая по обе стороны, а с того дуба на правую сторону дороги на столб дубовой, а на нем грани по обе стороны, а столб стоит на Цареве сакме, и, едучи по граням от Большова врага до Царевы сакмы: правая сторона – помесная земля Игнатъя Любятинского деревни Суторминской, а левая сторона – помесная земля Меньшого Любятинского детей села Малой Якшени» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047. Л 382–382 об.).

Из этого описания выходит, что межа пролежала по некоему Большому оврагу, далее выходила из него и шла в сторону сакмы, определявшей крайнюю точку сегмента границы с деревней Суторминской. Начальная точка – это выход из оврага. Действительно на ПГМ показано, что межа Малой Якшени с участком №254, на котором отмечена деревня Сутермина, пролежала от начала оврага на юг вплоть до участка №256, именуемого в Экономических примечаниях к ПГМ «пустошь, что была деревня Смолино» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15/802. Л. 53). На Менде границы сохранились (ил. 10). Как видно, из описания выше в начале XVII в. в этой точке граница выходила к сакме.

Из сведений о следующем сегменте (№2) видно, что далее межа вдоль земель деревни Смолино совпадала со старинной дорогой (в квадратных скобках приведены комментарии и порядковые номера межевых признаков): «(л. 382 об.) А межа Меньшого ж детей Любятинского земле от Ивановы земли Шадрина: стоит столб дубовой [1] на Цареве сакме на сумежье [здесь сходятся границы трех землевладений, это тот же столб, что и в окончании предыдущего сегмента] промеж Игнатъя Любятинского, да Ивана Шадрина, да Меньшого Любятинского [М. Любятинский уже скончался, но здесь писцы, используя более ранние

источники, не заменили его на детей], а на нем грани, а с того столба Царевою сакмою к Ушан помре на столб [2] (л. 383) дубовой, а на нем грани, а с того столба Царевою сакмою к Ушан помре на столб [3] же дубовой, а на нем грани, да с того столба Царевою сакмою к Ушан помре на столб [4] дубовой, а на нем грани, да с того столба на столб [5] к Ушан помре Царевою сакмою на столб [sic] дубовой, а на нем грани, да с того столба Царевою сакмою к Ушан помре на столб [6] дубовой, а на нем грани, а с того столба Царевою сакмою к Ушан помре на столб [7] дубовой, а на нем грани, а с того столба на столб [8] Царевою сакмою к Ушан помре, на нем грани, а с того столба на столб [9] к Ушан помре дубовой, а на нем грани, а с того столба на столб [10] дубовой, на нем грани, а с того (л. 383 об.) столба на столб [11] к Ушан помре, а на нем грани, а с того столба Царевою сакмою на столб [12], а на нем грань, а столб стоит осередь [т.е. посреди] Ушан помры у дубового пня: правая сторона – Ивана Шадрина, а левая сторона – Меньшого детей Любятинского» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047. Л. 382 об.–383 об.).

Как видно, граница совпадала с сакмой (в точках 9–11 она, вероятно, также была рядом), на ее протяжении находилось 12 столбов, включая начальный и конечный. Окончание границы находилось посреди Ушан помры – это небольшой лесной массив, когда-то находившийся в этих местах, а сегодня практически полностью запаханный. Согласно ПГМ и Менде, земли, где ранее была деревня Смолина, с юга были ограничены небольшим оврагом, носившим название Филин. Это подтверждается и в межевых книгах начала XVII в., но в то время тот же овраг именовался Студеным Ключом: «Межа Прокофьеве ж земле Любятинского от Ивана Шадрина с племянники помесной пустоши Товарищевской в примерные земли, что примерена у Ивана Шадрина с племянники пустошь Улановская Гордеева: от Ушан помры промеж Прокофьевы (л. 407 об.) земли Любятинсково да Ивановы земли Шадрина враг Студеново Ключа, да на низ врагом до Якшенскова озера от Ушан помры: правая сторона – помесная земля Ивана Шадрина с племянники, а левая сторона – Прокофьева земля Любятинсково до Якшенского озера, а у Якшенского озера столб дубовой, а на нем грань на одной стороне» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047. Л. 407–407 об.). Еще один вариант названия XVII в. – «враг, что вышел из Ушан помры» (там же. Л. 408).

Таким образом, межа в этих местах не менялась между периодами, и точка окончания границ земель села Малой Якшени с деревней Смолиной находилась восточнее начала оврага Студеного Ключа (Филина), что в полной мере соответствует ПГМ и Менде (ил. 10).

Последний сегмент (№3) западных границ села Малой Якшени, согласно межевой книге начала XVII в., также частично связан с сакмой. От Ушан помры межа спускается вдоль нее к Якшенскому оврагу: «(л. 383 об.) а с того столба, что посередь Ушан помры, что у дубового пня, да межа Меньшого детей с Тимофеем Любятинским Царевою сакмою до

Якшенского врага, да вверх Якшенским врагом до вражка, что вражек на правой стороне Якшенского врага промеж Тимофеевы и мордовские земли Тюгелева: правая сторона – помесная земля Тимофея Любятинского пустоши Измайловской, (л. 384) а левая сторона – помесная ж земля Меньшого детей Любятинского» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047. Л. 383 об.–384). Здесь изначально или при подготовке копии межевой книги слегка нарушена логика. Начинаться описание должно с фразы «да межа Меньшого детей с Тимофеем Любятинским», далее уместно «а с того столба, что посередь Ушан помры, что у дубового пня» и следом «Царевою сакмою до Якшенского врага». Таким образом, граница спускалась прямо по сакме в овраг, а далее уходила в сторону вверх по оврагу до впадения в него с правой стороны по ходу движения отвершка, служившего границей владений Т. Любятинского с землями мордовской деревни Тюгелево (современное с. Костянка).

Все это соответствует ПГМ и карте Менде, но не полностью. Как уже было отмечено ранее, карта Менде в этой местности дефектная (ил. 10), и Якшенский (Выглядов) овраг на ней отрисован некорректно. Но на ПГМ отмечено, что межа при движении от границ бывшей деревни Смолиной пересекает еще один овраг Выглядовский, впадающий с правой стороны в Якшенский (Выглядов). Тоже самое можно видеть на плане дач генерального межевания (ил. 8). Важно, что в межевой книге не сказано о пересечении сакмой Выглядовского оврага, то есть межа не могла в него спускаться. Очевидно, что с XVII в. произошло незначительное смещение границ, из земель села Малая Якшень был вырезан небольшой участок.

Разведка на местности показывает, что Выглядовский овраг был серьезным препятствием, прокладка дороги напрямик не являлась целесообразной. Таким образом, сакма должна была подходить к Якшенскому (Выглядову) оврагу вдоль него, где действительно есть единственный хороший спуск, на северо-западе от которого уже начинается крутая стенка, в прошлом именовавшаяся Выглядовой горой (ил. 9). На местности также можно видеть вероятную эрозию на месте старинной дороги (ил. 11), а в лесу сохранились протяженные в длину углубления. Все это соответствует сведениям из книг XVII в. и дальнейшему маршруту дороги севернее Якшенского (Выглядова) оврага вдоль земель исчезнувшей деревни Смолиной.

Пример №3. Сакма у Темного озера и Сакминский овраг.

Описание границ показывает, что от точки, где сходились земли деревень Смолиной и Суторминской и села Малая Якшень, сакма уходила на восток. Известно, что она пролежала прямо рядом с селом через примыкающие к нему церковные земли: «от Спасского нового пруда вверх долом подле лес до Поповы поляны, что подле Цареву сакму [sic], до Большого врага: правая сторона – церковная земля, а левая сторона – помесная земля Меньшого детей Любятинского [т.е. села Малая Якшень]». Под Большим оврагом здесь подразумевается тот

же овраг, от которого начиналась граница села с деревней Суторминской. Согласно межевой книге 1624–1625 гг., этот овраг в XVII в. носил и другое название и именовался Суторминским. На это указывает описание части северной и восточной границ села Малая Якшень с землями села Печерок: «(л. 310) ...а от того дуба прямо на горелой дуб [1], а на нем грани старые, а дуб подле Коноплянова [далее в тексте – озеро] и мшанова болота, а от того дуба через Конопляное озера и через курпа(л. 310 об.)жины [т.е. водные ямы] прямо к горе в дуброву на дельную сосну [2], а на ней грань, а от тое сосны прямо ко мшанову болоту на дуб [3], что в берегу у мшанова болота, а на нем грани, а от того дуба подле мшанова болота дубровою на кудрявой дуб с струею [4], а на нем грани, а от того дуба прямо вниз вершинкою на струеват кудряв дуб [5], а на нем грани, а от того дуба прямо через болота врагом вниз безымянным врагом, а изо врага через Темное озеро [6] по Цареву сакму, а от Темново озера вверх по врагу Суторминскому потоком на покляпую розвилаватую березу [7], а на ней грани, а от тое березы вверх Суторминским врагом по пото(л. 311)ку на розвиловатую иву [8], а на ней грани, а от тое ивы из Суторминского врага прямо в вершину направо [?], да вершиною вверх по потоку на кудряв дуб [9], а на нем грани, а от того дуба вверх вершиною на три дуба [10], что на одном корени, на двух грани...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047. Л. 310–311).

В приведенном фрагменте сначала описывается часть западных границ села Печерки (точки 1–6), далее южная граница (точки 6–8) и еще одна западная (точки 9 и 10). Конопляное озеро находилось в овраге, который протекает непосредственно от села Малая Якшень и впадает в долину реки Сердедь. Оно различимо на современных спутниковых снимках, рядом с ним когда-то было болото. Отсюда граница поднималась в гору, где находилось еще одно болото, от которого по небольшому отвершку спускалась к безымянному оврагу и по нему далее к Темному озеру. Действительно на карте Менде отмечен небольшой овражек, по которому протекает межа (ил. 12). А спутниковые снимки и разведка на местности подтверждают наличие озера в низовьях этого овражка. Далее сразу за озером граница пересекала сакму и поворачивала вдоль Суторминского оврага на северо-запад. По нему необходимо было подняться до отвершка, который впадает в него с правой стороны. Отвершек виден и на современных спутниковых снимках. Суторминский овраг на плане дач генерального межевания по селу Печерки именуется Сакминским, поскольку дорога ранее пролежала рядом. Такое же название есть и на ПГМ, но при отрисовке допущена ошибка и получается, что граница по нему как будто не протекает, что не соответствует действительности. Межа села Печерок в этих местах за столетия не поменялась и в середине XIX в. была такой же.

Темное озеро расположено примерно в 25 км от Кевсы, и в 25 км от предполагаемого места пересечения войском Пьяны, то есть ровно посередине между 6 и 8 станами. Оно вполне

может быть кандидатом непосредственно для царского стана, хотя у него и малый размер (диаметр составляет около 100 м). Аэросъемка местности позволяет увидеть, как именно пролегла в этих местах межа (ил. 13). Как видно, современная дорога находится между озером и Суторминским (Сакминским) оврагом, то есть совпадает в этой точке с сакмой.

Пример №4. Спуск сакмы в Губинский овраг

После Темного озера дорога уходила далее на восток, по-видимому, пересекала Суторминский (Сакминский) овраг в том же месте, где и сегодня есть место переезда грунтовок. Следом был переход реки Сердедь. И отсюда уже сакма вновь выходила на межу и служила границей вплоть до реки Вилизы (в прошлом она же Ливеза) на расстоянии практически 10 км (ил. 14). Вдоль нее с северной стороны находились земельные участки, которые были поделены между целым рядом помещиков и мельчились на протяжении конца XVI – начала XVII вв. На них появился целый ряд русских поселений (с запада на восток): Наумово, Губино, Брехово, Ягубово, Арбузово и пр. Село Наумово сохранилось и ныне, деревня Губино в конце XVIII в. еще существовала, но на Менде не отмечена, остальные три из названных слились в село Ягубовку. Еще восточнее, ближе к Ливезе в 1620-е гг. находились земли мордовской деревни Пищасово и деревни Борнуковы, принадлежавшей мордовским мурзам. Ныне – это село Борнуково. Южной границей всех этих участков была сакма, что подтверждается множеством документов. Эта межа не изменилась и отражена на ПГМ и Менде, она легко реконструируется и представляет из себя линию, выровненную вдоль оси запад-восток.

Дорога шла в основном по ровной местности, но в начале после пересечения реки Сердедь поднималась по склону речной долины и затем опускалась в большой Губинский овраг, впадающий в Сердедь с правого берега. Место спуска можно также определить весьма точно на основе принципа неизменности межи.

Сохранилось, например, описание западной границы деревни Губино, одними из владельцев которой были братья Косяговские, с селом Наумово. В межевой книге оно представлено при движении с юга на север, отправной точкой является сакма: «(л. 348 об.) ...а по другую сторону межа от Царевы сакмы Василью да Семену Косяговским к усаду и до реки до Пьяны села Наумова с помещики с Матвеем Костылевым: у Царевы сакмы столб дубовый, а на нем грань, а с того столба вершиною через враг в дуброву на кудрявою березу, а на ней грани по обе стороны, а с той березы дубровой на кудрявой дуб, а на нем грани по обе стороны, а с того дуба поперек вершинки на розвиловатую березу, а на ней грани по обе стороны, а с той березы на дуб розвиловат, а на нем грани по обе стороны, а тот дуб по конец дубровы, а с того дуба от дубровы (л. 349) старым межником на кряковистой дуб, а на нем грани по обе стороны, а с того дуба старым межником на две березы кудрявые, на одной березе грани

старые по обе стороны да и новые натесаны, и с тех берез старым межником поперек Сурские дороги на две ивы, что в болотечке, на одной иве грани по обе стороны, а с тех ив старым межником до Баженовы земли Должикова ... [далее описаны еще межевые точки, в конце межа приходит к реке Пьяне] старым межником до реки до Пьяны, у реки Пьяны грань на вязовом пне, и, едучи по граням ... (л. 349 об.) ... от Царевы сакмы до Баженовы земли Должикова: правая сторона – Василия да Семена Косяговских, а левая сторона – земля села Наумова помещиков [sic] Матвея Костылева» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7047. Л. 348 об.–349 об.).

Как следует из описания, от сакмы межа сразу спускалась по отвершку в некий неназванный овраг, откуда далее шла на север к Пьяне. Если посмотреть на границы деревни Губины с селом Наумово на ПГМ и карте Менде, то можно обратить внимание, что межа при движении на север пересекала большой овраг, именуемый Губинским (ил. 14). При этом южный рубеж земель этих поселений подходил к этому же оврагу с юго-запада, от места перехода реки Сердемы, а дальше фактически шел по оврагу. Восточная межа земель Губино во владении Косяговских также с юга оканчивалась сакмой, то есть дорога определенно служила южной границей деревенских земель. Но с востока межа уже не пересекала Губинский овраг, и в межевые книги его упоминание на этой стороне не попало.

Длина южной межи губинских земель, согласно карте Менде, составляет 1.2 км. Посередине этого расстояния был спуск в овраг. При наложении карты на современные спутниковые снимки можно видеть, что от юго-западной точки граница действительно уходит в сторону отвершка оврага Губинского и спускается по нему в полном соответствии со сведениями из межевой книги. Видно также, что разграничение современных полей лежит по межнику XIX в., то есть спуск дороги должен был находиться там, где этот старинный межник подходил к оврагу. Разведка на местности и аэрофотосъемка показывает, что южный склон оврага в этих местах пологий, на нем остается едва различимый след, выровненный с полевым межником – возможная эрозия, оставшаяся от старинной дороги (ил. 15). В самом овраге к его началу пролегает грунтовая дорога, которая, по-видимому, повторяет маршрут сакмы, поскольку северная стенка более крутая и не подходит для подъема, а восточнее дно оврага поднимается и плавно выравнивается с окружающей местностью, то есть двигаться на восток от места спуска удобнее всего прямо по нему. Это предположение обосновано – согласно межевым книгам, юго-восточная точка границ деревни Губино находилась на сакме, а более поздние карты показывают, что та же точка лежит в овраге.

Пример №5. Пересечение сакмы с Сурской дорогой в районе Выползово.

При движении на восток от р. Вилизы (Ливезы) начинались земли деревни Выползово (ныне – село), выселка из села Свербино (Илл. 16). В РГАДА сохранились в подлинном виде

межевые книги, относящиеся к концу XVII в., в которых в деталях и с промерами описывается граница данного населенного пункта (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8. Л. 165–198). Книги были подготовлены по челобитью одного из владельцев деревни – Михаила Федоровича Аргамакова, поскольку у него возникали разногласия по межам с владельцами смежных земель, в частности, с Семеном Денисовичем Остафьевым из соседнего села Свербино. Дело было начато в Арзамасе 13 ноября 7203 (1694) года, а работы на местности произведены в присутствии стольника и воеводы Ивана Никитича Наумова 16 и 17 ноября того же года.

Сразу по приезду И. Н. Наумова человек М. Ф. Аргамакова передал ему «выпись с писцовых и с межевых книг писца Тимофея Измайлова с товарищи 129-го, и 130-го, и 131-го годов, какова в нынешнем в 203-м [1694] году по челобитью стольника Михаила Федорова сына Аргамакова дана ему ис Помесного приказа за приписью дьяка Ивана Козлова» (там же, л. 166). И. Н. Наумов, ознакомившись с выписью из книг Т. Измайлова и Н. Чаплина и информацией о смене владельцев в деревне Выползово с 1620-х гг., перешел к решению межевого спора: «и стольник, и воевода Иван Никитичь Наумов, слушав вышеписанной писцовой крепости, стольника Михайла Федорова сына Аргамакова крестьяном ево деревни Выползовы велел указать против писцовой крепости помесной деревни Выползовы земле писцовые межи, и урочищи, и владенье» (там же, л. 170 об.).

По итогу разбирательств было вынесено решение, что крестьяне М. Ф. Аргамакова в своих показаниях были верны и не противоречили писцовым выписям и показаниям третьих лиц, а крестьяне С. Д. Остафьева – нет. В окончании межевой книги описана вновь установленная граница с промерами.

«(л. 190 об.) ...помесной деревни Выползовы земле учинена межа: от речки Пешелатки на левой стороне мерою от тое речки 5 сажен в горе поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от тое речки (л. 191) и от столба и от ямы прямо на гору Сурскою дорогою мерою от столба 100 сажен поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того столба и от ямы прямо через сакму 260 сажен против маров у дорожки поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того столба и от ямы прямо дорошкою 458 сажен до пня дубового, что был писцовой дуб пня [т.е. на его месте был дуб, описанный у Т. Измайлова в 1620-х гг.], а у того пня поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того писцового дубового, и столба, и от ямы тою ж дорошкою до речки Ливезы 360 сажен, и у речки Ливезы, где была писцовая сосна, на правой стороне Сурской дороги поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того столба до речки Ливезы мерою 4 сажени и от Сурской дороги от столба и от ямы, (л. 191 об.) где была писцовая сосна, поворотя налево, вверх по той речке Ливезе мерою 480 сажен, и у речки Ливезы на левой стороне поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того столба и от ямы до потоку Крутого врага

87 сажен, поставлен на потоке столб дубовой, на нем грани, подле ево яма; и от первого урочища от речки Пешелатки и до того потоку, идучи по меже, левая сторона – земля и всякие угоды старое владенья деревни Выползовы крестьян, а на правой стороне – земля Еделевских да Бурнуковских помещиков, а от того столба и от ямы вверх потоком 90 сажен, на левой стороне Крутого врага на берегу поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того столба и от ямы вверх тем Крутым врагом мерою 1000 сажен поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма, а от того столба и от ямы 214 сажен (л. 192) до вершинки, что вышла из левой стороны, и подле той вершинки на левой стороне в горе, где был писцовой ивовой куст, а в нем была ива з гранью, а ныне ивовые отрасли, и близ того куста поставлен столб дубовой, на нем грани, подле ево яма; и от устья потоку и от столба, что поставлен на потоке, идучи межею по граням, и до того столба и до ямы: налеве – земля стольника Михайла Федорова сына Аргамакова деревни Выползовы, а на правой стороне – земля Исая Плешивцова с товарищи» (там же, лл. 190 об. – 192).

Измерения, сделанные при межевании, позволяют сравнить границы деревни Выползово конца XVII века с теми, что нанесены на карты Менде. Для экономии места здесь не приведены границы с селом Свербино, но для полноты картины следует добавить и небольшой фрагмент окончания межи перед тем, как она возвращается в первую («починную») точку у Сурской дороги: «...а от того столба и от ямы через речку Пешелатку позад деревни Выползовы, а от деревни Выползовы тою речкою Пешелаткою на низ до первой починной грани до столба и до ямы, что поставлены у той речки подле Сурской дороги, мерою 1470 сажен...» (там же, л. 194).

Итак, перед нами набор точек с измеренным расстоянием между ними. Соберем их в одну таблицу, считая первой точку на речке Пешелатке на окраине деревни Выползовы (см. Таблица 3).

Этот фрагмент подразумевает, что непосредственно от деревни необходимо спуститься вдоль речки Пешелатки на расстояние 3,2 км. Поскольку местоположение населенного пункта с конца XVII в. не поменялось, то начальная точка весьма точная, за ее основу можно взять плотину на пруду на северной окраине поселения. По картам Менде, граница от деревни, действительно, спускается по речке на протяжении 3 километров. Таким образом, межа между различными периодами времени осталась той же (очередное проявление принципа неизменности межи), и межевая точка у Сурской дороги определяется с высокой точностью. Далее граница пролегает вдоль этой дороги, пересекая сакму, вплоть до реки Ливезы (Вилезы). Примерно на полпути от Пешелатки на карте Менде граница деревни уходит на север, но на ПГМ такого отклонения не было, и межа была сравнительно прямой. Вероятно, это связано с последующей прирезкой в XIX в. к землям деревни Выползово участка, прежде состоявшего

в границах Еделево. При этом можно обратить внимание, что южная граница этого прирезанного участка сохранилась фактически той же, что и на ПГМ, и именно ее и надо исследовать.

С западной стороны граница пролегла по Вилизе (Ливезе). Здесь важным ориентиром служит овраг Крутой, который легко идентифицируется на местности. От Сурской дороги до него, согласно сведениям конца XVIII в., 567 (480 + 87) сажень (1,2 км). Таким образом, от оврага вниз по реке можно проложить это расстояние, чтобы понять, куда именно приходила Сурская дорога, служившая границей поселения с севера. В свою очередь длина межи вдоль нее от Вилизы (Ливезы) до Пекшелатки составляет 2,5 км. При этом на расстоянии не ближе 216 м и не далее 778 м от Пекшелатки было пересечение Сурской дороги с сакмой. Перекресток находился между вторым и третьим межевыми признаками (столбами) от реки.

Наложение границ на спутниковые снимки позволяет определить, как именно шла Сурская дорога. Маршрут сакмы при этом известен с запада до места пересечения с Вилизой (Ливезой) и предположительно после перехода этой реки дорога шла дальше на восток примерно по той же линии. Действительно, если продлить ее далее в сторону следующей известной точки около 8-го стана (примерные координаты: N55.3336, E44.9394), то она пересечет реконструированную Сурскую дорогу ровно между вторым и третьим столбами (ил. 17). Таким образом, перекресток определяется с высокой точностью (примерные координаты: N55.3426, E44.8084), и, как видно, сакма в этой местности была направлена на восток практически по прямой линии. Она пролегла до Никольского погоста на сакме, около которого был 8-й стан царского войска в походе 1552 г.

Рассмотренные примеры демонстрируют различные варианты применения метода, позволяющего на основе сведений из актов с описаниями меж или межевых книг XVI–XVII вв. определять, как именно пролегла граница, а также находить связанные с ней географические объекты. В основе метода лежит принцип неизменности межи, который подразумевает, что в большинстве случаев границы на планах генерального межевания и топографической карте Менде оставались такими же, какими их описывали в межевых книгах столетиями ранее. Это не исключает вероятность возникновения межевых споров по отдельным участкам: каждый сегмент границ требует индивидуального подхода и всестороннего анализа. Важно понимать, как именно описывалась межа в XVI–XVII вв., хорошо разбираться в местности, использовать современные цифровые карты и спутниковые снимки в связке с картами Менде, ПГМ и планами дач. В статье предложено, как можно структурировать сведения о межах, чтобы упрощать их восприятие. Такая первоначальная обработка значительно облегчает дальнейшую работу с планами и картами в связке с рукописными текстами. Если в описании границ есть промеры, то это повышает точность

привязки географических объектов, связанных с межей (дорог, водотоков, кладбищ и пр.), но и без измерений можно весьма точно определять местоположение различных урочищ. Разведка на местности позволяет окончательно подтвердить правильность суждений.

Список источников и литературы

Парадеев Е. И. Пара слов о Цареве сакме. 2019. [Электронный ресурс] PDF-файл (92 с.) + прил. Режим доступа: <http://www.PARADEEV.com>, свободный. Загл. с титул. экрана.

Парадеев Е. И. Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девочкина и дьяка Дементия Слугина начала 60-х гг. XVI века по нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд. // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции / Отв. редактор В. И. Грубов, науч. редактор А. А. Исаков. Арзамас, 2022. С. 31–54.

Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею (ПСРЛ). Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1904. Т. 13. Первая половина. V, 302 с.

Пудалов Б. М. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2. Нижний Новгород, 2022.

Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. I.

Черепнин Л. В. Памятники русского права. Вып. 3, Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.

Юшков С. В. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 73–232.

Таблица 1. Сравнение сведений о межевых признаках на сегменте границы между Корино и Шатками, приведенных в писцовых книгах XVII в.

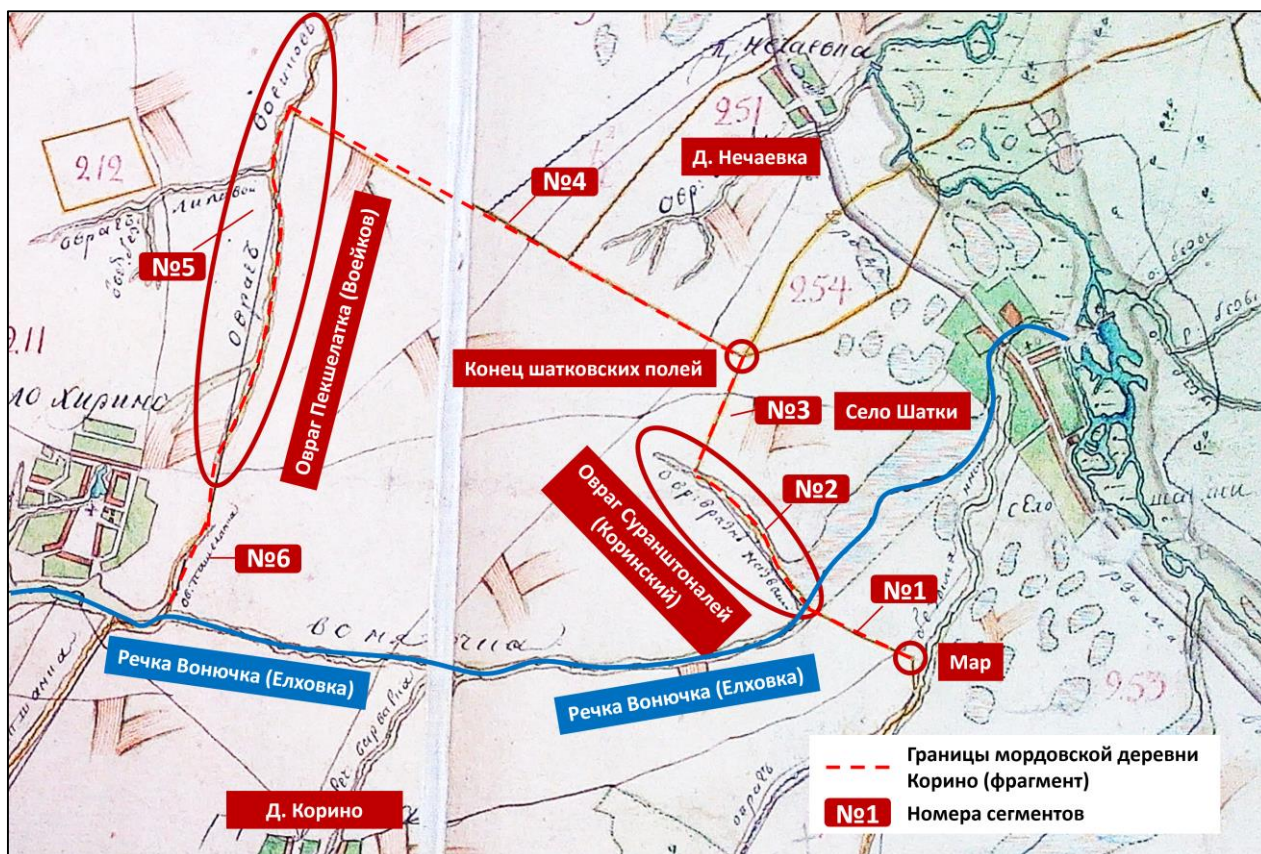
№ точки	Краткое описание точек в кн. Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг.	Краткое описание точек в книге В. Киреева 1677–1678 гг.
1	У Кадомской дороги мордовский мар (т.е. курган), на маре липа, на липе грань	У Кадомской дороги мордовский мар, на маре липа с гранями Т. Измайлова, липа свалилась, на ее месте три дубка
2	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны
3	Береза с гранями и ямами по обе стороны	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны
4	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны
5	Сосна с бортью и гранями по обе стороны	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны
6	Две березы от одного корня с гранями	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны
7	Столб дубовый у р. Вонючки	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны у р. Вонючки
	<i>Переход речки к устью оврага</i>	<i>Переход речки к устью оврага</i>
8	Устье оврага Сураншта(о)налей	Устье оврага Сураншта(о)налей
	<i>Движение вверх к истоку (началу оврага) к старому межнику</i>	<i>Движение вверх к истоку (началу оврага) к старому межнику</i>
9	Столб дубовый у старого межника с двумя гранями напротив отвершка	Столб дубовый у старого межника с двумя гранями напротив отвершка
	<i>Подъем по отвершку оврага к его началу (не описан, подразумевается)</i>	<i>Подъем по отвершку оврага к его началу (не описан, подразумевается)</i>
10	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны	Столб дубовый с гранями и ямами по обе стороны
	<i>Пересечение Никольской дороги</i>	<i>Пересечение Никольской дороги</i>
11	Столб дубовый с тремя гранями и тремя ямами по сторонам, точка соприкосновения земель поселений: Корино, Шатки, Нечаево.	Столб дубовый с гранями и тремя ямами по сторонам, точка соприкосновения земель поселений: Корино, Шатки, Нечаево.

Таблица 2. Структурированный перечень межевых признаков на сегменте границ между Корино и Шатками с указанием расстояний между ними.

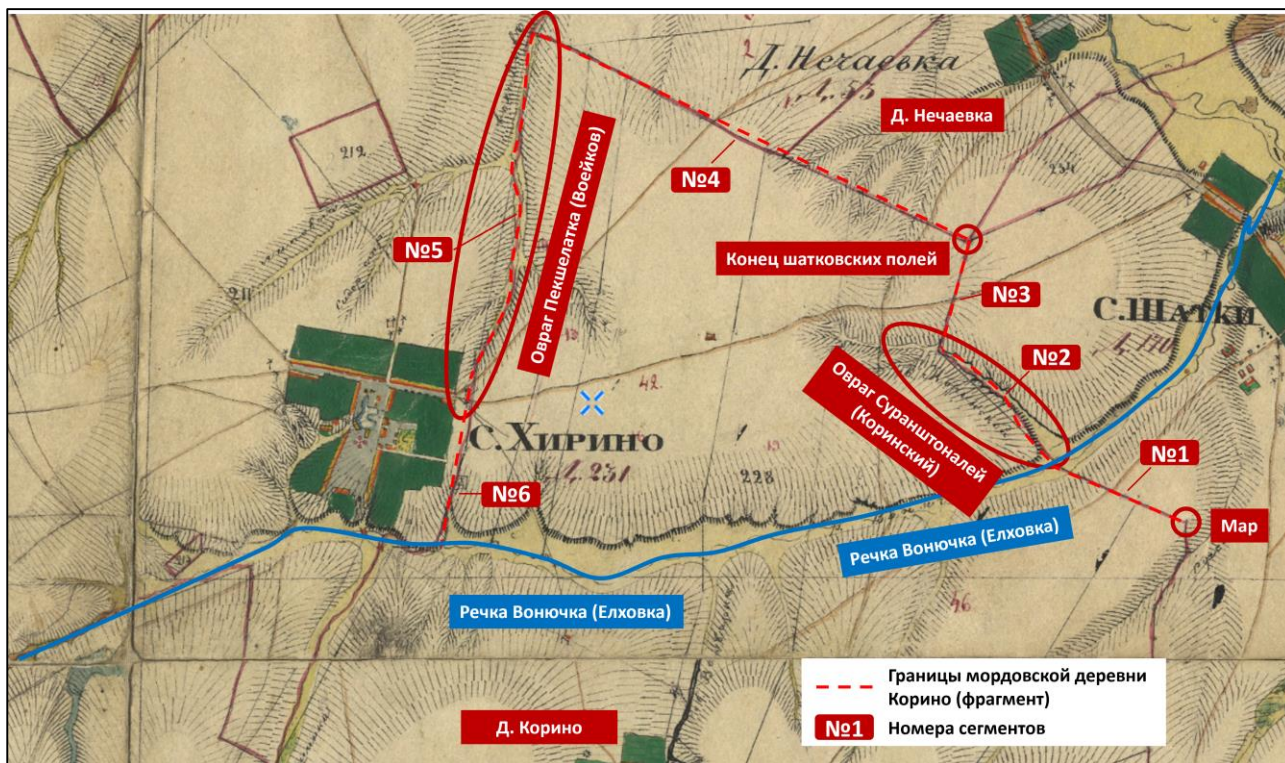
#	наименование межевой точки	расстояние между		расстояние	
		отдельными		накопленным	
		точками		итогом	
		саж.	М	саж.	М
1	Мар у Кадомской дороги	0	0	0	0
2	Столб за Кадомской дорогой	43	93	43	93
3	Столб	62	134	105	227
4	Столб	78	168	183	395
5	Столб	95	205	278	600
6	Столб	76	164	354	765
7	Столб на берегу Вонючки	51	110	405	875
8.1	Переход к устью оврага			без промеров	
8.2	Столб в овраге Суранштоналей	445	961	850	1836
9.1	Подъем по отвершку оврага			без промеров	
9.2	Столб до Никольской дороги	58	125	908	1961
	Столб в конце шатковских				
10	земель, от которого начинаются земли деревни Нечаевы	200	432	1108	2393

Таблица 3. Структурированный перечень межевых признаков на границе деревни Выползово, согласно межевому акту 1694 г.

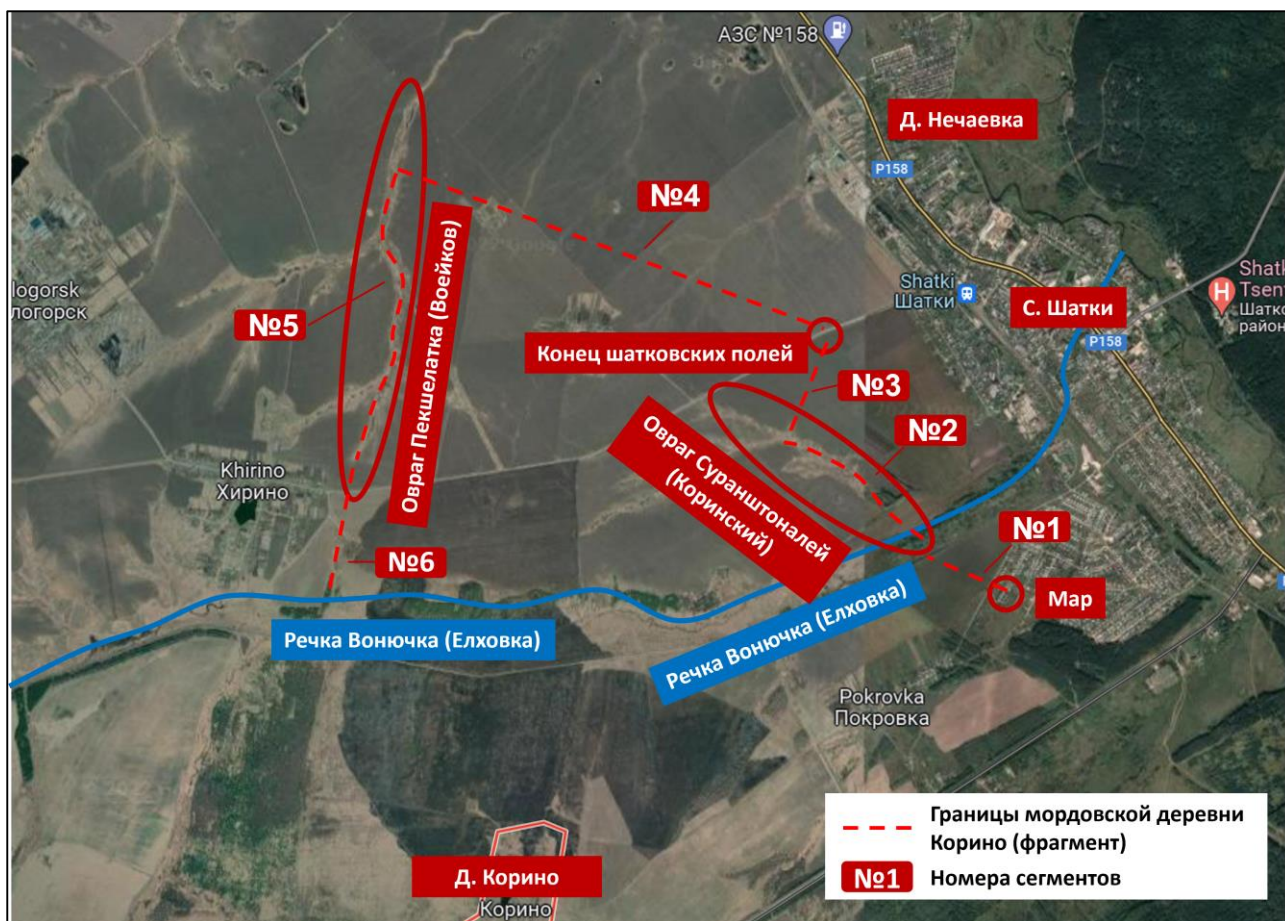
#	наименование межевой точки	расстояние между отдельными точками		расстояние накопленным итогом	
		саж.	М	саж.	М
1	Окраина деревни Выползово у речки Пешелатки	0	0	0	0
	<i>Движение вниз по течению Пешелатки</i>				
2	Столб у речки Пешелатки возле Сурской дороги на левом берегу в 5 саженях (~11 м)	1470	3175	1470	3175
	<i>Окончание восточной границы поселения, поворот межи на запад</i>				
3	Столб у Сурской дороги на возвышенности	100	216	100	216
	<i>Пересечение межи с сакмой</i>				
4	Столб против маров у Сурской дороги	260	562	360	778
5	Столб у Сурской дороги рядом с пнем, где был дуб, описанный Т. Измайловым	458	989	818	1767
	<i>Столб на правой стороне Сурской дороги, где была сосна, описанная Т. Измайловым, в 4 саженях (~8.5 м) от речки Вилезы</i>				
6		360	778	1178	2545
	<i>Окончание северной границы поселения (с Еделево), поворот межи на юг, движение продолжается вверх против течения Вилезы</i>				
7	Столб	480	1037	480	1037
8	Столб у устья потока Крутого оврага	87	188	567	1225
	<i>Окончание границы с Борнуково, а также с землями М. Плешивцова на левом берегу Вилезы, изученных ранее, движение продолжается вверх в Крутом овраге вдоль потока</i>				
9	Столб на левой относительно писцов стороне оврага у потока	90	194	90	194
10	Столб в овраге	1000	2160	1090	2354
	<i>Столб на месте ивовой рощицы, описанной Т. Измайловым, у малого отвершия Крутого оврага, впадающего слева относительно движения писцов</i>				
11		214	462	1304	2816
	<i>Окончание границы с Малым Свербино</i>				
	Итоговый периметр	-	-	4519	9761

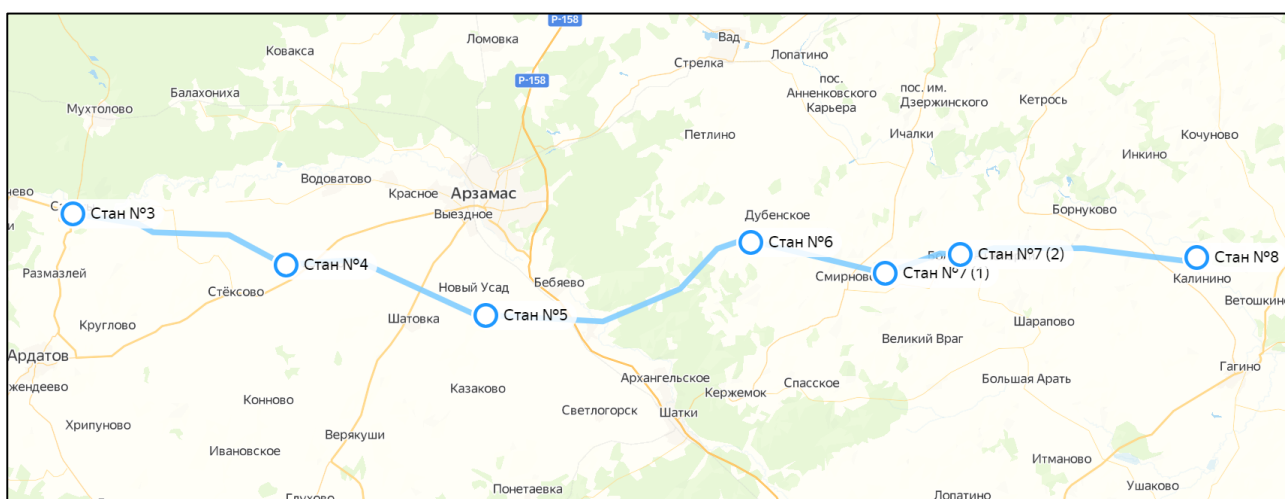
Ил. 1. Фрагмент границ деревни Корино с селом Шатки, деревней Нечаево, селом Хирино по ПГМ 1791 г. с ключевыми межевыми признаками начала XVI в. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 37/2573).

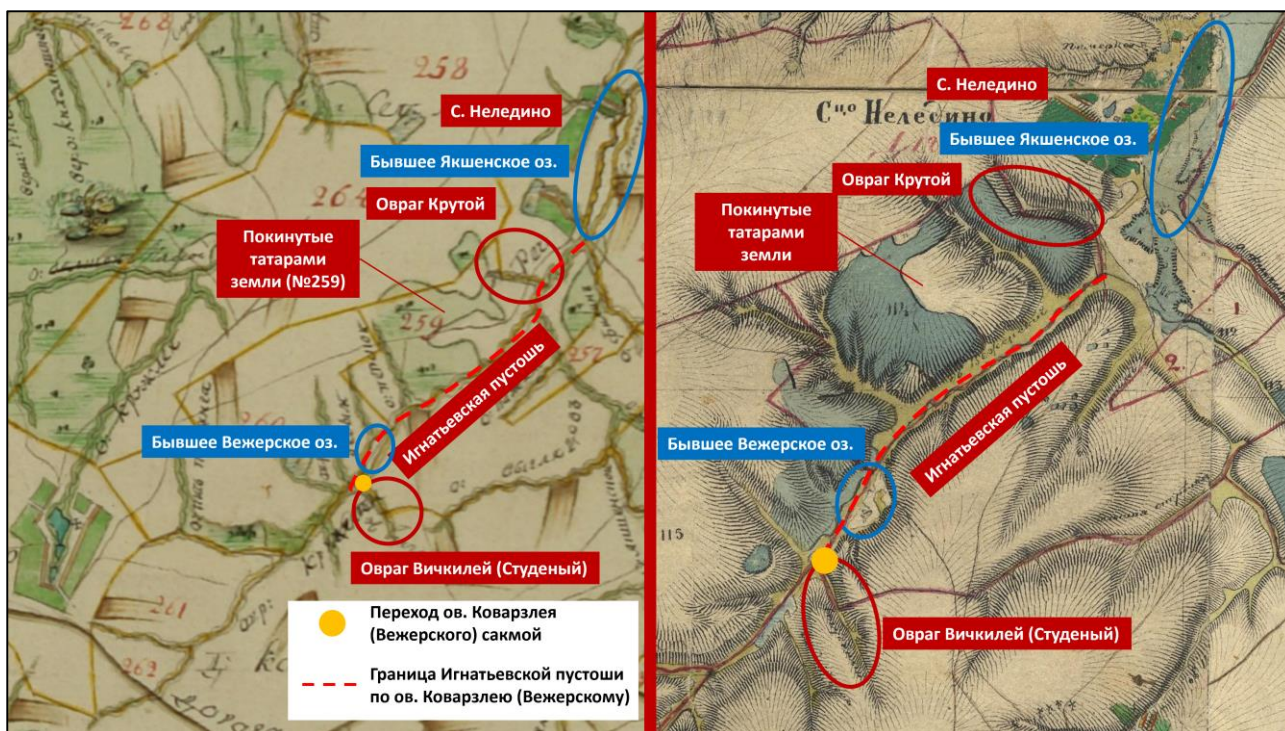
Ил. 2. Фрагмент границ д. Корино с с. Шатки, д. Нечаево, с. Хирино по топографической карте Менде середины XIX в. с ключевыми межевыми признаками начала XVI в.

Ил. 3. Фрагмент границ д. Корино с с. Шатки, д. Нечаево, с. Хирино на современных спутниковых снимках с ключевыми межевыми признаками начала XVI в.

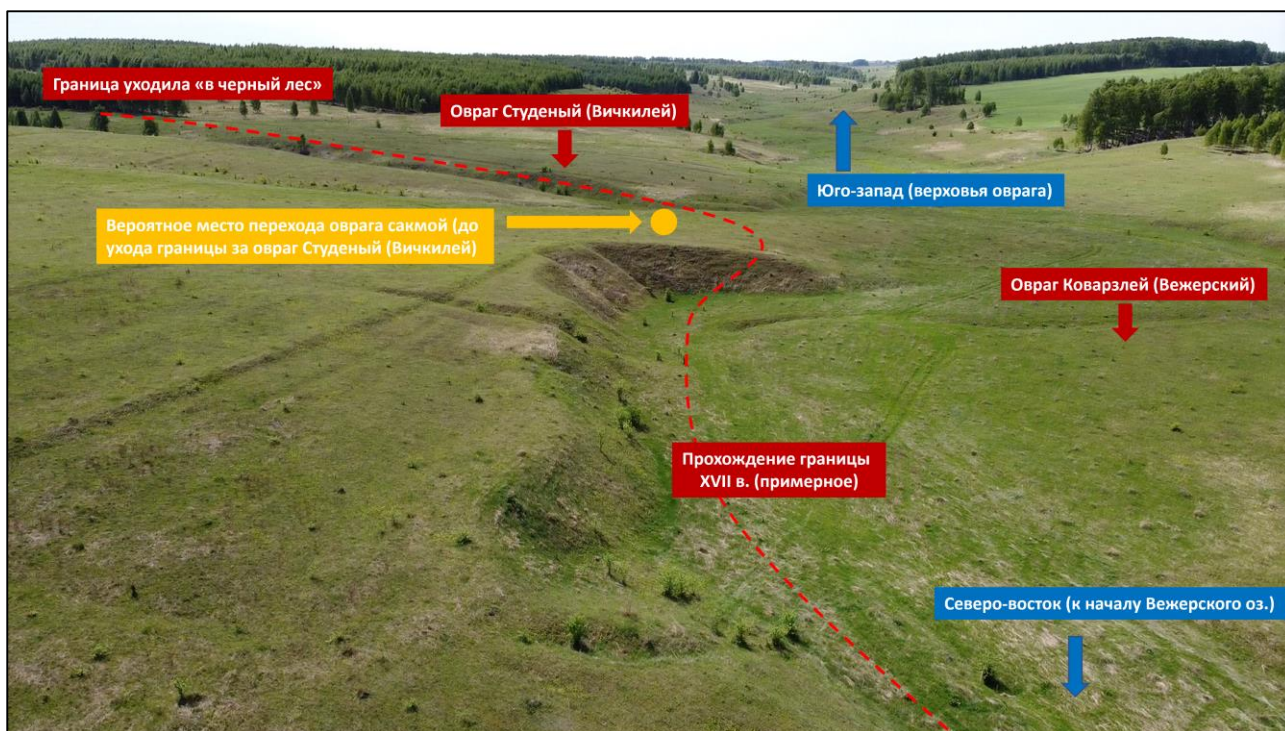
Ил. 4. Восстановленная по межевым книгам сакма, по которой должен был передвигаться царь Иван Грозный в походе 1552 г., с местоположением его станов (для 7-го стана возможны 2 локации).

Ил. 5. Межа Игнатьевской пустоши на ПГМ и карте Менде со смежными землями, местоположение Вежерского озера и сакмы около него.

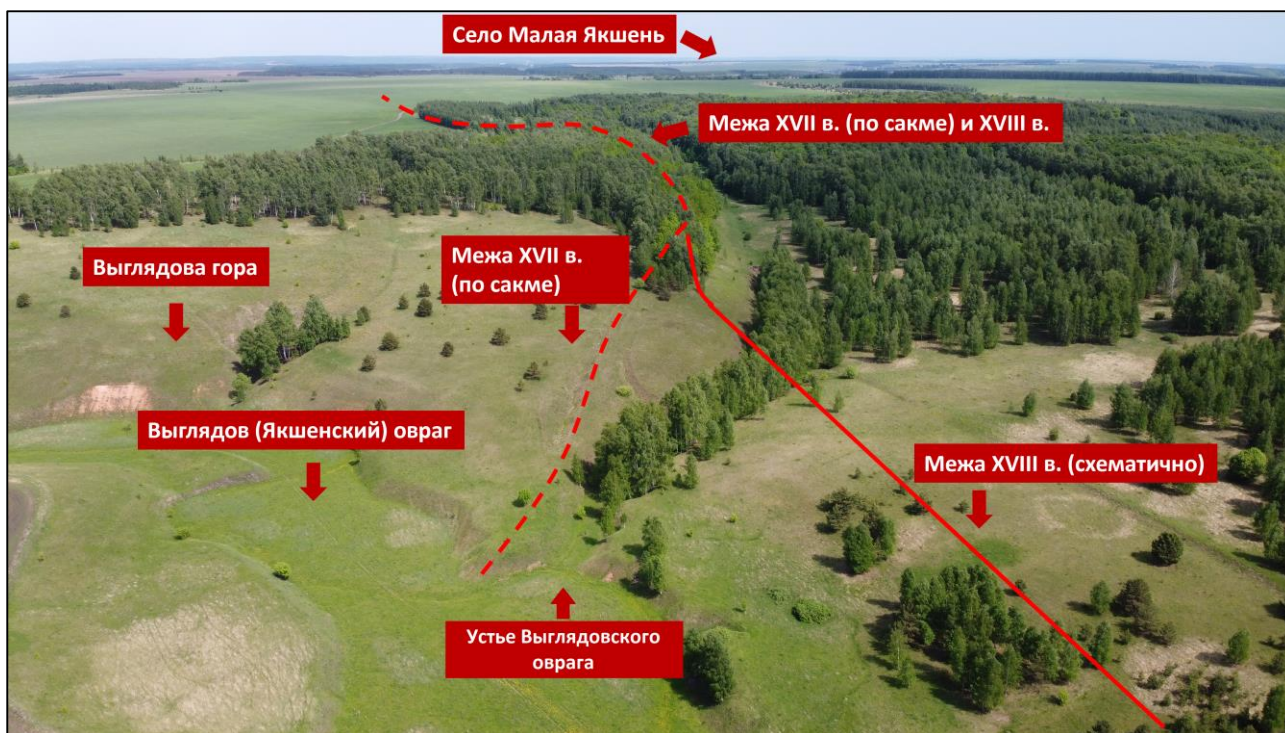
Ил. 6. Аэросъемка места, где в XVI–XVII вв. находилось Вежерское озеро.

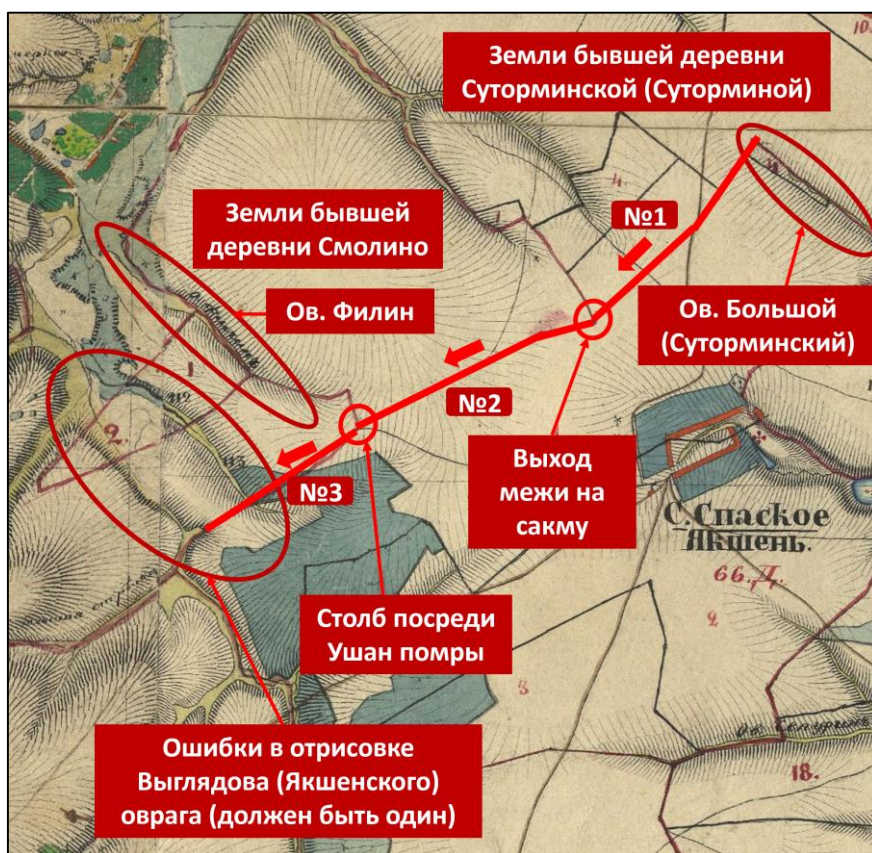
Ил. 7. Аэросъемка оврага Коварзлея и места вероятного перехода оврага сакмой с примерным пролеганием межи начала XVII в. (вид на юго-запад от Вежерского озера).

Ил. 8. Фрагмент плана дачи генерального межевания по участку, расположенному у Выглядова (Якшенского оврага) (ГКУ ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676а. д. 2998).

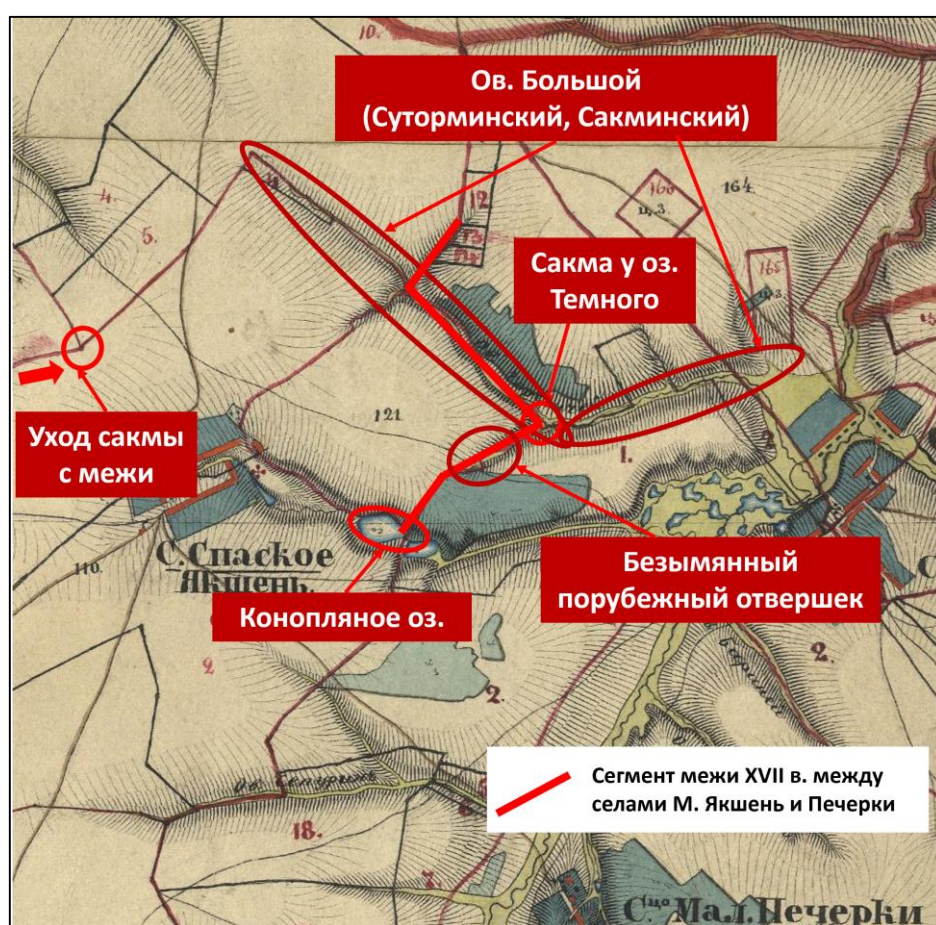
Ил. 9. Аэросъемка Выглядова (Якшенского) оврага и места подъема сакмы вдоль его отвешка – Выглядовского оврага.

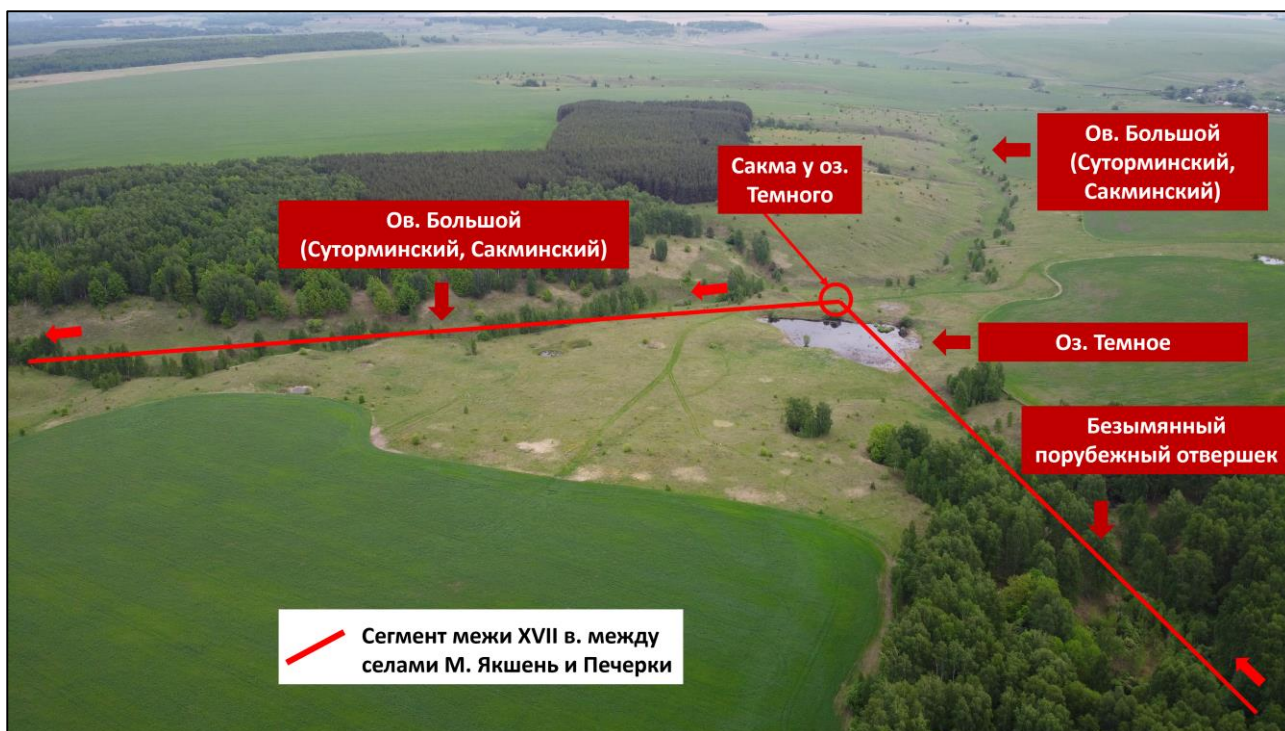
Ил. 10. Межа села Малая Якшень XVII в. со смежными землями с запада: д. Суторминой, Смолиной и владениями Любятинских у Выглядова (Якшенского) оврага (картографическая основа – карта Менде, середина XIX в.)

Ил. 11. Эрозия почвы, вероятно образовавшаяся на месте подъема дороги.

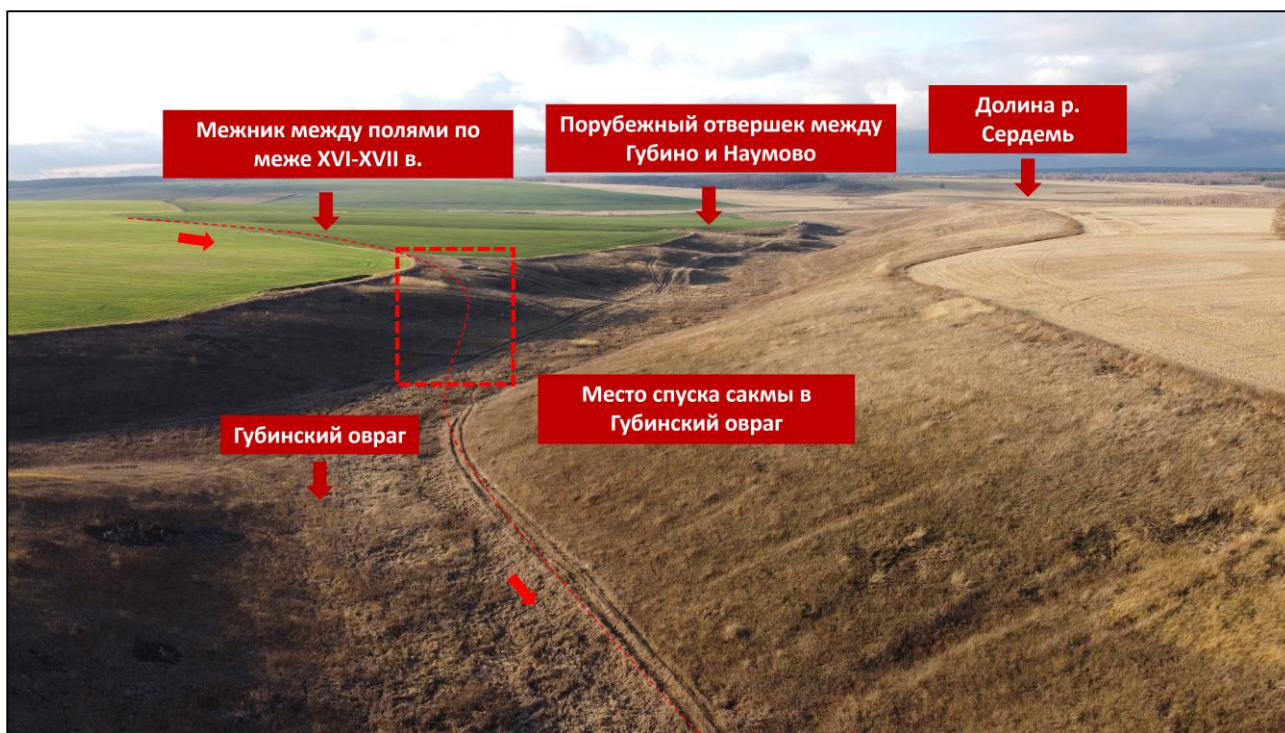
Ил. 12. Межа села Печерок XVII в. с с. Малая Якшень с пересечением ее сакмой у Темного озера и Суторминского оврага (картографическая основа – карта Менде, середина XIX в.)

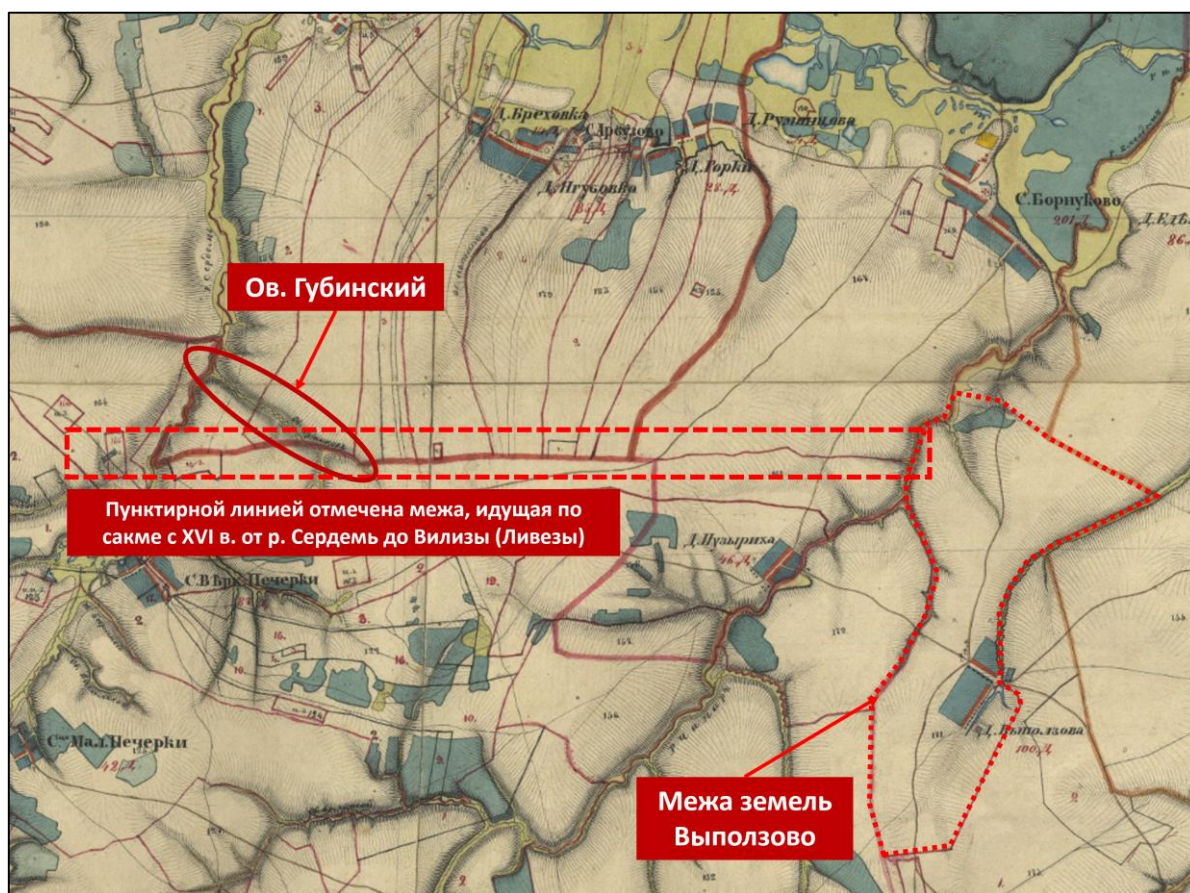
Ил. 13. Аэросъемка Темного озера, Суторминского оврага и места пересечения сакмы и межи XVII в.

Ил. 14. Межа множества земельных участков, проложенная вдоль сакмы от р. Сердедь до р. Вилизы (Ливезы), подтверждается по документам XVI в. (картографическая основа – карта Менде, середина XIX в.)

Ил. 15. Аэросъемка места спуска сакмы в Губинский овраг, в котором находится долина реки Сердёмь (вид на запад).

Ил. 16. Границы деревни Выползово на карте Менде, которые сохранились неизменными с XVII века.

Ил. 17. Определение местоположения Сурской дороги, межевых признаков вдоль нее и перекрестка с сакмой на основе промеров границ конца XVII века.

Электронное издание

**ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН**

Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года

**Текст публикуется в авторской редакции.
Точка зрения авторов статей может не совпадать
с точкой зрения редколлегии и рецензентов.**

При создании обложки использовано фото с остатками вала Лысковской крепости и изображение сына боярского (автор Б. А. Илюшин).